

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Зинина Мария Михайловна

АДАПТАЦИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ
К УСЛОВИЯМ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит

Диссертация на соискание
учёной степени кандидата
экономических наук

Научный руководитель

Мешкова Елена Ивановна,
кандидат экономических наук, доцент

Москва – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ	12
1.1 Понятие и структура бизнес-модели коммерческого банка	12
1.2 Классификация бизнес-моделей коммерческих банков	25
1.3 Факторы внешней среды, влияющие на бизнес-модели коммерческих банков.....	39
ГЛАВА 2 ОЦЕНКА БАНКОВСКИХ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ..	60
2.1 Сущность и особенности адаптации бизнес-моделей коммерческих банков к условиям макроэкономической среды.....	60
2.2 Подходы к оценке бизнес-моделей коммерческих банков	75
2.3 Стресс-тестирование как метод определения способности адаптации бизнес-моделей коммерческих банков к внешним условиям.....	90
ГЛАВА 3 ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ АДАПТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ.....	103
3.1 Разделение российских коммерческих банков по типам бизнес-моделей	103
3.2 Стресс-тестирование устойчивости различных типов банковских бизнес-моделей.....	118
3.3 Рекомендации по повышению адаптивных способностей бизнес-моделей российских банков и совершенствованию режимов регулирования их деятельности	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	157
ПРИЛОЖЕНИЕ А Сравнительный анализ российских и зарубежных методик оценки финансовой устойчивости коммерческих банков	173

ПРИЛОЖЕНИЕ Б Динамика композитного индекса облигаций Московской Биржи (RUABITR)	177
ПРИЛОЖЕНИЕ В Макроэкономические параметры, влияющие на просроченную задолженность по корпоративным кредитам	179
ПРИЛОЖЕНИЕ Г Макроэкономические параметры, влияющие на просроченную задолженность по розничным кредитам.....	181
ПРИЛОЖЕНИЕ Д Оценка взаимозависимости просроченной задолженности по корпоративным кредитам и факторов внешней среды	182
ПРИЛОЖЕНИЕ Е Оценка взаимозависимости просроченной задолженности по розничным кредитам и факторов внешней среды.....	183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В условиях современного состояния экономики, характеризующегося увеличением конкуренции за первоклассных клиентов среди банков и некредитных организаций, падением маржинальности банковского бизнеса, активной диджитализацией услуг, усилением геополитических рисков на фоне ужесточения регулирования деятельности кредитных организаций, проблема формирования и совершенствования бизнес-моделей коммерческих банков, способных адаптироваться к макроэкономическим условиям для обеспечения устойчивости их деятельности, стоит особенно остро. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные отзывы лицензий (73 кредитные организации лишились лицензий на осуществление банковских операций в 2014 году, 88 – в 2015 году, 89 – в 2016 году, 47 – в 2017 году, 57 – в 2018 году) [76], объективной причиной большинства которых являются неустойчивые и неэффективные бизнес-модели коммерческих банков. Таким образом, сложившиеся предпосылки обуславливают актуальность выбранной темы диссертационного исследования, которая заключается в необходимости разработки предложений по повышению возможностей коммерческих банков оперативно перестраивать свои бизнес-модели в соответствии с изменяющимися условиями внешней среды в целях повышения устойчивости каждой кредитной организации и банковской системы в целом.

Степень разработанности темы исследования. Несмотря на высокую степень актуальности, разработанность темы диссертации ограничивается исследованиями отдельных аспектов, таких как понятие бизнес-модели, классификация банковских бизнес-моделей и оценка их финансовой устойчивости, определение понятия «адаптация». В тоже время, по состоянию на текущий момент в экономической научной среде отсутствуют исследования, освещающие сущность и структуру бизнес-модели коммерческого банка, а также способность адаптации банковских бизнес-

моделей к условиям макроэкономической среды в целях обеспечения устойчивости своей деятельности.

Исследованию концепции бизнес-моделей посвящены работы как зарубежных ученых, так и российских, среди них наибольший вклад в формирование термина «бизнес-модель» внесли П. Друкер [P. Drucker], П. Тиммерс [P. Timmers], М. Льюис [M. Lewis], Дж. Магретта [J. Magretta], М. Джонсон [M. Johnson], К. Кристенсен [C. Christensen], Х. Кагерманн [H. Kagermann], А. Остервальдер [A. Osterwalder], М. Соррентино [M. Sorrentino], В.Ю. Котельников, В.А. Гусаков, Р.А. Исаев, А.Е. Ушанов и другие. Также понятие бизнес-модели исследовали представители банковского сообщества в лице Совета по Международным стандартам финансовой отчетности [International Accounting Standards Board].

Классификация банковских бизнес-моделей является предметом исследований, проводимых Европейским Центральным Банком, Банком России, аудиторско-консалтинговой компанией Прайсвоотерхаускперс [PricewaterhouseCoopers], А. Грицкевич [A. Gryckiewicz] и Л. Козловски [L. Kozlowski], Ф.Т. Алескеровым и В.М. Солодковым, Н.И. Валенцевой и М.А. Помориной.

Определение понятия «адаптация» рассматривается в работах следующих ученых: С. Бир [S. Beer], Б.А. Райзберга, В.А. Козловского, В.Н. Гончарова, Ю.В. Гусева, Т.З. Ву, В.В. Шевченко и других.

Оценка финансовой устойчивости банковских бизнес-моделей описывается в документах ведущих международных и национальных финансовых организаций: Базельский комитет по банковскому надзору [Basel Committee on Banking Supervision], Европейская банковская организация [European Banking Authority], Совет по финансовой стабильности [Financial Stability Board], Федеральная резервная система США [The Federal Reserve System], Банк Англии [Bank of England], Банк России, рейтинговое агентство «Эксперт РА».

Отсутствие комплексного изучения заявленных вопросов в имеющихся исследованиях делает необходимым рассмотрение особенностей банковских бизнес-моделей с точки зрения их адаптивных возможностей, что определило **цель диссертационного исследования**, заключающуюся в разработке комплекса теоретико-методологических положений и практических рекомендаций по совершенствованию бизнес-моделей коммерческих банков, направленных на повышение их адаптивных способностей к изменению условий макроэкономической среды для обеспечения устойчивости банков и, следовательно, российской банковской системы в целом.

Достижение обозначенной цели исследования предполагает решение следующих ключевых **задач**:

- сформировать теоретическое представление о сущности и классификации бизнес-моделей российских коммерческих банков;
- выявить особенности процесса адаптации применительно к бизнес-моделям кредитных организаций;
- определить подходы к оценке финансовой устойчивости банковских бизнес-моделей и их способности адаптироваться к макроэкономическим условиям;
- разделить российские коммерческие банки по типам бизнес-моделей, на основе стресс-тестирования определить финансовую устойчивость бизнес-моделей в целях оценки их адаптивных способностей;
- разработать рекомендации по повышению способности различных типов банковских бизнес-моделей адаптироваться к макроэкономическим условиям.

Объектом исследования выступают банковские бизнес-модели, являющиеся основой обеспечения финансовой устойчивости и перспектив развития кредитных организаций.

Предметом диссертационного исследования является способность бизнес-моделей коммерческих банков адаптироваться к условиям макроэкономической среды.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в определении структуры банковской бизнес-модели, разделении российских банков по типам бизнес-моделей и оценке их устойчивости, а также в разработке комплекса мер, направленных на повышение адаптивных способностей различных типов бизнес-моделей кредитных организаций, и предложений по совершенствованию регулирования деятельности банков.

Теоретическая значимость исследования. Проведенное автором научное исследование представляет собой интерес для теории и практики банковского дела. В частности, полученные результаты позволили внести вклад в теоретическое осмысление сущности банковских бизнес-моделей, провести их классификацию и реализовать комплексный подход к оценке адаптивных способностей бизнес-моделей кредитных организаций. Сформированные автором теоретические представления об особенностях бизнес-моделей коммерческих банков и их способности адаптироваться к условиям макроэкономической среды определяют вектор дальнейших исследований в этой области.

Практическая значимость исследования заключается в возможности российских коммерческих банков использовать предложенные пути повышения адаптивных способностей бизнес-моделей к меняющимся условиям внешней среды в целях своего устойчивого развития. Также результаты исследования могут применяться Банком России при оценке бизнес-моделей кредитных организаций и в регулировании деятельности коммерческих банков. Основные положения диссертационного исследования могут также быть использованы в учебном процессе в преподавании ряда учебных дисциплин в высших учебных заведениях.

Методология и методы исследования. Методологической базой исследования выступают теория научного познания, институциональный и системный подходы к рассматриваемой проблеме. В диссертационном исследовании использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстракция, обобщение, сравнительный анализ,

классификация), так и частные методы познания (эконометрическое моделирование, экспертная оценка, статистическая группировка, экономико-математические и статистические методы обработки данных).

Теоретическая база исследования сформирована классическими трудами экономистов, посвященными теории бизнес-моделей, а также работами современных отечественных и зарубежных ученых по вопросам характеристики, развития и адаптации бизнес-моделей коммерческих банков.

Информационную базу исследования составили актуальные статистические и аналитические данные Центрального банка Российской Федерации (Банка России), Федеральной службы государственной статистики, а также статистическая информация базы данных Orbis Bank Focus компании Bureau van Dijk Electronic Publishing (BvDEP). Кроме этого, в работе были использованы законодательные и нормативные акты Российской Федерации, нормативные документы ведущих международных банковских организаций и сообществ относительно рассматриваемой темы исследования.

Область исследования. Исследование выполнено в соответствии с п. 10.12 «Совершенствование системы управления рисками российских банков»; п. 10.13 «Проблемы оценки и обеспечения надежности банка»; п. 10.16 «Система мониторинга и прогнозирования банковских рисков» Паспорта научной специальности 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки).

Положения, выносимые на защиту:

1. По результатам проведенного анализа теоретических представлений о сущности банковских бизнес-моделей разработана структура и сформулировано понятие банковской бизнес-модели, которая трактуется как система ресурсов, менеджмента, бизнес-деятельности и результатов (С. 20-21). На основе изучения и систематизации существующих подходов к классификации банковских бизнес-моделей разработана авторская классификация бизнес-моделей российских кредитных организаций (С. 37-39). Выявлены ключевые факторы внешней среды, определяющие

трансформацию бизнес-моделей коммерческих банков в среднесрочной перспективе (С. 40).

2. Определено содержание понятия «адаптация» применительно к банковским бизнес-моделям (С. 74) посредством выявления ее разновидностей (С. 71), механизма (С. 71-72), форм (С. 72), применяемых методов (С. 73) и функциональных сфер (С. 73-74).

3. Предложены и обоснованы критерии оценки бизнес-моделей коммерческих банков (С. 75-76). Систематизированы используемые надзорными органами различных стран и ведущими международными организациями подходы к оценке банков с точки зрения их финансовой устойчивости (С. 76-87). Доказана значимость стресс-тестирования как метода оценки финансовой устойчивости бизнес-моделей кредитных организаций и их способностей адаптироваться к макроэкономическим условиям (С. 101-102).

4. Проведено разделение российских коммерческих банков на группы в зависимости от типа бизнес-моделей (С. 103-104; 110-111). Определены финансовая устойчивость и степень адаптивности каждого типа банковских бизнес-моделей на основе разработанного математического аппарата для стресс-тестирования (С. 129-132). Выявлены и ранжированы ключевые риски различных типов бизнес-моделей кредитных организаций (С. 133-139).

5. Разработаны предложения по нейтрализации рисков и перечень опережающих мер, направленных на повышение адаптивности каждого типа бизнес-модели (С. 139-141). Предложенные меры позволят коммерческим банкам оперативно адаптировать свои бизнес-модели к изменяющейся конъюнктуре макросреды, сохраняя при этом финансовую устойчивость деятельности даже в кризисных условиях. Разработаны рекомендации для Банка России по регулированию деятельности коммерческих банков в зависимости от типа бизнес-модели (С. 142-147).

Степень достоверности результатов диссертационного исследования подтверждается:

- использованием достоверных первичных данных о состоянии объекта исследования и адекватных статистических методов анализа этих данных,
- применением фундаментальных положений имеющихся результатов теоретических и прикладных исследований по тематике диссертации,
- согласованностью результатов проведенного исследования с базовыми принципами современных фундаментальных научных экономических теорий в области банковского дела.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты исследования прошли научную апробацию в форме их освещения на следующих международных конференциях: на IV Международной научно-практической конференции «Научный поиск молодых исследователей» (Москва, Финансовый университет, 29 апреля 2017 г.); на IX Международном научном студенческом конгрессе «Цифровая экономика: новая парадигма развития» в рамках Научно-практической конференции «Цифровизация финансовых рынков: точка бифуркации» (Москва, Финансовый университет, 12-26 апреля 2018 г.); на XXXVIII Международной научно-практической конференции «Инновационные подходы в современной науке» (Москва, Интернаука, 22 января 2019 г.); на X Международном научном студенческом конгрессе «Образ будущего глазами студентов» в рамках Научно-практической конференции «Научный поиск молодых исследователей» (Москва, Финансовый университет, 20 апреля-16 мая 2019 г.)

Отдельные выводы и положения диссертации используются в практической деятельности Отдела рейтингов кредитных институтов Рейтингового агентства «Эксперт РА». Разработанные в диссертации классификация бизнес-моделей российских коммерческих банков и система оценки их адаптивных способностей применяются рейтинговым агентством при оценке кредитоспособности коммерческих банков, а также легли в основу при подготовке ряда исследований банковского сектора. Материалы диссертационного исследования использованы для обновления методологии присвоения рейтингов кредитоспособности банкам, что является одним из

ключевых документов, сопровождающих текущую деятельность Отдела рейтингов кредитных институтов. Применение положений и выводов диссертации в практической работе Отдела рейтингов кредитных институтов АО «Эксперт РА» способствует повышению глубины анализа финансового состояния коммерческих банков.

Материалы диссертационного исследования используются Департаментом финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» в преподавании дисциплин «Банковское дело» и «Риск-менеджмент в коммерческом банке и прикладные аспекты управления».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения проведенного исследования нашли свое отражение в 6 публикациях общим объемом 2,9 п.л. (весь объем авторский), в том числе в 4 работах авторским объемом 2,0 п.л., опубликованных в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 116 источников. Объем работы составил 183 страницы, в диссертации содержится 15 рисунков и 11 таблиц.

ГЛАВА 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

1.1 Понятие и структура бизнес-модели коммерческого банка

Сложившаяся ситуация в отечественной банковской практике делает проблему формирования бизнес-моделей коммерческих банков, способных адаптироваться к макроэкономическим условиям, особенно актуальной и обуславливает необходимость теоретической проработки данного вопроса. В экономической науке до сих пор не сложилось единого понимания термина «бизнес-модель». Рассматривая концепцию бизнес-моделей с разных точек зрения, исследователи сформировали отличные друг от друга подходы и классификации как универсального характера, так и специфичные для отдельных рынков.

У истоков формирования термина «бизнес-модель» стоит экономист Питер Друкер. В его статье «Теория бизнеса» (1994), опубликованной в журнале *Harvard Business Review*, само определение бизнес-модели не упоминается, но определяется суть теории бизнеса как совокупность предположений о деятельности компании. При этом, по мнению Друкера, частные случаи этих предположений связаны с определением целевого сегмента рынка и конкурентов, ценностей и поведения клиентов, сильных и слабых сторон компании и того, как компания зарабатывает прибыль. Друкер рассматривает в качестве примера кейс корпорации IBM, показывая, как изменения рыночной среды могут сделать действующую бизнес-модель неэффективной и подтолкнуть компанию к поиску новых решений. Так, IBM превратилась из компании, производившей счетные устройства, в лизингодателя, а затем и в продавца компьютерного оборудования [57].

Понятие «бизнес-модель» возникло сравнительно недавно: интерес к нему стал развиваться в начале 2000-х годов во время так называемого

интернет-бума. Первым однозначное определение бизнес-модели дал директор Европейской комиссии Пол Тиммерс, охарактеризовав ее как систему продуктов, услуг и информационных потоков, описывающую всех участников бизнес-процесса, их роли, потенциальные выгоды и источники получения прибыли. Кроме того, Тиммерс классифицировал бизнес-модели, выделив десять типов как существующих, так и только формирующихся моделей:

- модели интернет-магазина;
- системы закупок;
- интернет-аукциона;
- электронной почты;
- маркетплейса;
- социальной сети;
- поставщика услуг;
- интегратора;
- тематической платформы;
- информационного брокера [67].

Майкл Льюис в своей книге «Новейшая новинка. История Силиконовой долины» (1999) предлагает следующее определение бизнес-модели: «Это выражение означает попросту то, как вы планируете зарабатывать деньги» [23]. В качестве яркого примера Льюис приводит бизнес модель компании Microsoft в период интернет-бума, которая сводилась к тому, чтобы продавать программное обеспечение за 120 долларов, хотя его себестоимость сводилась к 50 центам. Это, в свою очередь, позволило компании получить огромную прибыль и существенно увеличить капитализацию.

Несколько корректирует определение Льюиса Джоан Магретта в своей статье «Почему нам нужны бизнес-модели» (2002), связывая появление понятия «бизнес-модель» с развитием информационных технологий и получением широкого доступа бизнеса к персональным компьютерам, которые позволили компаниям увязать свои догадки о развитии

интересующего их сегмента рынка с реальной экономикой, свои представления о поведении клиентов с конкретными финансовыми результатами. Магретта считает, что бизнес-модели должны объяснять принципы работы компании, определяя не только способы получения прибыли, но и целевых клиентов и их потребности. Корректная бизнес-модель, по мнению Магретты, отвечает на главный вопрос, который каждый руководитель должен задавать себе: «Какой экономической логикой определяется возможность доставлять клиенту ценности по приемлемой цене?». В бизнес-модели она различает две стороны: «первая часть включает всю деятельность, связанную с созданием продукта — дизайн, покупку сырья, производство и т. д. Вторая охватывает деятельность, связанную с продажей: поиск и привлечение клиентов, совершение сделки, доставку продукта или предоставление услуги» [64]. При этом экономист четко разграничивает понятия бизнес-модели и стратегии, которые зачастую неверно отождествляют. В частности, Магретта отмечает, что бизнес-модель показывает, как работает бизнес, а стратегия конкуренции — как работать лучше соперников.

Несколько иной подход к определению бизнес-модели предложили известные специалисты в области стратегического менеджмента Марк Джонсон, Клейтон Кристенсен и Хеннинг Кагерманн. В статье «Переосмысление вашей бизнес-модели» (2008), опубликованной в *Harvard Business Review*, исследователи описывают возникновение на рынке новых бизнес-моделей, которые делают прежние подходы неконкурентоспособными; а под бизнес-моделью они понимают сочетание способов создания и предоставления ценности клиентам. Экономисты считают, что бизнес модель состоит из четырех взаимосвязанных элементов, к которым относятся:

- ценность продукта для потребителя;
- ключевые ресурсы;
- формула прибыли;

– ключевые процессы [66].

При этом, по мнению исследователей, самым важным элементом является потребительская ценность продукта, поэтому любой компании необходимо понять потребности людей, какую пользу сможет принести им производимый продукт и как удовлетворить потребности людей с максимальной выгодой для компании. Следующая составляющая бизнес-модели – формула прибыли или схема, которая показывает каким образом компания получает доходы, предлагая потребителям необходимые продукты и услуги. Ключевые элементы формулы прибыли включают в себя модель доходов, структуру издержек, модель валовой прибыли и оборачиваемость ресурсов. Прочие составляющие бизнес-модели – ключевые ресурсы и процессы – позволяют определить способ создания продуктов, выполняющих необходимые для потребителей функции.

Одна из последних работ по бизнес-моделям была представлена Александром Остервальдером в книге «Построение бизнес-моделей» (2010), в которой он определяет бизнес-модель как способ описания процесса создания, доставки и реализации ценности компанией. Согласно разработанной концепции, Остервальдер характеризует бизнес-модель с помощью девяти блоков, описывающих логику получения компанией прибыли. В свою очередь, автор объединяет девять блоков в четыре бизнес-области:

- клиенты;
- предложение (товар или услуга);
- необходимая инфраструктура;
- финансовая жизнеспособность [112].

Таким образом, Остервальдер определяет бизнес-модель как план реализации стратегии компании в соответствии с ее внутренней структурой, процессами и системами.

С 2009 года понятие бизнес-модели вызывает интерес и у банковского сообщества: так, Совет по Международным стандартам финансовой отчетности (International Accounting Standards Board, IASB) принимает

МСФО 9 «Финансовые инструменты», в котором содержится требование о проведении классификации и оценки финансовых активов на основе бизнес-модели компании, применяемой для управления этими активами. Однако данный документ не содержит четкого определения бизнес-модели, а лишь указывает, что она описывает методы управления финансовыми активами предприятия с целью генерирования денежных потоков. Позже в июле 2013 года Совет по Международным Стандартам финансовой отчетности выпустил для публичного обсуждения Обзор концептуальных основ финансовой отчетности, в котором, в том числе, рассматривались вопросы целесообразности определения понятия «бизнес-модель» и перспективы его использования при составлении финансовой отчетности [96].

Многочисленные отзывы на данный документ, полученные от представителей финансового сектора, были проанализированы исследователями М. Соррентино и М. Смарра в работе «Термин «бизнес-модель в финансовой отчетности: нуждается ли он в четком определении?»». Так, абсолютное большинство опрошенных согласились с определением бизнес-модели как «способа компании генерировать денежные потоки и создавать ценность бизнеса» [66]. Однако точно определить понятие смогли лишь менее 10% респондентов, что, по мнению авторов, обусловлено следующими причинами: термин «бизнес-модель» итак достаточно понятен, в связи с чем нет необходимости его определять; термин «бизнес-модель» сложно формализовать; понятие «бизнес-модель» не применимо к финансовой отчетности. В результате различных дискуссий и исследований Советом по Международным стандартам финансовой отчетности было принято решение не давать четкого определения термину «бизнес-модель».

Вопросами изучения бизнес-моделей занимались и российские исследователи. Так, по мнению В.Ю. Котельникова, бизнес-модель представляет собой «метод устойчивого ведения бизнеса, который превращает исходные данные – ресурсы, способности компании и инновации – в экономические результаты» [17]. Он полагает, что бизнес-модель компании

зависит от различных компонент бизнеса – стратегии, финансов, маркетинга, конкуренции и вида предпринимательства. При этом В.Ю. Котельников при описании бизнес-модели выделяет следующие ее элементы:

- предложение потребительской ценности;
- место компании в цепочке создания стоимости;
- модель создания прибыли;
- стратегические компоненты (стратегия роста и конкурентная стратегия);
- сегментация рынка.

Другой российский исследователь, бизнес-консультант В.А. Гусаков, как и большинство зарубежных авторов, считает, что бизнес-модель компании представляет собой «то, как и за счет чего она зарабатывает деньги» [12]. По его мнению, бизнес-модель характеризуется пятью основными показателями:

- целью и видением компанией своих перспектив;
- структурой управления;
- рынками сбыта и продуктами компании;
- корпоративной культурой;
- цепочкой создания ценностей внутри компании.

Иной точки зрения придерживается российский эксперт по бизнес-инжинирингу и управлению в банковской сфере Р.А. Исаев, который понимает под бизнес-моделью формализованное описание определенного аспекта или сферы деятельности предприятия [15]. Кроме того, Р.А. Исаев определяет четыре основных способа разработки бизнес-моделей: моделирование с помощью специализированного программного продукта (комбинация графики, таблиц и текста), графический (дерево, блок-схема, технологическая карта и т.п.), табличный и текстовый. Самым оптимальным вариантом, по мнению эксперта, является комбинация трех способов разработки бизнес-моделей (графический, табличный, вербальный), который как правило реализуется во всех профессиональных продуктах бизнес-моделирования.

Обобщив рассмотренные определения, можно выделить два основных подхода к характеристике бизнес-модели компании. Согласно первому подходу, часть экономистов рассматривает бизнес-модель внутри организации и акцентирует внимание на соответствующих бизнес-процессах. Второй подход определяет бизнес-модель по отношению к внешней среде организации и фокусируется на создаваемой ценности для внешних контрагентов (клиентов, потребителей, покупателей). Вместе с тем в большинстве рассмотренных определений авторы определяют четыре основных параметра бизнес-модели: ценность для потребителей, способ получения дохода, ключевые процессы и ресурсы.

При этом стоит различать понятия стратегии и бизнес-модели несмотря на их тесную связь. Так, А. Чандлер еще в доаналитический период развития теории стратегического управления (1962 г.) сформулировал предположение о том, что стратегия определяет структуру компании и схему взаимодействия между ее различными структурными элементами [59]. В свою очередь, экономист М. Портер считает, что установленная стратегия компании, будь то политика ценового лидерства, узкой специализации или дифференциации, отражается на прочих организационных аспектах бизнес-модели, определяющих пути достижения стратегических целей. Бизнес-модель, по мнению ученого, является производной от стратегии и описывает процессы, которые необходимы для осуществления бизнеса [98]. В свою очередь, стратегию он определяет как совокупность продуманных решений о направлениях развития и соответствующих им цепочках создания ценности, которые реализуются в рамках бизнес-модели [26].

Однако с развитием теории и практики стратегического управления во многих компаниях проявилась обратная зависимость: конкурентная среда, организационная структура, взаимодействие между внутренними подразделениями, результаты деятельности влияют на реализацию плана развития, установленного в стратегии, что позволяет сделать вывод об определяющем влиянии бизнес-модели фирмы на стратегию ее развития [8].

Схожей точки зрения придерживается экономист Д. Тис, который определяет стратегию как обоснование бизнес-модели, представляющей собой обобщенную характеристику компании [65]. Согласно его теории, цепочка создания ценностей выступает связующим звеном стратегии и бизнес-модели путем описания конкретного набора действий, направленных на создание и распространение ценностей.

На наш взгляд, понятие бизнес-модели является более широким и включает в себя стратегическое обеспечение бизнеса в качестве одного из элементов для достижения целей компании. В свою очередь, под стратегией предлагается понимать описание обобщенной картины будущего функционирования компании, основанное на перечне долгосрочных действий и способов адекватной реакции на изменения условий внешней и внутренней среды.

Что касается определения бизнес-модели коммерческого банка, то в настоящее время данная тема является недостаточно разработанной, отмечается весьма ограниченное количество исследований и материалов, освещающих указанную проблематику. В свою очередь, имеющиеся упоминания банковских бизнес-моделей носят довольно ограниченный характер, поскольку они сводят бизнес-модель банка к описанию его бизнес-процессов и вопросам менеджмента качества. Так, например, Р.А. Исаев в монографии «Банковский менеджмент и бизнес-инжиниринг» вводит понятие комплексной бизнес-модели банка, под которой он понимает совокупность бизнес-моделей, охватывающую большинство основных сфер деятельности и систем управления в банке, а также понятие комплексной типовой бизнес-модели банка, состоящей из типовых успешных практик и решений, типовых документов и регламентов по основным областям менеджмента и бизнес-инжиниринга в банке [15].

Опираясь на рассмотренные понятия бизнес-моделей зарубежных и российских авторов, при определении бизнес-модели коммерческого банка следует использовать комплексный подход, то есть не стоит ограничиваться

исключительно внутренними бизнес-процессами, необходимо учитывать и взаимосвязи банка с внешней средой, прежде всего, со своими клиентами. При этом деятельность банка следует рассматривать, как и любой производственный процесс, исходя из традиционной концепции производственного цикла: вход (имеющиеся ресурсы), выпуск (процесс преобразования входящих ресурсов), выход (финансовый/нефинансовый результат).

По нашему мнению, бизнес-модель коммерческого банка следует рассматривать как систему ресурсов, менеджмента, бизнес-деятельности и результатов, направленную на удовлетворение потребностей клиентов и извлечение экономических выгод из проводимых операций. Вместе с этим бизнес-модель банка должна быть гибкой и оперативно реагировать на изменение внешней среды, позволяя вносить необходимые корректировки путем включения в нее новых элементов и/или изменения приоритетных направлений деятельности [46]. Только в этом случае бизнес-модель будет выступать в качестве инструмента достижения целевых установок функциональными подразделениями коммерческого банка.

Как уже было отмечено, основными элементами бизнес-модели коммерческого банка в общем случае выступают блок бизнес-процессов, состоящий из обеспечения бизнеса, менеджмента и бизнес-деятельности, а также блок результатов. Далее каждый из указанных элементов бизнес-модели может быть иерархически разделен на объекты в соответствии со своей системой классификации, представленной на рисунке 1.

Предлагается дать краткую характеристику каждого из этих элементов, однако стоит учесть, что составляющие бизнес-модели и их классификация не являются универсальными для всех коммерческих банков и могут корректироваться в зависимости от их особенностей.

В качестве объективной основы бизнес-модели любого коммерческого банка выступает блок бизнес-процессов, который представляет собой совокупность взаимосвязанных мероприятий, связанных с обеспечением

банковского бизнеса, управлением кредитной организацией и непосредственно реализацией банковской деятельности, направленных на создание банковского продукта или услуги для клиентов.

Источник: составлено автором.

Рисунок 1 - Структура бизнес-модели коммерческого банка

Первым блоком, относящимся к бизнес-процессам, выступает блок обеспечения бизнеса. Он включает в себя акционерный капитал (собственные средства бенефициаров банка), а также иные объекты, без которых невозможно создание банковских продуктов и услуг, в частности персонал,

информационное и материально-техническое обеспечение, способствующее нормальному функционированию и хозяйственной деятельности коммерческого банка как финансового учреждения.

Сущность блока менеджмента заключается в определении принципов, способов и органов управления, а также критериев достижения целей управления. Основным элементом данного блока является организационная структура банка, которая описывает состав и иерархию его органов управления и функциональных подразделений. Кроме того, организационная структура выступает в качестве эффективного инструмента корпоративного управления и ведения бизнеса для того, чтобы достичь стоящие перед банком цели, защищать интересы его собственников, а также обеспечить соответствие качества и набора предлагаемых продуктов и услуг потребностям клиентов при их конкурентной цене и себестоимости.

Другой составляющей блока менеджмента выступают органы управления и рабочие комитеты (например, Комитет управления активами и пассивами, Кредитный комитет). Органы управления, в свою очередь, могут быть как индивидуальными (например, Председатель Правления), так и коллегиальными (например, Наблюдательный Совет, Правление). Коллегиальные органы, как правило, формируются с целью повышения качества принятия решений по отдельным направлениям деятельности банка путем коллективного обсуждения соответствующих вопросов.

Особенно важным, на наш взгляд, является определение для каждого органа менеджмента управленческих задач и соответствующих им решений, а также объем полномочий по их самостоятельному принятию в деятельности банка. Отсюда вытекает следующий элемент блока менеджмента – распределение полномочий и ответственности. Так, если решения принимаются органом управления исключительно по однородным задачам деятельности банка (например, выдача кредитов или маркетинговые исследования), то такой орган управления может рассматриваться как центр принятия решений по соответствующим вопросам. В свою очередь, объекты

организационной структуры банка, выполняющие однородные функции по реализации управленческих решений центра принятия решений, являются центром ответственности за их выполнение (например, в качестве центра принятия решений по вопросам управления рисками выступает директор департамента управления рисками, а центрами ответственности являются соответствующие структурные подразделения риск-менеджмента).

Еще одной частью блока менеджмента выступает способ управления, который используется банком для распределения задач и соответствующих им решений по уровням управления. В качестве возможных способов управления банк может выбрать централизованный, децентрализованный или смешанный. Централизованный способ управления подразумевает принятие всех основных решений на верхних уровнях управления, при этом роль нижестоящих органов заключается в обеспечении и контроле за выполнением решений. Децентрализованный способ заключается в принятии основных решений нижестоящими органами управления на основании делегированных им полномочий, общее руководство и контроль за которыми осуществляют вышестоящий менеджмент. При смешанном способе управления комбинируются первые два способа путем более равномерного задач, полномочий и функций между соответствующими органами управления.

Рассмотрим блок бизнес-деятельности, который, в первую очередь, включает в себя клиентскую базу банка, представляющую целевой сегмент клиентов (например, корпоративные небанковские организации, физические лица, кредитные организации). Следующим элементом блока бизнес-деятельности выступают продукты и услуги банка, которые могут быть классифицированы по различным основаниям: в частности, общепринятым является разделение банковских продуктов и услуг на инвестиционные и коммерческие. При этом каждую из продуктовых групп можно классифицировать далее до уровня необходимой детализации для построения бизнес-модели. Так, коммерческие продукты можно разделить на расчетные и кредитные продукты, депозиты, неторгуемые ценные бумаги, валютно-

обменные операции (неторговые), документарные, лизинговые операции и прочие. Среди инвестиционных продуктов выделяются биржевые ценные бумаги, торговые валютно-обменные операции, брокерские операции, проектное и торговое финансирование и другие.

Немаловажной составной частью блока бизнес-деятельности является маркетинг, который представляет собой совокупность процессов продвижения и предоставления продуктов и/или услуг клиентам и управление взаимоотношениями с ними. Основными типами каналов доставки могут выступать «физические» каналы и «электронные». К физическим каналам можно отнести способы доставки банковского продукта клиентам в результате его непосредственного обращения в банк через центральный или дополнительные офисы банка, филиалы, представительства, операционные кассы, пункты обмена валюты, а также банкоматы и т.д. Электронные каналы доставки, набирающие наибольшую популярность в настоящее время, разделяются на общие (интернет-банкинг) и индивидуальные (различные системы банк - клиент). В целом маркетинговая стратегия банка должна основываться на качественном анализе его конкурентных позиций, имеющихся у него преимуществ и недостатков, изучении внешней среды и основных игроков банковского рынка в ключевых для кредитной организации сегментах.

Также блок бизнес-деятельности банка включает в себя географическую организацию бизнеса, которая определяет способы территориального построения других элементов данного блока и распределяет обслуживаемые банком клиентские сегменты и используемые для этого каналы доставки по странам, регионам, населенным пунктам, организациям.

Блок результаты, характеризующий эффективность организации бизнес-деятельности и системы менеджмента банка, включает в себя финансовый результат (прибыль или убыток, полученный за определенный период и влияющий в том числе на дивидендную политику) и нефинансовые ключевые показатели эффективности (КПЭ), заложенные в стратегию банка, к которым

могут относиться наращивание клиентской базы, занимаемая банком доля рынка по отдельным направлениям деятельности или географическому охвату, позиции в рэнкингах, получение определенного кредитного рейтинга. При этом менеджменту банка необходимо регулярно проводить мониторинг результативности поставленных целей, сопоставляя их с достигнутыми результатами. Так, если по итогам проверки наблюдаются значительные отклонения от плановых показателей, то можно сделать вывод о неоптимальности действующей бизнес-модели и необходимости ее корректировки.

Существенное влияние на формирование бизнес-модели оказывают и внешние факторы, которые опосредованно влияют на гудвилл банка. К ним относятся лояльность клиентов (от нее зависит стабильность ресурсной базы и темпы роста кредитования), взаимодействие с регулятором (негативный опыт может повлечь наложение санкций от ограничения на проведение отдельных операций вплоть до отзыва лицензии), публичная деловая репутация (влияет на возможности банка по привлечению рыночного фондирования, инвестиционную привлекательность банка и приток качественной клиентской базы) и прочие элементы.

На наш взгляд, одним из основных свойств успешной бизнес-модели коммерческого банка является гибкость, которая позволяет ей адаптироваться к изменениям внешней среды и, как следствие, выступать в качестве инструмента по достижению целей банка с максимальной эффективностью.

1.2 Классификация бизнес-моделей коммерческих банков

Для оценки бизнес-моделей в банковском секторе (в том числе в целях регулирования и надзора) рекомендуется использовать метод бенчмаркинга, который позволяет проводить исследования по группам аналогичных банков. При этом осуществление сравнительной оценки предполагает разделение банков на группы с их классификацией по типам бизнес-моделей,

используемых ими в зависимости от различных конъюнктурных, структурных и ценовых характеристик. Далее рассмотрим более подробно результаты научно-исследовательских работ в данной области.

В мае 2017 года Европейский Центральный Банк (ЕЦБ) провел кластеризацию европейского банковского сектора на основе данных надзорной отчетности. В рамках статистического анализа ЕЦБ идентифицировал два ключевых фактора как наиболее эффективные переменные для кластеризации банков: доля «стандартных» активов (кредиты) в совокупных активах и доля «стандартных» обязательств (депозиты, выпущенные облигации) в совокупных пассивах, а также соотношение кредитов со «стандартными» обязательствами [105]. В результате было выделено 4 кластера банковских бизнес-моделей, при этом часть банков оказалось невозможно отнести к тому или иному кластеру ввиду уникальности их бизнеса.

Банки с оптовым фондированием (кластер 1), как правило, являются крупными кредитными организациями. Их активы состоят в основном из кредитов, а в пассивах, в отличие от других типов банков, преобладает долговое финансирование и в меньшей степени - вклады населения. Данный банковский кластер также характеризуется активным использованием производных финансовых инструментов как для хеджирования, так и для торговли. Стоит отметить, что в этом кластере содержится самое малое количество банков: в общей сложности 58 кредитных организаций относятся к этой категории бизнес-модели.

Банки-держатели ценных бумаг (кластер 2) имеют относительно большой портфель акций и/или облигаций и буфер наличной ликвидности. В пассивной части у банков данного кластера преобладают депозиты, деривативы практически не используются. Данные банки, как правило, являются небольшими по размеру активов. Количество кредитных организаций, придерживающихся подобной бизнес-модели, составляет 86.

Традиционные коммерческие банки (кластер 3) – средние по размеру активов кредитные организации, у которых кредиты занимают существенную часть баланса (наибольшую из всех других кластеров). Пассивы банков третьего кластера формируются в основном за счет депозитов. Также данные кредитные организации используют производные финансовые инструменты, прежде всего, для хеджирования рисков. Можно сказать, что традиционные коммерческие банки представляют собой прототип банков как финансовых посредников, описанный в многочисленных учебниках. Количество банков, содержащихся в этом кластере, составляет 77.

Комплексные коммерческие банки (кластер 4) являются средними по размерам активов и имеют значительную долю кредитов, однако ниже, чем у банков кластера 3, поскольку существенная часть их активов (помимо ссуд) приходится на ценные бумаги. Пассивная часть банков с комплексной бизнес-моделью состоит в основном из депозитов (но в меньшей степени, чем у банков кластера 3). Кроме того, они используют производные финансовые инструменты, в основном для торговых целей. То есть, можно сказать, что кластер 4 выступает некой гибридной категорией кластерами 3 и 1. При этом он является самым большим и включает 108 банков.

Наконец, в рамках кластеризации банковских бизнес-моделей ЕЦБ были идентифицированы 36 банков – «изгоев», которые не попали ни в один из кластеров. К данной группе относятся, прежде всего, небольшие инвестиционные банки и специализированные финансовые организации. Например, в этот набор попали агентства по финансированию местных органов власти, специализированные дочерние компании более крупных финансовых групп, центральные клиринговые контрагенты и другие структуры. Ввиду того, что данные финансовые институты являются уникальными и разнородными, включение их в тот или иной кластер привело бы к искажению реальной картины.

В исследовании ученых Hryckiewicz и Kozłowski представлены различия в бизнес-моделях системно значимых банков из 65 стран за период с 2000 по

2012 годы, а также оценено влияние выбранной модели ведения бизнеса на финансовую устойчивость банка во время кризиса [65]. С помощью метода кластеризации банков k-medoids авторы выделили четыре бизнес-модели, классифицировав их в зависимости от структуры активов и источников финансирования на традиционные (более диверсифицированная модель и специализированная модель) и нетрадиционные (трейдерская модель и инвестиционная модель).

Примечание – Медоид (в кластерном анализе) представляет собой объект, принадлежащий набору данных или кластеру, различие которого с другими объектами в наборе данных или кластере минимально.

В выше обозначенном исследовании отмечается, что к системному дисбалансу на банковском рынке приводит, прежде всего, неудовлетворительное качество активов. При этом основной проблемой, которая спровоцировала сначала ипотечный, а затем и глобальный финансовый кризис 2008-2010 годов, стала структура фондирования.

Примечательно, что степень развития кризиса в банковском секторе и его продолжительность зависят от типа моделей банков, преобладающих в экономике. Так, в странах, где преимущественно функционируют банки с классической бизнес-моделью, не характеризующейся высоким риск-аппетитом, кризисы банковской системы носят сравнительно неглубокий характер. Однако за счет существенной диверсификации банковских активов по отраслям проникновение кризисных явлений в экономику становится значительным, что может сдерживать ее восстановление по срокам. Превалирование кредитных организаций с инвестиционной бизнес-моделью, напротив, приводит к более глубокому, но менее долгосрочному экономическому спаду. Таким образом, при прогнозировании рисков банковского сектора, необходимо в равной степени уделять внимание оценке бизнес-моделей кредитных организаций как в части структуры их активов, так и обязательств.

Европейские экономисты Rym Ayadi и Willem Pieter De Groen в своей работе провели исследование банковских бизнес-моделей на основе данных за период с 2006 по 2013 годы по 147 кредитным организациям, формирующим около 80% банковского сектора Европейского Союза [100]. В данной работе была проведена кластеризация банков исходя из двух критериев: структуры акционерного капитала и стресс-тестирования потенциальных рисков, оценивая эффект от их реализации. По мнению авторов, бизнес-модель кредитной организации является механизмом выполнения поставленных целей, а изучение бизнес-модели и ее особенностей позволяет повысить эффективность выявления недостатков банка, определения риск-профиля характерного для конкретной кредитной организации, а также способствует более качественному стратегическому целеполаганию и повышению результативности корпоративного управления. Результатом кластеризации участников исследования стало выделение четырех бизнес-моделей, характерных для европейской банковской системы:

- розничные банки с широкой продуктовой диверсификацией;
- розничные банки-монолайнеры;
- оптовые банки, для которых характерно активное участие на рынке межбанковского кредитования;
- инвестиционные банки.

В одном из недавних исследований, проведенных аудиторско-консалтинговой компанией PricewaterhouseCoopers (PWC), под названием «Стратегия и перспективы развития Европейского банковского сектора – 2016: пришло время кардинально пересмотреть бизнес-модели» была проанализирована деятельность 46 европейских банков и обнаружено, что только 10 из них добились положительного экономического роста в 2015 году, тем самым увеличив стоимость собственного капитала [116]. Остальные банки, рассмотренные в данной работе, показали существенный дефицит прибыльности. Авторы исследования затрагивают серьезные вопросы, касающиеся устойчивости текущих банковских бизнес-моделей, и предлагают

три инновационных варианта, которые могут выбрать для себя традиционные банки: «банки-платформы», «цифровые банки» или «банки-поставщики систем».

«Банки-платформы» отличаются открытыми продуктовыми инфраструктурами и интеграцией предложений от финтех-стартапов, которые подрывают деятельность традиционных банков, в значительной степени опираясь на новые технологии для предоставления финансовых услуг. «Банки-платформы» работают в качестве связующего звена между клиентами, продуктами и внешними поставщиками технологий, предоставляя своим клиентам широкий спектр специализированных услуг.

«Цифровые банки» характеризуются повсеместным внедрением цифровых технологий при обслуживании клиентов, а также для всех внутрибанковских процессов и бэк-офиса. Вдохновленные подходом к процессу развития продуктов, который используют инновационные технологические компании, «цифровые банки» характеризуются способностью быстро и эффективно реагировать на изменения предпочтений клиентов или регулятивных требований.

«Банки-поставщики систем» сосредотачиваются на традиционном банковском бизнесе и разработке новых продуктов и услуг, а для технологической реализации своих идей нанимают внешних IT-поставщиков. Как правило, данные специализированные провайдеры могут взять на себя технические и не клиентоориентированные операции, такие как контроль за ежедневным обслуживанием кредитов. Стратегия «банка-поставщика систем» может привести к снижению затрат и увеличению рентабельности в результате выборочного аутсорсинга для каких-либо рядовых процессов. Следовательно, более компактная и гибкая инфраструктура «банка-поставщика систем» позволит сделать банки более устойчивыми и повысит их способность к быстрому реагированию на текущие и будущие потрясения на рынке.

На текущий момент изучению бизнес-моделей российских кредитных организаций посвящено ограниченное количество исследований, что является

признаком недостаточной проработки указанной проблемы. Одними из первых кластеризацию российских коммерческих банков по типам бизнес-моделей провели исследователи НИУ ВШЭ, проанализировав 1 080 кредитных организаций за 1999-2003 годы по показателям рейтинговой системы CAMEL [35]. Вопреки существенным изменениям российской банковской системы, произошедшим за последние 16 лет, данное исследование сохраняет свою актуальность ввиду его фундаментального характера и возможности использования опыта его проведения в будущем. Классификация бизнес-моделей банков осуществлялась на основе метода динамического анализа паттернов, заключающегося в сопоставлении бизнес-моделей в докризисных и кризисных условиях с использованием показателей, характеризующих структуру операций банков, уровень финансового посредничества, достаточность капитала, ликвидность и качество активов.

По результатам проведенного исследования авторы выявили высокую фрагментарность развития отечественной банковской системы вкупе со стабилизацией паттернов банковских бизнес-моделей через полтора года после кризиса 1998 года. Также ученые НИУ ВШЭ отмечают более высокую устойчивость бизнес-моделей крупнейших игроков, которые входят в состав финансово-промышленных групп или занимаются обслуживанием стратегически значимых клиентов. В свою очередь, для малых банков характерна повышенная волатильность бизнес-моделей и ориентация на обслуживание бизнеса своих бенефициаров.

Несколько позднее экономисты НИУ ВШЭ провели аналогичный анализ бизнес-моделей 687 российских банков на основе ежеквартальной финансовой отчетности за 2006-2009 годы [68]. По итогам исследования было выделено 30 различных паттернов, что, на первый взгляд, свидетельствует о высокой диверсификации бизнес-моделей российского банковского сектора в рассматриваемом периоде. Однако на первые четыре паттерна пришлось около 80% кредитных организаций, занимающихся предоставлением классических банковских услуг (в частности, кредитованием организаций

реального сектора экономики и физических лиц), имеющих высокий буфер капитала и ликвидности и получающих приемлемую прибыль. Для других 8% коммерческих банков оказались характерны не традиционные бизнес-модели, а ориентированные на осуществление инвестиционных и фондовых операций, позволяющих банкам получать более высокие доходы.

Кроме того, в рамках данного исследования специалисты НИУ ВШЭ на основе метода динамической оценки поведения проанализировали частоту изменения банковских бизнес-моделей и выделили четыре типа кредитных организаций по степени устойчивости. Так, по оценке экономистов, к абсолютно устойчивым относятся лишь 3% всех российских банков, полуустойчивыми являются 61%, неустойчивыми – 31% и абсолютно неустойчивыми – 5% банков.

Вместе с тем, авторы отмечают рост волатильности бизнес-моделей кредитных организаций во второй половине 2009 года, что демонстрирует ослабление устойчивости российского банковского сектора. Исследователи НИУ ВШЭ полагают, что многократные изменения бизнес-моделей банков зачастую обуславливаются их стремлением к соответствию общерыночным трендам, внедрением инновационных технологий, позволяющих сократить издержки и увеличить прибыль, а также трансформацией макроэкономической среды в результате кризисных явлений.

Несколько иной подход к классификации бизнес-моделей российских коммерческих банков предложили Н.И. Валенцева и М.А. Поморина в своем исследовании, проведенном в 2016 году [37]. Так, в зависимости от структуры собственности и размера кредитной организации экономисты выделяют банки, находящиеся под государственным контролем (с долей государства более 50% капитала), банки с участием иностранного капитала (с долей нерезидентов свыше 50% капитала), крупные частные банки (входят в ТОП - 200 по активам, за исключением банков двух предыдущих групп), средние и малые банки Москвы и Московской области, а также средние и малые банки других регионов. Затем авторы проанализировали выделенные

группы кредитных организаций по ряду показателей, характеризующих структуру и динамику активной и пассивной части баланса, оптимизацию денежного потока, акционерную добавленную стоимость (SVA) и страновой риск.

На основе выявленных особенностей деятельности различных категорий банков Н.И. Валенцева и М.А. Поморина выделяют следующие бизнес-модели: государственная монополия, международный арбитраж, игрок с высоким риск-аппетитом, карманный банк, розничный банк. Более подробные характеристики каждого типа бизнес-модели представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Классификация бизнес-моделей российских коммерческих банков, предложенная Н.И. Валенцевой и М.А. Помориной

Бизнес-модель	Структура собственности и размер	Характеристика
1	2	3
Государственная монополия	Крупные банки с гос. участием	<ul style="list-style-type: none"> – существенные объемы кредитования крупных предприятий; – большой объем депозитов физических лиц; – повышенный уровень доверия со стороны населения; – высокий уровень леввериджа; – слабая рентабельность капитала.
Международный арбитраж	Крупные банки с иностранным участием	<ul style="list-style-type: none"> – высоко диверсифицированная по источникам ресурсная база; – кредитование физических лиц (ФЛ) и юридических лиц (ЮЛ) примерно в одинаковом соотношении; – дешевые ресурсы в виде межбанковских кредитов (МБК) от материнских иностранных банков; – рентабельность находится на более высоком уровне по сравнению с госбанками.
Игроки с высоким риск-аппетитом	Крупные частные банки (ТОП-200 по активам)	<ul style="list-style-type: none"> – структура ресурсной базы схожа с иностранными банками; – в структуре активов преобладают кредиты ЮЛ и ценные бумаги (составляют суммарно более половины активов) - наиболее рискованные виды деятельности, т.к. в условиях нестабильности ухудшение финансового положения заемщиков и волатильность фондового рынка приводят к повышению объема резервов и, как следствие, к возникновению убытков и снижению рентабельности.

Продолжение таблицы 1

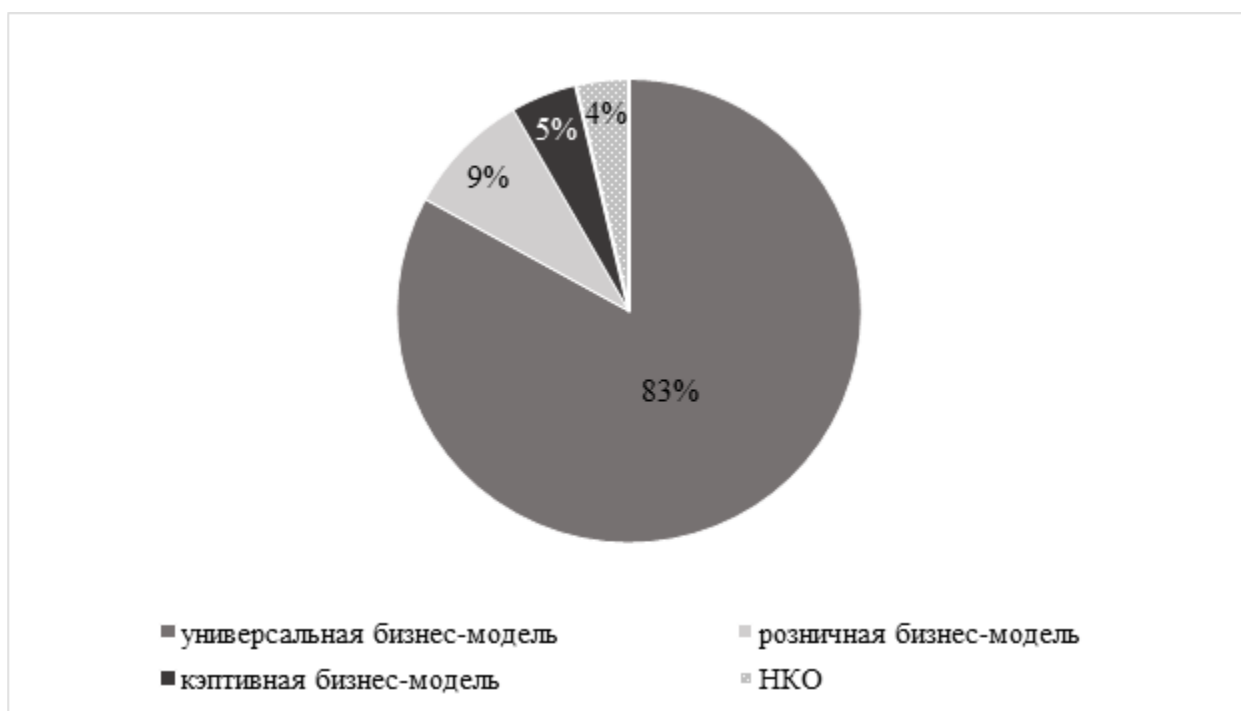
1	2	3
Карманные банки	Малые и средние банки Москвы и Московской области	<ul style="list-style-type: none"> – повышенная зависимость ресурсной базы от средств ФЛ (около 30%), за счет которых фондируются кредиты ЮЛ, составляющие основную часть активов (данная схема зачастую используется в целях легализации доходов); – низкая рентабельность, чувствительность которой к кризисным условиям является довольно слабой; – невысокий уровень леввериджа относительно трех первых групп банков (на уровне 5,5).
Розничные банки	Региональные малые и средние банки	<ul style="list-style-type: none"> – повышенный уровень леввериджа (6-6,5); – высокая концентрация пассивов на средствах ФЛ (более 40%); – повышенная доля кредитования ФЛ (около 16% активов) при сопоставимой с «карманными банками» доле кредитования ЮЛ (порядка 40%); – более высокая рентабельность, чем у «карманных банков»; – самая слабая чувствительность к влиянию кризиса, чем у других банковских бизнес-моделей.

Источник: составлено автором по данным [37].

Подход Банка России к классификации банковских бизнес-моделей сформировался относительно недавно на фоне многочисленных отзывов лицензий и санаций вследствие слабой финансовой устойчивости кредитных организаций. Так, в «Отчете о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2017 году» [86] на основе анализа структуры активов регулятор выделяет универсальные и розничные типы бизнес-моделей российских коммерческих банков. При этом универсальная бизнес-модель, по оценке Банка России, является наиболее распространенной и характеризуется диверсификацией банковского бизнеса по направлениям деятельности (корпоративное, розничное, инвестиционное и т.д.). В свою очередь, розничные кредитные организации специализируются на обслуживании физических лиц: доля кредитов и прочих средств, предоставленных ФЛ, составляет более 25% их активов. Также Банк России выделяет кэптивные бизнес-модели, которые определяются не исходя из структуры банковского

баланса, а исходя из зависимости деятельности банка от его бенефициаров, оказывающей существенное влияние на финансовую устойчивость кредитной организации. В числе подобных критериев регулятор выделяет повышенную концентрацию в активах банка требований к собственникам и аффилированным с ними лицам; существенный объем средств, привлеченных от связанных сторон и т.д.

При отнесении банков к определенным типам бизнес-моделей, представленным на рисунке 2, Банк России учитывал не только описанные выше формальные критерии, но и мотивированные суждения кураторов, осуществляющих надзор за этими банками. При этом регулятор не использовал данные по saniруемым кредитным организациям, поскольку на момент оздоровления их финансовое положение находилось на крайне слабом уровне, а структура баланса претерпевала значительные изменения, что искажало бы классификацию.

Источник: составлено автором по данным [86].

Рисунок 2 – Классификация бизнес-моделей российских банков

Так, по оценке Банка России на начало 2018 года подавляющая часть структуры банковского сектора (83%) приходилась на кредитные организации

с универсальной бизнес-моделью, что связано с попаданием в данный класс крупнейших по активам банков и многочисленностью класса в целом. На банки с розничной бизнес-моделью пришлось 8,7% активов банковского сектора, а на кэптивные – лишь 4,6%. При этом за 2017 год доля кэптивных кредитных организаций сократилась на 1% ввиду ряда факторов, к которым можно отнести снижение маржинальности, ужесточение конкуренции, дополнительные ограничения в виде норматива кредитования связанных сторон (Н25), совершенствование надзора и повышение прозрачности банковского сектора.

Исходя из структуры кредитов и привлеченных средств банковского сектора можно отметить, что практически весь объем кредитования юридических лиц приходится на банки с универсальной бизнес-моделью: их доля в совокупном портфеле кредитов ЮЛ на 01.01.2018 составила порядка 95%, согласно данным таблицы 2.

Таблица 2 – Структура кредитного портфеля и привлеченных средств различных бизнес-моделей по состоянию на 01.01.2018

В процентах

Балансовый показатель	Универсальная бизнес-модель	Розничная бизнес-модель	Кэптивная бизнес-модель	Небанковская кредитная организация (НКО)
Кредиты ЮЛ	94,6	1,7	3,7	–
Кредиты ФЛ	66,1	30,6	3,3	–
Депозиты и прочие привлеченные средства ЮЛ (кроме кредитных организаций)	90,2	3,9	4,8	1,2
Вклады ФЛ	79,2	15,4	5,4	–

Источник: составлено автором по данным [86].

При этом доля розничных кредитов, приходящаяся на универсальные банки, значительно меньше – всего 66%, что подтверждается также

структурой активов таких банков: кредиты ЮЛ в среднем составляют порядка 41% валюты баланса, а кредиты ФЛ – 10%.

В свою очередь, банки с розничной бизнес-моделью занимают значимую долю рынка по объему розничного кредитования (около 31%), что обусловлено специализацией таких банков на обслуживании ФЛ: доля розничных кредитов в активах в среднем составляет 51%. Кредитование ЮЛ не является значимым направлением бизнеса розничных банков, с связи с чем их доля в совокупном корпоративном кредитном портфеле не превышает 2%.

Банки с кэптивной бизнес-моделью, напротив, ориентированы на обслуживание ЮЛ: на корпоративные кредиты приходится около 29% активов таких банков, а на кредиты физическим лицам – лишь 10%. При этом существенная часть корпоративных кредитов кэптивных банков выдана компаниям, имеющим прямые или косвенные признаки аффилированности с бенефициарами банка. Подобные связи зачастую скрываются путем создания нескольких уровней «технических» компаний, формально не связанных между собой.

В структуре привлеченных средств ЮЛ (без учета кредитных организаций) доля банков с кэптивной бизнес-моделью (4,8%) превышает долю розничных (3,9%), а по вкладам ФЛ наблюдается обратная ситуация – розничные банки (15,4%) занимают большую долю рынка, чем кэптивные (5,4%). Структура ресурсной базы банков с розничной бизнес-моделью также подтверждает их зависимость от средств ФЛ как основного источника фондирования: на 01.01.2018 доля вкладов ФЛ составила 54% от объема пассивов.

Изучение различных подходов к определению типов бизнес-моделей коммерческих банков, а также проведенный анализ институциональной структуры и текущего состояния российского банковского сектора позволили сформировать авторскую классификацию бизнес-моделей банков. В диссертационном исследовании предлагается проверить гипотезу о разной степени устойчивости и способности адаптации к макроэкономическим

шокам банков с различными бизнес-моделями, выделяемыми в зависимости от особенностей сочетания характеристик элементов бизнес-моделей (блоков обеспечения бизнеса, менеджмента, бизнес-деятельности и результатов) [43]:

– универсальная бизнес-модель характеризуется диверсифицированной структурой активов и пассивов (на каждую из агрегированных статей баланса приходится на более 30%), высокими показателями рентабельности капитала (ROE более 10%) и невысоким запасом достаточности капитала (норматив Н1.0 не более 14%) ввиду большого объема активов под риском относительно величины капитала), при этом банки данной бизнес-модели стоит разделять исходя из их масштаба и значимости для банковского сектора на федеральный (активы более 250 млрд руб., как правило, собственником выступает государство в лице Федерального агентства по управлению госимуществом (Росимущества) более чем на 50% или крупные инвесторы) и региональный уровень (активы менее 250 млрд руб., как правило, собственниками выступают субъекты федерации более чем на 50%);

– иностранный арбитраж (находится в собственности зарубежной, как правило, крупной финансовой/банковской группы на 100%, имеет высокие показатели рентабельности (ROE более 12%) ввиду возможности привлечения дешевых ресурсов от материнской структуры, высокий запас прочности по капиталу (Н1.0 составляет более 14%) и хорошее качество активов вследствие продвинутого управления банковскими рисками на уровне группы);

– монолайнер (банки отличаются высокой концентрацией бизнеса (50% и более) на одном продукте/отрасли, что обуславливает повышенный риск подверженности ключевого сегмента регулятивным новациям; также к данной группе относятся банки с кэптивным бизнесом, для которых характерна концентрация пассивов на одном кредиторе/источнике (20% и более) и/или высокий уровень (25% капитала и более) кредитования лиц, связанных с собственниками банка, как следствие, бизнес таких банков характеризуется невысоким уровнем рентабельности (ROE порядка 10-11%) и достаточности

капитала (Н1.0 менее 12%) относительно двух предыдущих типов бизнес-моделей);

– кредитный агрессор (проводит рискованную кредитную политику (доля обесцененных кредитов в активах более 15%), имеет высокую долю инвестиционных кредитов (более 20% активов), использует практику фондирования длинных активов короткими пассивами (отношение кредитов к депозитам более 700%), что в совокупности приводит к возникновению критической нагрузки на капитал (Н1.0 около 10%) и давлению на показатели рентабельности (ROE менее 0%);

– банк без традиционного бизнеса (отличается высокой долей (более 40%) низкодоходных активов в виде МБК, корреспондентских счетов, денежных средств и низкой долей традиционного кредитования, в результате чего для таких банков характерна низкая операционная эффективность (соотношение затрат и доходов более 100%), избыток капитала (Н1.0 более 17%) и ликвидности (соотношение ликвидных активов к депозитам и краткосрочному фондированию более 200%), а также риски вовлечения в сомнительные операции).

По нашему мнению, дальнейшая эволюция российской банковской системы будет определять вероятные изменения в предложенной автором классификации бизнес-моделей кредитных организаций. При этом в течение переходного периода, отличающегося активным экономическим и технологическим развитием, возможно функционирование комбинированных бизнес-моделей, обладающих основными чертами как традиционной, так и инновационной моделей ведения бизнеса.

1.3 Факторы внешней среды, влияющие на бизнес-модели коммерческих банков

Современная посткризисная экономика характеризуется активной динамикой изменения, слабой предсказуемостью и ограниченностью

ресурсов, что в совокупности не позволяет банкам совершать ошибки в своей деятельности, принимая неоправданно рискованные решения. Для того чтобы оставаться жизнеспособными в текущих условиях коммерческим банкам следует пересмотреть существующие подходы к ведению бизнеса, изменить ключевые принципы взаимоотношений с клиентами, а также трансформировать предлагаемые наборы продуктов и каналы дистрибуции. Однако успешная адаптация бизнес-моделей коммерческих банков к новым условиям макроэкономической среды зависит, прежде всего, от понимания основных факторов, оказывающих непосредственное влияние на будущее банковского сектора.

Проанализировав современные тенденции развития банковского рынка, можно выделить следующие ключевые области изменений, под воздействием которых будут трансформироваться бизнес-модели коммерческих банков в среднесрочной перспективе:

- изменения в регулировании деятельности банков;
- диджитализация банковского сектора;
- ужесточение конкуренции;
- изменение поведения клиентов;
- динамичность и непредсказуемость экономики.

Рассмотрим каждый из обозначенных выше факторов более подробно и определим ключевые аспекты их влияния на различные типы бизнес-моделей коммерческих банков.

Требования регуляторов (как в лице центральных банков стран, так наднациональных органов регулирования), предъявляемые к коммерческим банкам, претерпевают постоянные количественные и качественные изменения на фоне волатильности макроэкономической среды. В частности, события мирового финансового кризиса 2008 года сопровождались масштабной реализацией кредитных и рыночных рисков, которые были недооценены банками, что привело к тяжелым последствиям для всей финансовой системы: возникновение существенных убытков, многочисленные отзывы лицензий,

санации банков и, как следствие, сокращение числа участников банковского рынка. С целью недопущения подобных событий в будущем центральные банки ряда стран вместе с Базельским Комитетом по Банковскому Надзору разработали новые и более жесткие требования к капиталу, ликвидности и источникам фондирования коммерческих банков, которые закреплены в Стандартах Базельского Комитета по Банковскому Надзору (Базель III) [102] и представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Сравнение требований Базеля I, II и III

В процентах

Показатель	Базель I и II	Базель III
Норматив достаточности базового капитала (Core Tier 1)	2,0	4,5
Норматив достаточности основного капитала (Tier 1)	4,0	6,0
Норматив достаточности капитала (Tier 1 +Tier 2)	8,0	8,0
Буфер консервации капитала	–	2,5
Контрциклический буфер	–	От 0 до 2,5
Коэффициенты ликвидности	–	Показатель краткосрочной ликвидности (LCR) ≥ 100 ; Показатель чистого стабильного фондирования (NSFR) ≥ 100 .
Коэффициент левериджа (отношение капитала к заемным средствам)	–	3,0

Источник: составлено автором по данным [102].

В результате внедрения указанных новаций банки столкнулись с ужесточением условий регулятивной среды, что привело, с одной стороны, к увеличению прозрачности и устойчивости банковской системы, а с другой – к росту издержек, давлению на прибыль и капитал и вынудило банки пересматривать свои бизнес-модели.

Указанные новации не обошли стороной и российский банковский сектор. Так, с 1 января 2019 года в соответствии с «Базелем III» изменяется график повышения надбавок к достаточности капитала для банков с

универсальной лицензией: с 1 января 2019 года надбавка будет составлять 1,875%, с 1 апреля 2019 года – 2,0%, с 1 июля 2019 года – 2,125%, с 1 октября 2019 года – 2,25%, с 1 января 2020 года – 2,5% [69]. Дополнительная надбавка за системную значимость (применяется для 11 системно значимых российских банков) сохраняется на уровне 0,65%. Кроме того, для системно значимых банков, доля которых составляет порядка 70% активов российского банковского сектора, регулятор с 2019 года повышает минимальное значение норматива краткосрочной ликвидности (LCR) с 90% до 100%. Таким образом, прежде всего, данные изменения отразились на банках с универсальной бизнес-моделью федерального уровня и бизнес-модели «иностранный арбитраж», поскольку кредитные организации данных типов бизнес-моделей в большинстве своем являются системно-значимыми, вследствие чего к ним предъявляются повышенные требования со стороны регулятора.

Проблема формирования устойчивых и эффективных бизнес-моделей на фоне многочисленных отзывов лицензий и санаций с 2014 года неоднократно обсуждалась и озвучивалась представителями Центрального Банка. В частности, Банк России, обеспокоенный повышенной концентрацией банковской системы на кредитовании аффилированных сторон без отражения реального риска в отчетности, с 2017 года ввел норматив максимального размера риска на связанное с банком лицо (группу связанных лиц), максимально допустимое значение которого составляет 20%. Данная мера наиболее существенно отразилась на банках с бизнес-моделью «монолайнер», для которых, в том числе, характерна высокая концентрация бизнеса на связанных сторонах. Понимая необходимость поэтапного внедрения данного норматива, Банк России ввел ряд послаблений. В частности, до конца 2018 года при расчете значения норматива H25 банки имеют возможность учитывать требования к наиболее прозрачным компаниям с понижающим коэффициентом (20% в 2017 году, 50% в 2018 году), не объединять заемщиков в группу связанных лиц по признаку экономической взаимосвязанности и выделять в отдельную группу заемщиков, подконтрольных родственникам

аффилированных с банком лиц [6]. В совокупности данные меры позволили ряду кэптивных банков соблюдать норматив Н25 в течение переходного периода 2017-2018 годов, за который они должны были снизить объем кредитования связанных сторон.

Существенное влияние на бизнес-модели российских банков оказало и введение пропорционального регулирования банковской системы с начала 2018 года. Так, до 1 января 2019 года банки должны были принять решение: либо увеличить капитал до 1 млрд руб. и работать по универсальной лицензии, либо перейти на базовую лицензию, для которой минимальный размер капитала составляет 300 млн руб., а также применяются пониженные регуляторные требования и упрощенный порядок ведения отчетности [94]. При этом банки с базовой лицензией будут иметь запрет на открытие счетов в иностранных банках и открытие за границей дочерних организаций или филиалов. Данная регулятивная новация отразилась, прежде всего, на небольших банках (с капиталом менее 1 млрд руб.), относящихся к бизнес-моделям «кредитный агрессор» и «банк без традиционного бизнеса», часть из которых оказалась лишена возможности предоставлять полный перечень банковских услуг, что еще больше ослабило их конкурентные позиции.

Кроме того, с 1 января 2018 года внедрен международный стандарт финансовой отчетности (МСФО) 9 вместо ранее применяемого МСФО 39, который во время мирового финансового кризиса показал недостатки модели учета обесценения финансовых активов (в том числе при формировании резервов). В связи с этим модель понесенных кредитных убытков (МСФО 39) была заменена на модель ожидаемых кредитных потерь (МСФО 9), позволяющую более адекватно оценивать риски и формировать резервы. В соответствии с МСФО 9, при первоначальном признании ожидаемые потери оцениваются в течение 12 месяцев, а в случае существенного ухудшения кредитного риска – за весь период жизнедеятельности финансового инструмента [75]. То есть по новой модели признание убытков ускоряется во времени, поскольку банки создают резервы не только по уже понесенным, но

и по некоторым ожидаемым в будущем убыткам. Переход банков на МСФО 9 отразился на всех типах банковских бизнес-моделей и привел к возникновению ряда трудностей, среди которых необходимость формирования системы для расчета больших массивов данных, изменение организационной структуры, а также увеличение объема резервов, что оказывает давление на показатели рентабельности и достаточности капитала. В результате некоторые бизнес-модели коммерческих банков (прежде всего, «кредитный агрессор» и «монолайнер») стали неэффективными, и для адаптации к новым требованиям необходима их фундаментальная корректировка.

Диджитализация банковской системы выступает в качестве еще одного фактора макросреды, влияющего на бизнес-модели коммерческих банков, и проявляется, прежде всего, в активизации развития дистанционного обслуживания. Развитие данного тренда приводит к ужесточению конкурентной борьбы между банками за клиентов и требует повышенных затрат, но, в то же время, позволяет кредитным организациям трансформировать свои бизнес-модели, совершенствуя различные этапы в цепочке создания добавленной стоимости банковских продуктов и услуг. Стоит отметить, что диджитализация банковской системы является долгосрочным процессом эволюции информационных технологий, который наблюдается на протяжении последних двадцати лет. При этом, по нашему мнению, на среднесрочном горизонте наиболее перспективными цифровыми решениями, способствующими изменению банковских бизнес-моделей, будут выступать технологии Cloud banking, AGILE и Blockchain [48].

Cloud banking или виртуальная банковская сеть позволяет уменьшить стоимость предоставляемых банками услуг, снизить уровень операционных рисков и улучшить качество обратной связи банка с клиентами. Необходимость использования данной технологии кредитными организациями продиктована изменением клиентских требований к банковскому обслуживанию при росте конкуренции и барьеров входа на

банковский рынок, что, в свою очередь, приводит к возникновению большого числа финтех-компаний, предоставляющих аналогичные услуги [101]. Трансформируя свои бизнес-модели путем внедрения облачных технологий, коммерческие банки могут учесть индивидуальные потребности клиентов, повысить уровень качества и скорость обслуживания в результате тесного взаимодействия с клиентами.

Технология Blockchain появилась в результате создания первой криптовалюты – биткойна и выступает способом надежного распределенного хранения данных. При этом основными особенностями Blockchain являются:

- распределенность, представляющая собой последовательную цепь из связанных друг с другом блоков информации при построении процесса взаимодействия системы с пользователями, при этом каждый блок данных подлежит шифрованию криптоключами с хранением в каждом последующем блоке ключа предыдущего блока;

- открытость, позволяющая получить пользователям полный доступ к содержимому базы данных и контролировать все изменения в цепочке данных;

- безопасность, способствующая высокой защищенности данных, при которой отсутствует возможность взлома шифрования информации, поскольку скорость вновь создаваемых ключей существенно превышает скорость их подбора [93].

Таким образом, для того чтобы оставаться конкурентоспособными в условиях стремительного развития цифровых технологий, коммерческим банкам необходимо модернизировать на основе Blockchain методы и инструменты, которые позволяют анализировать большие массивы данных, имеющиеся в распоряжении у банков данных о платежах и транзакциях клиентов.

С помощью технологии AGILE коммерческие банки могут работать над созданием проектов по гибкой системе, состоящей из трех этапов циклического характера: проектирование, создание и тестирование. Использование технологии AGILE позволит кредитным организациям повысить качество

создаваемых продуктов и услуг, поскольку заказчик включен в процесс работы на каждом этапе их создания, а также снизить уровень принимаемых рисков, так как заказчиком может формироваться любое число итераций проекта с последующей корректировкой функций и задач. При этом наличие системы обратной связи способствует снижению издержек производства банковского продукта или услуги ввиду того, что заказчик оплачивает стоимость каждой итерации проекта, а не только его финального результата [109].

Вместе с тем, по нашему мнению, в среднесрочной перспективе бизнес-модели коммерческих банков будут трансформироваться под влиянием ряда других технологий:

- искусственный интеллект, способствующий развитию автоматизации банковского обслуживания и повышению его качества, например, при помощи чат-ботов, расходы на которые существенно ниже расходов на персонал, что будет способствовать росту инвестиций в указанную технологию. Также на основе искусственного интеллекта банки смогут развивать сервисы с индивидуальным учетом особенностей и потребностей своих клиентов;

- API-сервисы (Application programming interface) – внешние программные интерфейсы, обеспечивающие работу различных банковских приложений (в том числе мобильных) в целях оказания новых видов услуг [88]. Подобные сервисы банкам будут представлять финтех-компании, прошедшие путь от конкурентов кредитных организаций до их партнеров;

- биометрические системы, способствующие повышению уровня информационной безопасности банков и клиентов с помощью идентификации платежных операций на смартфонах по образцу голоса, распознавания лица или с использованием отпечатка пальца;

- развитие мобильного банкинга на основе слаженного цифрового взаимодействия банков с клиентами, что позволит предоставить потребителям расширенные возможности дистанционного обслуживания в части удаленной системы аутентификации, диалоговых интерфейсов, операций с

криптовалютами и с приложениями, привязанными к географическому положению.

Стремительное продвижение технологий обуславливает перспективное развитие «digital банков» или «нишевых банков», которые специализируются на предоставлении высокотехнологичных услуг в определенной сфере, пока еще свободной на рынке, что позволяет им сформировать уникальное предложение для клиентов, повысив их лояльность. Примеры подобных банков уже существуют на российском рынке, при этом большая часть из них является цифровыми сервисами, функционирующими под лицензиями традиционных коммерческих банков (банк «Сфера» работает под лицензией банка БКС»; «Рокетбанк» – под лицензией КИВИ Банка; Банк «Точка» – под лицензией Банка «Открытие») [76]. «Цифровые банки», организованные в подобной форме, в основном специализируются на предоставлении дистанционных услуг онлайн через мобильные приложения для физических лиц (мгновенные банковские переводы, открытие счетов и вкладов, оплата различных сервисов, налогов, штрафов, аналитика для контроля расходов и т.д.) и малого бизнеса (расчетно-кассовое обслуживание (РКО), услуги онлайн-бухгалтерии, юридические консультации, электронный документооборот, финансовую аналитику и другие).

Как таковых «digital банков», работающих под отдельными лицензиями, в России в настоящее время крайне мало, что свидетельствует о недостаточном освоении рассматриваемой ниши и наличии перспектив развития данного направления бизнеса. В числе самостоятельных цифровых российских банков можно выделить лишь «Модульбанк» (предоставляет онлайн-сервисы для малого и среднего бизнеса (МСБ) аналогичные описанным выше услугам), а также зарегистрированный в марте 2019 года казанский «Банк 131» (цифровой банк, основанный на транзакционном бизнесе через бесплатный перевод денег за кешбэк-сервис ePN.bz (сотрудничает с крупнейшими интернет-магазинами – AliExpress, «Яндекс.Деньги», Ozon, «М.Видео» и другие) и насчитывает около

3 млн пользователей [72]) на аккаунт клиента в банке и выпуск соответствующей карты, которой клиент сможет расплачиваться в магазинах, с помощью системы быстрых платежей и биометрической идентификации банковских клиентов). Однако стоит отметить, что подобная бизнес-модель сопряжена с повышенными рисками регулирования и надзора в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), что требует поддержания повышенных издержек на организацию надлежащей системы качества внутреннего контроля.

Другим перспективным направлением развития банковского бизнеса на основе технологий, по нашему мнению, является модель «bank - to - bank», выступающая в качестве провайдера услуг для «digital банков», в связи с чем продукты банка с данной бизнес-моделью должны быть мобильными (то есть легко конструироваться и пересобирааться), бизнес-процессы – стандартными (в целях простоты использования), а деятельность – масштабируемой. Ввиду того, что такие банки будут собирать большие массивы информации от обслуживаемых ими нишевых игроков, кредитные организации B2B (Business to business) будут также выполнять функцию хранилища данных [82].

Охарактеризованные тенденции технологического развития бизнес-моделей кредитных организаций непосредственно связаны с диджитализацией банковского сектора, способствующей распространению и внедрению различных инновационных решений, что вызывает необходимость адаптации существующих бизнес-моделей путем разработки новых продуктов, внедрения новых сервисов, использования современных методов анализа данных, что, безусловно, требует от банков значительных финансовых издержек. Таким образом, диджитализация банковской системы оказывает влияние на все типы бизнес-моделей кредитных организаций, при этом в наиболее выигрышном положении оказываются крупные банки (активы более 100 млрд руб.) с универсальной бизнес-моделью, «иностранный арбитраж», «монолайнеры» и «кредитные агрессоры», поскольку они обладают более

значительными финансовыми ресурсами для внедрения технологических новаций и привлечения высококвалифицированных специалистов, что позволит им укрепить конкурентные позиции и повысить лояльность клиентов.

Другим макроэкономическим фактором, оказывающим непосредственное влияние на банковские бизнес-модели, выступает ужесточение конкурентной среды, поскольку от уровня конкуренции во многом зависит успешность реализации стратегии и жизнеспособность кредитных организаций. Основными параметрами, определяющими конкурентные позиции банка, являются его позиции в рейтингах по размеру активов и капитала, количество заемщиков ЮЛ и ФЛ, рентабельность капитала, доля рынка по кредитам/депозитам, бренд банка и его узнаваемость, маркетинговая стратегия, ИТ-технологии, личные связи собственников/топ-менеджеров банка и другие.

Наблюдаемое усиление конкуренции между кредитными организациями за первоклассных клиентов (кредиторов, заемщиков, принципалов и т.д.) вынуждает банки анализировать поведение своих конкурентов и быть готовыми к оперативной корректировке своих бизнес-моделей. При этом в условиях продолжающейся «зачистки» российского банковского сектора значительно сокращается число небольших по размеру банков, что приводит к увеличению доли рынка и укреплению позиций банков из топ-10 по активам [74]. Поскольку средним по масштабу банкам практически невозможно составить конкуренцию банкам с гос. участием (без ущерба для маржинальности бизнеса), их задача заключается в поиске уникальной ниши, предоставлении не имеющих аналогов продуктов, индивидуальном подходе к каждому клиенту, а также в высоком качестве и скорости обслуживания потребителей. Таким образом, конкуренция между кредитными организациями оказывает наибольшее влияние на банки с универсальной бизнес-моделью регионального масштаба, «монолайнеры», «кредитные агрессоры» и банки «без традиционного бизнеса».

В то же время, в качестве конкурентов коммерческих банков все чаще выступают небанковские организации, предоставляющие населению цифровые финансовые услуги, в частности, операторы мобильных платежей PayPal и Alipay (особенную популярность приобрели в развивающихся странах вследствие отсутствия качественных локальных платежных платформ при высоком спросе населения на электронные платежи), а также компания Apple, реализовавшая технологию бесконтактных платежей посредством мобильных приложений. В данном контексте фактор конкурентной борьбы оказывает наибольшее влияние на бизнес-модели наиболее крупных игроков банковского рынка – универсальные банки федерального масштаба и банки с бизнес-моделью «иностранный арбитраж».

В свою очередь, существенным преимуществом финтех-компаний является отсутствие регулирования со стороны центральных банков, которому подлежит деятельность кредитных организаций, что зачастую вынуждает их отказываться от проведения ряда операций с повышенным риском. Кроме того, небанковские финтех-компании, основанные крупными холдингами (например, Apple, Toyota, Volkswagen, General Electric), зачастую имеют более длительную историю существования и более развитую дистрибуционную сеть, нежели классические коммерческие банки [90].

С учетом описанных особенностей новые игроки банковского рынка в лице финтех-компаний могут предоставлять клиентам услуги по ценам ниже среднерыночных, что будет оказывать давление на маржинальность бизнеса коммерческих банков и ужесточать конкурентную среду на банковском рынке. В целях сохранения своей устойчивости коммерческие банки вынуждены перестраивать свои бизнес-модели в соответствии с новыми условиями внешней среды.

Взаимоотношения банка с клиентом занимают ключевое место в системе конкурентоспособности кредитных организаций, так как формирование лояльной базы клиентов способствует минимизации рисков непредвиденных оттоков средств и снижения спроса на банковские продукты

и услуги. В связи с этим банки должны оперативно адаптироваться к меняющимся запросам клиентов, поддерживая их лояльность через механизм обратной связи. Например, крупнейшие банки активно внедряют системы управления взаимоотношениями с клиентами (Customer Relationship Management, CRM-системы), проводят среди клиентов анонимные опросы по степени удовлетворенности обслуживанием, разрабатывают новые продукты и предлагают системы бонусов для постоянных клиентов [74].

Однако с течением времени запросы потребителей банковских услуг становятся более сложными и многогранными, а в качестве главного критерия выбора провайдера услуг выступает соотношение «цена-качество» и потенциальная ценность самих услуг для конечного потребителя. То есть клиенты желают приобрести базовый продукт или услугу по минимальной из возможной цены, при этом они готовы внести дополнительную плату за кастомизированные услуги в соответствии с их личными предпочтениями и требованиями. При этом на фоне диджитализации банковской системы растут ожидания клиентов по качеству и скорости банковского обслуживания и принятия решений, применению более гибких методов взаимодействия с банком, а также росту безопасности и прозрачности проводимых клиентом операций. Ввиду того, что не все банки способны соответствовать меняющимся требованиям и предпочтениям клиентов, потребители снижают свою лояльность и переходят на обслуживание к другим кредитным организациям, соответствующим их личным запросам. В связи с этим, на наш взгляд, банкам необходимо адаптировать свои бизнес-модели в соответствии с изменяющимися предпочтениями клиентов без ущерба для доходности, в результате чего банки смогут обеспечить себе значительные конкурентные преимущества.

Таким образом, изменение поведения клиентов оказывает влияние на все типы банковских бизнес-моделей, при этом зачастую наиболее клиентоориентированными оказываются малые банки, как правило, относящиеся к бизнес-моделям «монолайнер», «кредитный агрессор» и «без

традиционного бизнеса», поскольку ввиду ограниченности клиентской базы они стремятся предоставить индивидуальный подход при высокой скорости обслуживания. С другой стороны, крупные банки с универсальной бизнес-моделью и бизнес-моделью «иностраный арбитраж» являются в большинстве своем системно-значимыми и более надежными, что выступает другим критерием лояльности клиентов.

Важнейшим фактором, влияющим на все типы бизнес-моделей коммерческих банков, является динамичность и непредсказуемость экономических процессов. Прежде всего, необходимо отметить, что современная мировая экономика и национальные экономики различных стран характеризуются ускоряющейся цикличностью, структурными сдвигами в развитии современных социально-экономических отношений, увеличением роли компаний из развивающихся стран и обострением конфликтов в области геополитики, что оказывает влияние на все типы выделенных автором банковских бизнес-моделей. Среди факторов, характеризующих состояние экономики и оказывающих значимое влияние на бизнес-модели коммерческих банков, можно выделить:

1) динамику валового внутреннего продукта (ВВП) как совокупности потребительских расходов, инвестиций в экономику, государственных затрат и чистого экспорта: снижение экономического роста, сопряженное с падением внутреннего спроса, приводит к снижению иностранных инвестиций в экономику страны и росту внешнего долга, и, как следствие, к отрицательной динамике ряда макроэкономических показателей. На этом фоне снижаются возможности коммерческих банков по выдаче кредитов и финансированию различных отраслей экономики, что способствует росту процентных ставок. Кроме того, падение внутреннего спроса отражается на снижении спроса на прочие услуги (кроме кредитования) коммерческих банков, и, как следствие, приводит к снижению рентабельности и привлекательности банковского бизнеса. Таким образом, снижение ВВП оказывает давление на банковский

сектор и приводит к потере финансовой устойчивости кредитных организаций (например, в кризис 2008-2009 годов и 2014-2015 годов).

2) Уровень инфляции: рост потребительских цен приводит к увеличению процентных рисков, снижению реального размера активов и ресурсной базы банков, а также оказывает давление на их рентабельность. Вместе с тем, в результате увеличения инфляции процентные ставки по кредитам растут быстрее, чем по депозитам, что обусловлено желанием банков поддержать свою операционную эффективность бизнеса. При росте инфляции коммерческие банки вынуждены перестраивать свои бизнес-модели для сохранения финансовой устойчивости, например, переходя к краткосрочному стратегическому планированию (разработка стратегии на 12 месяцев вместо трех лет), отказу от кредитования реального сектора экономики вследствие возросших рисков в пользу краткосрочных вложений в высоколиквидные и низкодоходные активы (облигации, МБК, касса), а также к перестроению структуры активов с целью поддержания ее сбалансированности (вложение не более 20% в одну группу активов) и снижения влияния инфляционных рисков.

3) Валютный курс: политика валютного курса, проводимая Банком России, оказывает влияние на стабильность национальной валюты, необходимую для обеспечения экономического роста. Банк России с 2014 года перешел на режим плавающего валютного курса, продолжая проводить валютные интервенции в случае возникновения необходимости. Курс рубля оказывает непосредственное влияние на величину поступающих доходов в бюджет РФ от экспортной пошлины на нефть (устанавливается в долларах США, взимается в рублях) и налога на добычу полезных ископаемых (расчет производится по формуле, включающей курс доллара к рублю).

Кроме того, валютный курс взаимосвязан с показателями внешней торговли, поскольку он объединяет стоимостные показатели российского и зарубежных рынков через соотношение величины экспорта и импорта (например, вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО) в

2012 году повысило конкуренцию на рынке в ряде отраслей российских фирм с иностранными компаниями, вследствие чего для защиты отечественных производителей Банк России проводил политику валютного курса, способствующую девальвации рубля).

После 2014 года на фоне существенного падения стоимости нефти и введения экономических санкций против России произошло значимое ослабление курса рубля, наиболее болезненно отразившееся на банковской системе. При этом под ударом оказались как банки, значительную часть пассивов которых составляли средства в иностранной валюте (обязательства таких банков по данным средствам увеличились в два раза), так и банки, которые активно кредитовали в валюте заемщиков, не получавших валютной выручки (финансовое состояние и качество обслуживания долга таких заемщиков существенно ухудшилось). Так, в январе-феврале 2015 года банки РФ показали рекордные убытки: 142 млрд руб. против 15 млрд руб. по итогам 2014 года [39], что обусловлено ослаблением курса рубля и, как следствие, ростом расходов по выплатам обязательств в иностранной валюте, по валютным кредитам ввиду досоздания резервов и списаний на фоне ухудшения их качества, по рублевым обязательствам на фоне роста процентных ставок по депозитам.

4) Процентные ставки: изменение ключевой ставки является значимым инструментом денежно-кредитной политики, влияющим, в первую очередь, на стоимость заимствований на рынке межбанковского кредитования. При этом ставки по однодневным МБК слабо отличаются от ключевой ставки и мгновенно подстраиваются под ее значение в случае изменения. В свою очередь, ставки по среднесрочным МБК изменяются вслед за однодневными, но в течение более длительного периода времени, в том числе на основе ожиданий участников рынка по динамике ставок в будущем, которые определяются в зависимости от прогнозов и заявлений Банка России. Кроме того, стоимость МБК зависит от премии за срочность, растущей при неопределенных экономических условиях, и от отраслевой и продуктовой

структуры банковского рынка. Так, по данным Банка России, в результате изменения однодневной ставки МБК (MIACR) на 1 п.п. в течение двух недель происходит изменение ставок МБК сроком менее 1 года на 0,75 - 1 п.п.; ставок сроком от 1 до 5 лет – на 0,45 - 0,75 п.п.; ставок сроком более 5 лет – на 0,35 - 0,4 п.п. [85].

Динамика ставок на рынке МБК оказывает непосредственное влияние на формирование краткосрочных доходностей финансовых активов и на величину процентных ставок по краткосрочным кредитным и депозитным продуктам. Процентные ставки по более долгосрочным финансовым инструментам определяются рядом прочих факторов, среди которых можно выделить премию за риск, ожидания изменения ключевой ставки и инфляции, величина государственного долга и его прогнозной динамики. В итоге динамика процентных ставок оказывает прямое влияние на показатели чистой процентной маржи, операционной эффективности и рентабельности банков как результирующих показателей их бизнес-моделей.

Возвращаясь к ситуации конца 2014 года, когда ключевая ставка поднималась до 17%, стоит отметить, что под существенным давлением оказались банки с большим объемом сделок РЕПО с Банком России, а также с высокой долей средств физических лиц в пассивах, по депозитам которых предлагались завышенные ставки на длительные сроки с целью предотвращения оттоков клиентских средств. В свою очередь, данные меры оказали негативное влияние на маржинальность и рентабельность банковских бизнес-моделей, выявив наиболее слабые и неэффективные из них (прежде всего, «монолайнеры» и «кредитные агрессоры»).

5) Индекс деловой активности PMI (Purchasing Managers Index): макроэкономический индикатор PMI характеризует состояние экономики в сфере производства и обслуживания и рассчитывается на основе результатов опросов менеджеров производственных компаний и менеджеров по закупкам в сфере услуг по следующим группам показателей:

- число новых заказов в производственном сегменте (на данную категорию приходится 30% всех вопросов),
- уровень занятости (20% вопросов),
- объем выпуска продукции (25% вопросов),
- показатель товарных запасов (10% вопросов),
- деятельность поставщиков (15% вопросов) [96].

Индекс PMI является опросным индикатором и опережающим показателем, позволяющим отслеживать динамику различных фаз экономического цикла. Высокая корреляция индекса деловой активности с экономическим ростом позволяет прогнозировать будущие значения динамики ВВП в долгосрочной перспективе.

Так, если индекс PMI превышает 50%, то это позволяет сделать вывод о положительной динамике сферы производства, что является положительным фактором для стабильности национальной валюты, экономического роста и, как следствие, устойчивости банковского сектора на горизонте свыше 6 месяцев. При этом значение индекса PMI на уровне 40-50% свидетельствует о стагнирующем состоянии экономики при наличии возможностей для ее роста в среднесрочной перспективе. В свою очередь, падение индекса ниже 40% говорит о признаках производственного спада и серьезных проблемах в экономике страны, что также негативно отразится и на курсе национальной валюты и стабильности банковской системы. За последние 5 лет наименьшее значение индекса деловой активности в России составило 47,6% и наблюдалось в январе кризисного 2015 года (в январе 2018 г. индекс PMI составил 52%) [96], что сопряжено с ослаблением курса национальной валюты и нашло отражение в снижении устойчивости бизнес-моделей коммерческих банков.

б) Динамику реальных располагаемых доходов населения: снижение доходов населения в реальном выражении оказывает негативное влияние на кредитоспособность физических лиц и, как следствие, на качество розничных кредитных портфелей банков. С другой стороны, падение доходов населения

приводит к снижению объема сбережений, что оказывает давление на объем ресурсной базы банков, в результате чего сокращается и объем активов (в том числе приносящих доход). В совокупности указанные факторы способствуют снижению маржинальности деятельности и доходности кредитных организаций, ослабляя их финансовую устойчивость. В результате банки вносят изменения в свои бизнес-модели, перестраивая их частично (например, продажа кредитного портфеля ФЛ третьим лицам или замещение привлеченных средств ФЛ средствами ЮЛ) или полностью (для банков с бизнес-моделью «монолайнер», которые специализируются на обслуживании ФЛ, придется искать новую нишу на рынке или уходить с него).

Говоря о кредитных организациях российского банковского сектора, стоит учитывать, что они функционируют в среде, которая формируется не только под воздействием экономических факторов, но и в значительной степени зависит от геополитических факторов. Так, геополитическая напряженность, обусловленная введением экономических санкций в конце 2014 года со стороны США и ряда стран Еврозоны, оказала дополнительное давление на ряд российских банков. Попавшие под санкции кредитные организации оказались отключены от возможности получения полноценного доступа к зарубежным финансовым рынкам, что привело к удорожанию фондирования российских коммерческих банков [38]. В отношении банков, работающих в Крыму, были введены дополнительные ограничительные меры, которые также привели к необходимости поиска новых механизмов реализации ранее выстроенных бизнес-моделей и изменения отдельных ее компонентов в соответствии с текущими условиями деятельности.

В условиях санкций со стороны США и Европы, ограничивающих возможности российских банков по привлечению долгосрочного фондирования, альтернативным вариантом западным рынкам капитала является развитие исламского банкинга, позволяющего открыть доступ к финансовым ресурсам развивающихся экономик исламских стран. Особенностью исламского банкинга является ведение банковского бизнеса по

законам Шариата, согласно которым мусульманам запрещено заниматься ростовщичеством, и, как следствие, исламские банки не осуществляют классическое кредитование под проценты, используя вместо этого другие формы финансирования (лизинг, проектное финансирование, рассрочка), а также не выплачивают клиентам проценты по вкладам (за исключением уровня инфляции, который определяется государством).

При этом в последнее время ведущими экономистами [18] и профессиональными сообществами обсуждается возможность внедрения исламского банкинга в России как альтернативы традиционного финансирования. Так, участники Международного экономического саммита «Россия – Исламский мир: KazanSummit-2019» прогнозируют развитие исламского банкинга в России начиная с 2020 года [83]. В свою очередь, ПАО «АК БАРС» Банк в апреле 2019 года представил в Казани пилотный ипотечный продукт в виде жилищного финансирования за счет продажи недвижимости в рассрочку по нормам ислама. Также интерес к развитию исламского банкинга проявляет ПАО «Сбербанк», который уже провел пилотную сделку в лизинговом сегменте и планирует открыть несколько «исламских окон» в Казани, Грозном и Уфе.

По нашим ожиданиям, данный вид бизнеса в России будет развиваться лишь в качестве одного из направлений деятельности в виде «исламских окон» в отдельных традиционных банках, а не в качестве полноценной модели ведения бизнеса. Прежде всего, это обусловлено как особенностями действующего законодательства, предусматривающими ограничения для ведения подобной деятельности в России, так и спецификой бизнес-среды, в рамках которой основной задачей российских коммерческих банков является получение прибыли. Для реализации потенциала исламского банкинга необходимо, прежде всего, устранить гражданско-правовые (отсутствие в российском законодательстве положений по регулированию использования исламских контрактов на территории РФ), пруденциальные и налоговые препятствия (проблемы налогообложения исламских контрактов в части учета

по ним НДС и квалификации банковских доходов по данным операциям) [80]. Ввиду сложной геополитической обстановки и тренда на ориентацию российской экономики на сотрудничество с восточными странами внесение изменений в законодательное регулирование исламского банкинга выглядит вполне реалистичным в среднесрочной перспективе.

Таким образом, анализ внешних факторов позволяет предположить, что они оказывают влияние на кредитные организации со всем спектром бизнес-моделей, однако последствия такого воздействия будут разными, что определяется устойчивостью бизнес-моделей и их возможностями адаптации к меняющимся условиям внешней среды.

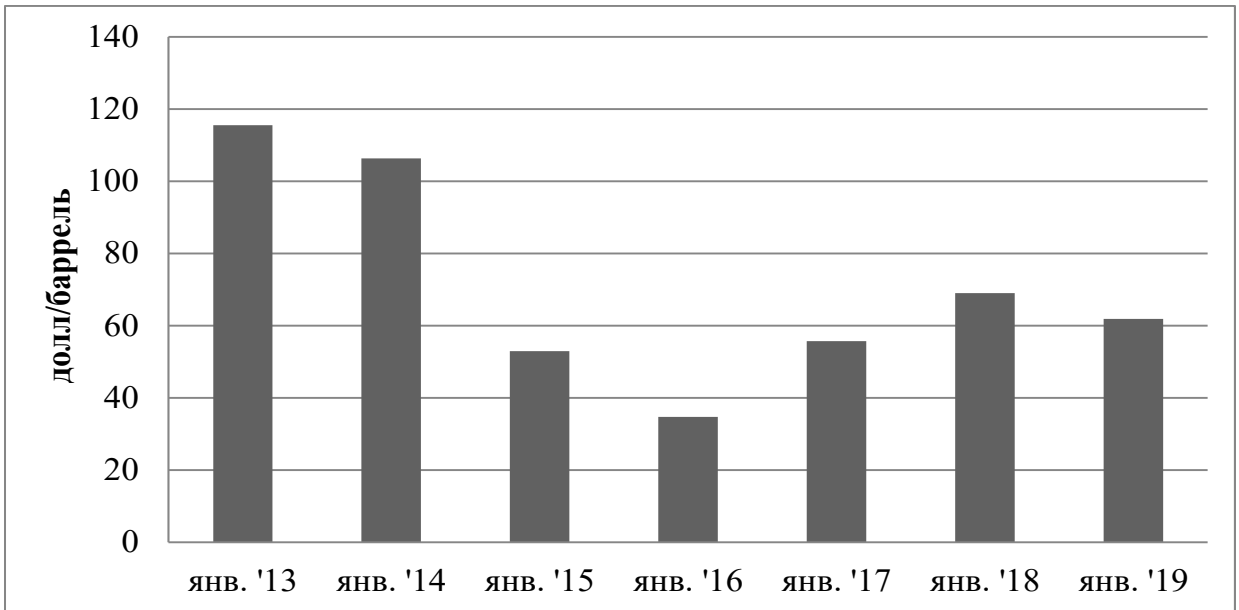
ГЛАВА 2

ОЦЕНКА БАНКОВСКИХ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

2.1 Сущность и особенности адаптации бизнес-моделей коммерческих банков к условиям макроэкономической среды

Бизнес-модель коммерческого банка должна обеспечивать его эффективное функционирование и стабильное конкурентное положение на финансовом рынке, которые, в свою очередь, в значительной степени зависят от способностей бизнес-моделей приспосабливаться к изменяющейся макроэкономической среде. Прежде всего, необходимо определить текущие особенности внешних условий, в которых функционируют кредитные организации.

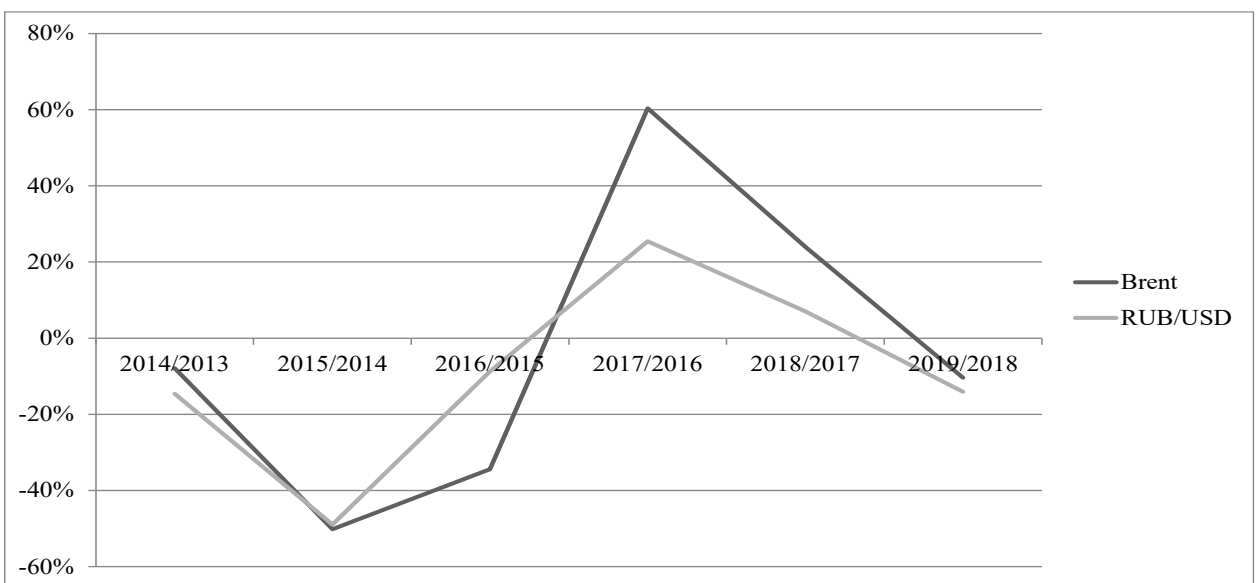
Одной из ключевых особенностей российской экономики является высокая зависимость от сырьевых рынков, в частности, от динамики цены на нефть. Так, падение цены нефти на 1 доллар США за баррель приводит к сокращению доходов федерального бюджета на 1 п.п. С учетом того, что доля нефтегазовых доходов в ВВП России составляет порядка 20%, падение стоимости нефти в два раза обусловит выпадение доходов бюджета в размере 10% от ВВП [54]. То есть, стоимость нефти оказывает значимое влияние на формирование реальных доходов населения, состояние бюджета, а ее колебания могут привести к макроэкономическим шокам, обуславливающим нестабильность динамики экономического роста в России. Исходя из данных, представленных на рисунке 3, наиболее резкое падение нефтяных котировок наблюдалось с 2015 года, что спровоцировало ряд описанных ранее кризисных явлений в экономике России, и достигло минимума в 35 долл. США за баррель в январе 2016 года, в результате чего было приняты меры по секвестированию федерального бюджета.

Источник: составлено автором по данным [87].

Рисунок 3 – Динамика котировки нефти марки Brent

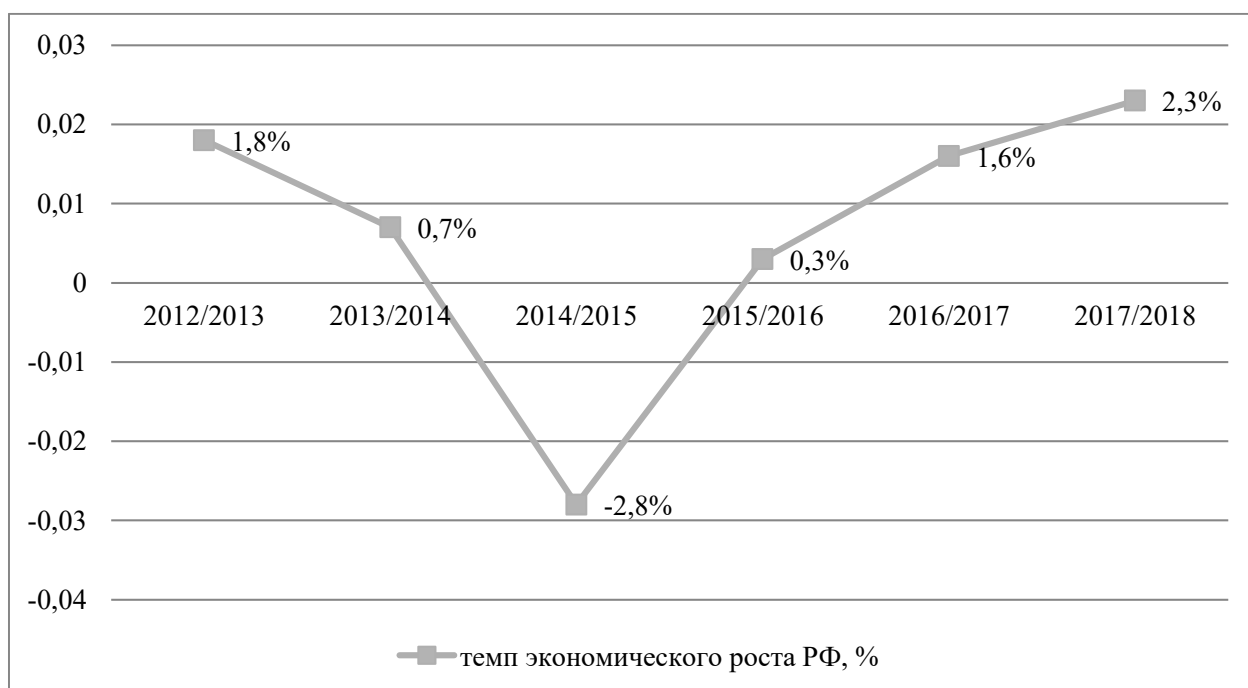
Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые государством и Банком России меры по снижению зависимости курса рубля от цен на нефть, положительная корреляция данных величин сохраняется и после кризисного 2015 года. При этом значения динамики цены на нефть марки Brent (минус 10%) и курса RUB/USD (минус 14%) за период с января 2018 года по январь 2019 года достигли минимального разрыва за последние четыре года, что можно наглядно увидеть на рисунке 4.

Источник: составлено автором по данным [69; 87].

Рисунок 4 – Динамика цены на нефть марки Brent и курса RUB/USD

В 2018 году экономический рост российской экономики составил 2,3% или 103,6 трлн руб. в номинальном выражении, что является наибольшей величиной за последние 6 лет, согласно данным, представленным на рисунке 5. При этом максимальное падение ВВП наблюдалось в период рецессии экономики в 2015 году и достигло 2,8%. Наибольший прирост по итогам 2018 года показали сферы добычи полезных ископаемых (+3,8%), строительство (+4,7%), финансовая и страховая деятельность (+6,3%), деятельность гостиниц (+6,1%), что связано с проведением в России чемпионата мира по футболу в 2018 году [78]. Экономический рост в 2018 году в большей степени обусловлен разовым эффектом и не является устойчивой тенденцией: согласно прогнозам Министерства экономического развития Российской Федерации (МЭР), по итогам 2019 года ожидается замедление ВВП до 1,3%.

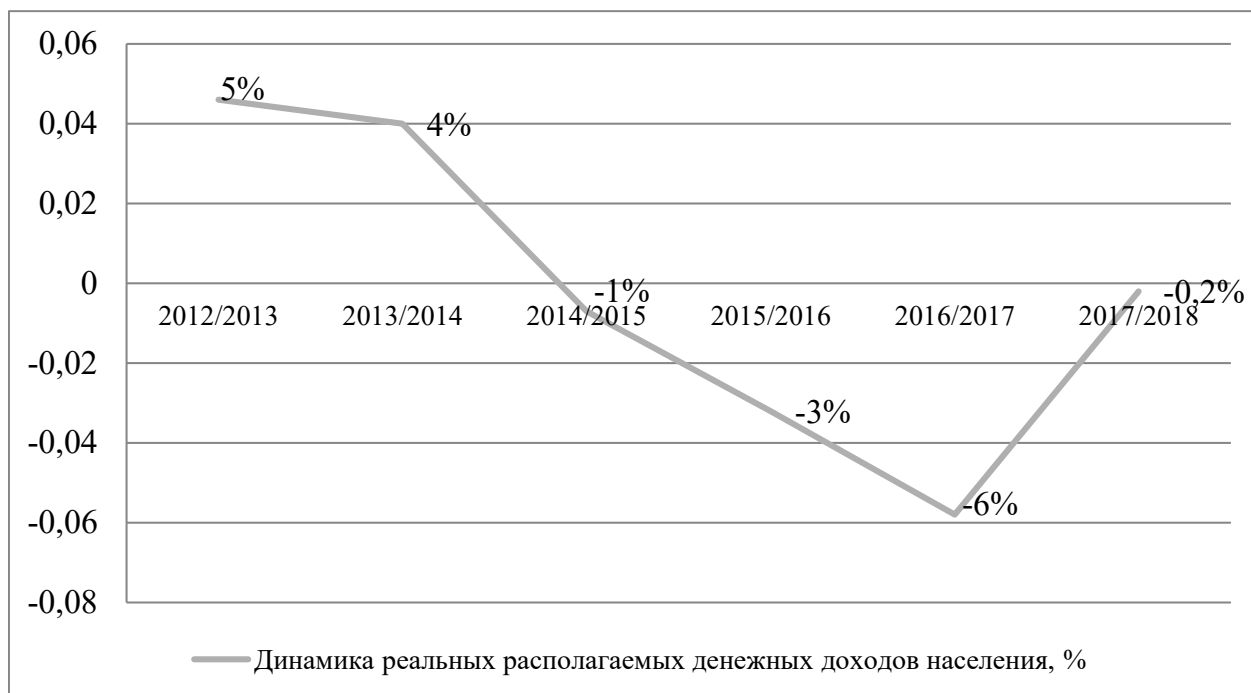
Источник: составлено автором по данным [91].

Рисунок 5 – Динамика ВВП России за 2013-2018 годы

Положительная динамика ВВП по итогам 2018 года во многом обеспечена высокими темпами роста экспорта благодаря благоприятной ценовой конъюнктуре на мировых товарных рынках и росту физического объема экспорта (нефтегазовый сектор, металлургия, продовольственный

сектор, химическая промышленность) при значительном замедлении импорта в реальном выражении на фоне ослабления рубля.

Однако несмотря на позитивную динамику экономического роста реальные доходы населения продолжают падать четвертый год подряд, что проиллюстрировано на рисунке 6.

Источник: составлено автором по данным [91].

Рисунок 6 – Динамика реальных располагаемых доходов населения России

В 2018 году данный показатель снизился на 0,2% (с учетом единовременной выплаты пенсионерам) по сравнению с 2017 годом при росте заработных плат на 6,8% в 2018 году в реальном выражении (в том числе за счет выполнения майских указов президента). Негативно на доходах населения отразились увеличение фискальной нагрузки, падение доходов по банковским депозитам и увеличение платежей по ипотеке. В качестве поддерживающих мер менее обеспеченных групп населения со стороны государства можно выделить увеличение зарплат в бюджетной сфере, рост минимального размера оплаты труда (МРОТ) и повышение выплат и льгот для семей с детьми [78].

Не менее важным индикатором макроэкономической среды является индекс потребительских цен на товары и услуги. Так, по итогам 2018 года

инфляция составила 4,3%, что на 1,8 п.п. выше, чем в 2017, согласно данным рисунка 7. Существенный скачок индекса потребительских цен наблюдался в 2014-2015 годах на фоне девальвации рубля. В январе 2019 года инфляция ускорилась до 5% (год/к году), что обусловлено повышением НДС до 20% с 2019 года, индексацией тарифов на ЖКХ, а также ростом цен на непродовольственные товары [78]. По прогнозам МЭР, при сохранении стабильного курса рубля значение индекса потребительских цен составит менее 5% за 2019 год.

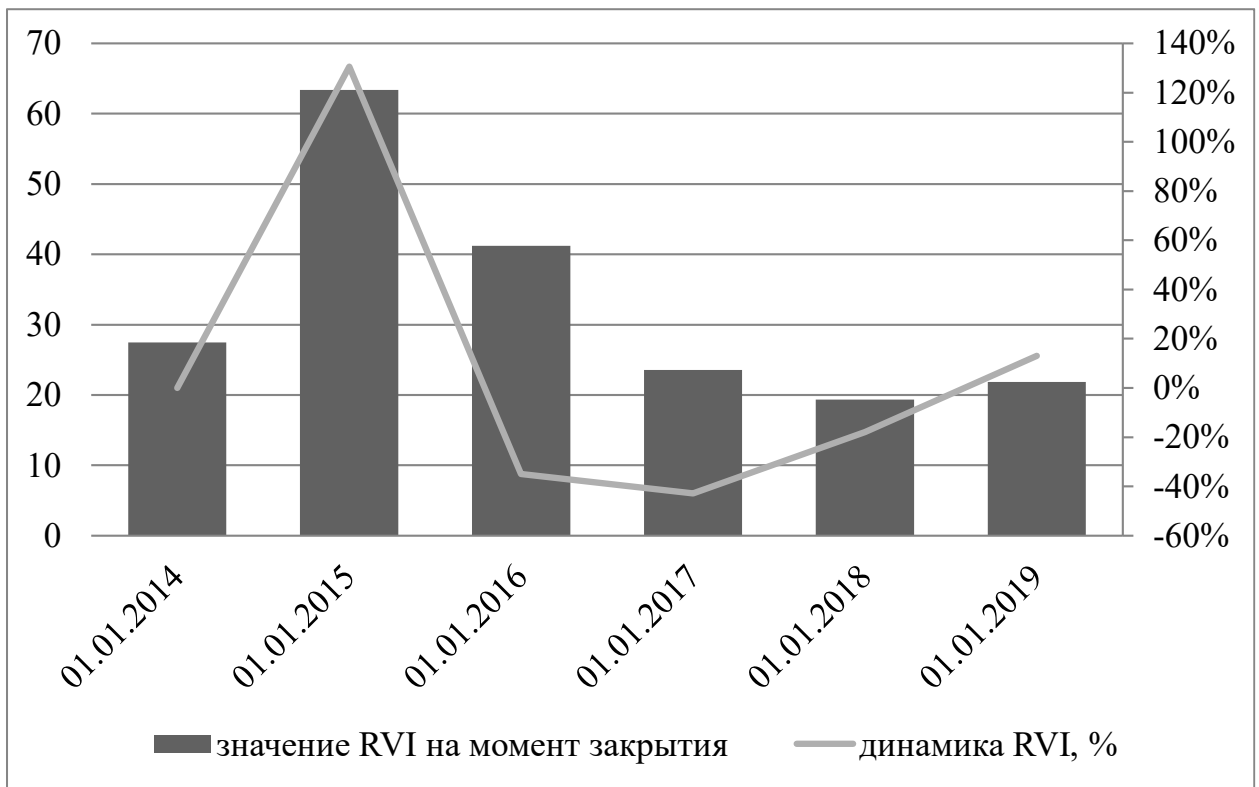

Источник: составлено автором по данным [91].

Рисунок 7 – Динамика индекса потребительских цен на товары и услуги России

Кроме того, состояние внешней среды позволяет описать макроэкономическая неопределенность, для измерения которой экономистами используются специальные индексы. Наиболее известный из них – это «индекс страха» или индекс VIX, который отражает рыночные ожидания 30-дневной будущей волатильности фондового рынка США и рассчитывается на основе цен опционов на индекс S&P 500 [95]. В России аналогичным индексом выступает индекс волатильности RVI, рассчитываемый Московской биржей с ноября 2013 года. Индекс RVI является индикатором срочного рынка, его расчет основан на волатильности фактических цен опционов на индекс РТС со сроком до экспирации более

30 дней [87]. Проанализировав динамику индекса RVI, представленную на рисунке 8, стоит отметить, что его максимальная величина достигала 63 в январе 2015 года на фоне наблюдавшихся в экономике кризисных явлений, что также усилило давление на финансовый сектор РФ и затруднило проведение стабилизационной макроэкономической политики. При этом за 2018 год индекс вырос на 13%, и к 1 января 2019 года его значение составляло 22, что соответствует базовому уровню и свидетельствует об отсутствии существенных рисков макроэкономической неопределенности в текущих условиях.

Источник: составлено автором по данным [87].

Рисунок 8 – Динамика Индекса волатильности российского рынка (RVI)

Также при описании текущих реалий макроэкономической среды, на наш взгляд, особого внимания заслуживает влияние геополитической среды. Высокую актуальность данный фактор приобретает в эпоху активного развития глобализации. Так, введение экономических санкций в отношении реального и финансового секторов России в 2014 году оказало давление на все макроэкономические параметры и сегменты: ограничения в отношении

российской экономики оказали давление на темпы экономического роста, курс валюты, динамику нефтяных котировок и стабильность банковского сектора в целом.

Однако негативный эффект от санкций во многом уже реализовался, и на текущий момент государством и банками предпринят ряд мер по защите экономики от санкционного влияния (в частности, разработана Национальная система платежных карт (НСПК) для защиты от отключения американских систем VISA и Mastercard, долговая нагрузка бюджета РФ удерживается на невысоком уровне, банки частично перестали раскрывать информацию о своей деятельности в публичной плоскости). Однако нельзя не учитывать потенциальные риски ужесточения геополитической обстановки, что может выражаться в обсуждаемом запрете приобретения иностранными инвесторами (прежде всего, из США) облигаций федерального займа РФ или введения санкций в отношении крупнейших, системно-значимых российских банков. При этом банки с универсальной бизнес-моделью федерального уровня уже разработали план действий совместно с Банком России и Министерством Финансов РФ на случай закрытия корр. счетов в валюте во всех американских банках.

В сложившейся макроэкономической ситуации российский банковский сектор по итогам 2018 года показал рост, проиллюстрированный на рисунке 9: активы выросли на 10%, кредитный портфель ЮЛ, ИП и ФЛ – на 14%, что во многом обусловлено опережающей динамикой крупнейших банков из топ-30 [69]. Малые банки наращивают объемы бизнеса лишь в розничном сегменте (+5% в 2018-м году), при этом сохраняется их отставания от лидеров рынка (банки из топ-30 показали прирост сегмента в 20%) [70]. Таким образом, доля кредитных организаций топ-30 по активам за 2018 год выросла 85 до 87%, что обуславливает тенденцию к консолидации банковского сектора, которая также сопровождается увеличением доли банков с участием государства (в 2018 году доля таких банков достигла максимальных 72% активов). Подобный тренд обусловлен как санациями крупнейших частных банков в 2017-2018

годах (ПАО «Банк «ФК Открытие», ПАО «Промсвязьбанк», ПАО «Бинбанк», ПАО «МиНБ», ПАО «Банк «Траст» и т.д.), так и рядом сделок M&A в банковском секторе (объединение ПАО «Совкомбанк», АКБ «РосЕвроБанк» (АО) и ООО «СКИБ»), в том числе с участием государственных игроков (Банк ВТБ (ПАО) приобрел ПАО «Банк «Возрождение», ПАО «Запсибкомбанк» и ПАО «Саровбизнесбанк»).

Источник: составлено автором по данным [69].

Рисунок 9 – Динамика активов и кредитного портфеля российского банковского сектора

Таким образом, на фоне описанных выше особенностей макроэкономической среды, характеризующейся повышенной волатильностью и неопределенностью, бизнес-модели коммерческих банков должны быть мобильными, гибкими, готовыми удовлетворять потребности клиентов, своевременно и адекватно реагировать на изменения рыночной ситуации. В этих условиях проблема адаптации бизнес-моделей коммерческих банков становится центральной, поскольку способность банков оперативно приспосабливаться к изменениям становится ключевым фактором повышения их конкурентоспособности. Однако до настоящего времени решение данной проблемы не получило должной проработки ни в отечественной, ни в

зарубежной теориях и, как следствие, не реализовано в полной мере на практике. В связи с этим процесс развития теоретических и практических вопросов адаптации банковских бизнес-моделей к неопределенности внешнего окружения становится вполне закономерным.

Прежде всего, необходимо определить сущность понятия «адаптация», а затем конкретизировать его в контексте бизнес-моделей коммерческих банков. Существуют различные дефиниции термина «адаптация», в широком смысле ее определяют как:

– «приспособление строения и функций организмов к условиям существования» [9];

– «процесс приспособления системы и ее отдельных элементов к изменяющимся условиям жизнедеятельности» [58];

– «способность системы обнаруживать целенаправленное приспособляющееся поведение в сложных средах, а также сам процесс такого приспособления» [10].

В более узком смысле понятие адаптация применяется в области экономики. Многие отечественные и зарубежные ученые-экономисты отмечали необходимость приспособления предприятий к изменяющимся условиям. В частности, Б.А. Райзберг определял экономическую адаптацию как «приспособление экономической системы и ее отдельных субъектов, работников к изменяющимся условиям внешней среды, производства, труда, обмена, жизни» [27]. Отличного мнения придерживается В.А. Козловский, который описывает процесс адаптации на предприятии как «обеспечение технической, технологической, организационной и экономической гибкости» [16]. Недостатком данного определения, на наш взгляд, является отсутствие учета в нем системы маркетинга, в результате чего не может быть полностью достигнута основная цель адаптации – устойчивое конкурентное превосходство компании на рынке.

В.Н. Гончаров в рамках проводимого исследования полагает, что процессы адаптации компаний связаны с их циклическим развитием и в

особенности зависят от технологических инноваций, которые внедряются на предприятии [11]. По мнению автора, увеличению адаптивных способностей способствуют конкурентные преимущества компании, к источникам которых он относит ее финансовую устойчивость, сбытовую сеть, маркетинговую стратегию, SWOT-анализ. Под целью адаптации В.Н. Гончаров понимает сохранение жизнеспособности и эффективности функционирования предприятия, что, по нашему мнению, следует дополнить достижением конкурентных преимуществ.

Схожей точки зрения придерживается Ю.В. Гусев, который в своей работе определяет адаптацию как ключевую предпосылку обеспечения конкурентоспособности предприятия и достижения его долгосрочного успеха [13]. При этом важнейшее значение для успешного приспособления компании к изменяющимся условиям внешней среды, по мнению автора, имеет грамотное стратегического управление.

Автор Ву Тхиеу Занг в своих работах рассматривает адаптацию компании к изменяющимся условиям внешней среды с точки зрения организации и планирования системы информационного обеспечения данного процесса [40]. Однако при исследовании сущности адаптации предприятия экономист делает акцент только на трех ее направлениях: изменение конъюнктуры рынка, технические и организационные новшества, а также социально-политические условия. По нашему мнению, данная концепция обладает недостаточно комплексным и системным подходом к изучению адаптации предприятия и его структурных подразделений.

Одним из последних исследований, посвященных изучению вопроса экономической адаптации, является работа В.В. Шевченко. Он определяет данное понятие как «результат деятельности объекта, который характеризуется достижением поставленных перед этим объектом целей и задач и приводит к улучшению его состояния» [57]. В качестве ключевых принципов экономической адаптации автор выделяет:

– необходимость оценки конкретного объекта в двойственной системе координат (с точки зрения динамики показателей данного объекта в прошлом и с точки зрения сравнения данного объекта с его аналогами);

– необходимость использования при оценке не только показателей конкретного объекта, но и характеристик, дающих представление о состоянии всей группы этих объектов (то есть необходимо учитывать влияние внешней среды);

– возможность перехода от одного объекта к другому, их объединения и дробления в рамках исследования адаптации в общественных и экономических системах.

Обобщив теоретические подходы к определению адаптации, можно отметить, что большинство исследователей определяют ее как «приспособление» и отмечают ее важность как процесса, позволяющего предприятиям находить верные решения и выживать в рамках конкурентной борьбы. При этом ряд определений не учитывает многоцелевой характер адаптации и специфику ее механизма, условность и подвижность границ предприятия, наличие конкурентной среды, влияние адаптации на организационную структуру компании.

Ввиду того, что бизнес-модели коммерческих банков существенно отличаются от классических предприятий и имеют свои особенности, на наш взгляд, сущность адаптации банковских бизнес-моделей нуждается в уточнении. В частности, предлагается определить ее виды, формы, функциональные сферы, механизм и методы на основе проведенного анализа публикации отечественных и зарубежных ученых в предметной области адаптации и с учетом опыта адаптации коммерческих банков к изменяющимся внешним условиям.

Под видом адаптации банковских бизнес-моделей будем понимать характеристику совокупности адаптационных мероприятий, которые можно разделить на проактивные, реактивные и пассивные.

Проактивная адаптация заключается в превентивной перестройке деятельности коммерческих банков и их функциональных подразделений, которая осуществляется на основе прогнозных изменений внешней среды и интуитивных представлений топ-менеджмента о перспективах развития бизнес-модели банка. Данный тип адаптации подразумевает принятие опережающих мер и реализуется в рамках стратегического управления коммерческим банком, что позволяет существенно снизить влияние негативных последствий кризисных явлений на банк.

В рамках реактивной адаптации банковских бизнес-моделей по мере поступления информации об изменении условий внешней среды осуществляются преобразования бизнес-модели или отдельных ее элементов, которые позитивно влияют на все ее составляющие и, в то же время, требуют определенных финансовых издержек. При реактивной адаптации трансформация бизнес-моделей протекает на тактическом горизонте планирования и осуществляется медленнее, чем при проактивной, что, в свою очередь, снижает уровень сопротивления воздействию макросреды.

Пассивная адаптация представляет собой эволюционный процесс приспособления, при котором все изменения в бизнес-модели протекают медленно, что существенно снижает уровень сопротивления воздействию внешних условий. При пассивной адаптации банк не применяет мер по превентивному изменению бизнес-модели, а предпринимает действия, направленные на восстановление своей финансовой устойчивости, лишь после изменения условий макроэкономической среды.

Независимо от вида адаптации в коммерческом банке должна существовать или создаваться в случае возникновения необходимости подсистема, которая обеспечивала бы организацию и реализацию адаптационных мер. В качестве такой подсистемы выступает механизм адаптации, представляющий собой совокупность взаимосвязанных инструментов, способствующих оперативной перестройке всех или части элементов банковской бизнес-модели с целью поддержания ее финансовой

устойчивости при возникающих или потенциальных изменениях макроэкономической среды. При этом механизм адаптации банковской бизнес-модели должен отличаться соответствием системе менеджмента банка, экономичностью и обеспечением моделируемости процессов адаптации в целях прогнозирования их результатов.

В рамках реализации механизма адаптации бизнес-модели необходима кадровая, материальная, финансовая, нормативно-правовая, информационная и другая требуемая поддержка адаптивного процесса. В связи с этим, для функционирования механизма адаптации бизнес-модели коммерческого банка необходимо создание специализированного подразделения либо распределения соответствующих полномочий между действующими подразделениями банка в соответствии с принципами управляемости, гибкости, непрерывности деятельности, комплексности, сбалансированности, динамичности. В свою очередь, адекватная реализация механизма адаптации позволяет спланировать и спрогнозировать результаты внедрения адаптационных мер, организовать и скоординировать адаптационные процессы, осуществить контроль и анализ результатов адаптации, а также стимулировать (морально и материально) участников процесса адаптации в случае эффективной реализации адаптационных мер.

Форма адаптации банковских бизнес-моделей представляет собой способ организации адаптационного процесса и характеризует, какие элементы бизнес-модели вовлекаются в создание состояния адаптации. Так, форма адаптации может быть комплексной, когда абсолютно все составляющие бизнес-модели коммерческого банка (бизнес-деятельность, менеджмент, обеспечение бизнеса, результаты) задействованы в процессе приспособления к изменениям внешней среды, или локальной, когда степень охвата адаптационных процессов ограничивается отдельными составляющими бизнес-модели.

Методы адаптации бизнес-модели представляют собой комплекс мероприятий, позволяющих банку приспособиться к изменяющимся условиям

макросреды. Несмотря на многообразие методов осуществления адаптации банковских бизнес-моделей автором определены основные из них и сгруппированы с учетом выделенных видов адаптации. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Методы адаптации бизнес-моделей коммерческого банка

Виды адаптации банковских бизнес-моделей	Методы адаптации банковских бизнес-моделей
1	2
Проактивная адаптация	1) превентивное формирование специализированного подразделения, обеспечивающего организацию и реализацию процесса адаптации;
	2) разработка системы индикаторов факторов риска применительно к конкретному банку и регулярный анализ подверженности банковской бизнес-модели факторам внешней среды;
	3) использование систем прогнозирования изменений во внешней среде, позволяющих провести превентивные мероприятия;
	4) превентивная разработка антикризисной стратегии, направленной на минимизацию негативного влияния факторов внешней среды на бизнес-модель банка.
Реактивная адаптация	1) оперативное создание подразделения (в случае изменения условий внешней среды), позволяющего проанализировать сложившуюся ситуацию и принять решения по внесению изменений в бизнес-модель банка;
	2) ситуационный анализ факторов внешней среды, предполагающий проведение мониторинга для фиксации всех негативных и позитивных тенденций, свидетельствующих о выходе из кризиса или о его обострении с целью принятия адекватных ситуационных решений и пересмотра стратегии в случае необходимости;
	3) экстренная разработка концепции адаптации банковской бизнес-модели к новым условиям макросреды и ее немедленная реализация.

Источник: составлено автором.

Под функциональной сферой адаптации следует понимать основные блоки бизнес-модели коммерческого банка, деятельность которых при управлении адаптацией перестраивается для достижения синергетического

эффекта. Так, исходя из структуры бизнес-модели коммерческого банка, определенной автором, можно выделить:

- адаптацию системы обеспечения банковского бизнеса, которая предполагает приспособление акционерного капитала, персонала, информационного и материально-технического обеспечения к воздействию изменяющихся факторов внешней среды;

- управленческую адаптацию, при которой анализируется организационная структура управления банком, а затем приводится в соответствие установленным стратегическим целям и задачам;

- адаптацию бизнес-деятельности банка, которая агрегирует такие разновидности адаптации как клиентская, продуктовая, маркетинговая и географическая; заключается в приспособлении текущих продуктов и каналов их доставки и территориальной структуры банка к неопределенности внешней среды, а также в предложении новых услуг, которые открывают перед клиентами возможность удовлетворения своих потребностей;

- результативную адаптацию, которая основывается на установлении соответствия финансового результата, структуры доходов и расходов банка, дивидендной политики целям и задачам адаптации бизнес-модели банка [47].

Таким образом, согласно выявленным признакам адаптации бизнес-моделей коммерческих банков, предлагается дать следующее определение данному понятию, которое будет в полной мере соответствовать сути обозначенного выше процесса в современных условиях функционирования коммерческих банков. Так, адаптация банковских бизнес-моделей представляет собой способность коммерческих банков приспособливать свои бизнес-процессы к изменяющимся условиям внешней среды в целях поддержания жизнеспособности и эффективности своей деятельности на фоне достижения конкурентных преимуществ. При этом под внешней средой следует понимать изменения в регулировании деятельности банков, тренд на диджитализацию банковского сектора, ужесточение конкуренции, изменение

поведения клиентов, а также динамичность и непредсказуемость экономики в целом.

2.2 Подходы к оценке бизнес-моделей коммерческих банков

Устойчивость банковской системы непосредственно зависит от эффективности и жизнеспособности бизнес-моделей коммерческих банков. В связи с этим особенно важно идентифицировать основные критерии оценки бизнес-моделей кредитных организаций, способствующие выявлению и устранению недостатков их деятельности, а также обеспечению стабильного развития как отдельных банков, так и банковского сектора в целом. На наш взгляд, ключевыми критериями оценки бизнес-моделей кредитных организаций должны выступать:

- эффективность, определяемая рентабельностью проводимых банком операций и способностью максимизировать прибыль при соблюдении приемлемого уровня риска;

- уровень рискованности, выражающийся в соотношении величины собственных средств банка и размером активов с учетом степени риска;

- адаптивность, представляющая собой способность коммерческих банков приспособливать свои бизнес-процессы к изменяющимся условиям внешней среды в целях поддержания жизнеспособности и эффективности своей деятельности на фоне достижения конкурентных преимуществ.

При этом совокупность указанных критериев определяет жизнеспособность бизнес-моделей коммерческих банков, то есть такое сочетание эффективности, рискованности и адаптивности, которое характеризует способность кредитных организаций осуществлять бесперебойный процесс своего функционирования. Однако жизнеспособность является статической характеристикой бизнес-моделей и описывает значения основных показателей банковской деятельности в моменте. В свою очередь, динамической характеристикой жизнеспособности бизнес-моделей

кредитных организаций является финансовая устойчивость, представляющая собой способность банка противодействовать негативному влиянию внешних и внутренних факторов в динамике [45]. Финансовая устойчивость является важнейшей характеристикой деятельности кредитных организаций и выступает индикатором доверия общества к банкам и банковской системе в целом.

Как следует из вышесказанного, оценку бизнес-моделей кредитных организаций следует проводить, прежде всего, с точки зрения их финансовой устойчивости как ключевой характеристики такого состояния финансовых ресурсов, при котором банк путем эффективного использования свободных денежных средств может обеспечить бесперебойный процесс своего функционирования, улучшив качественные и количественные показатели своей деятельности [29]. При этом финансовая устойчивость банковских бизнес-моделей отличается от финансовой устойчивости банков тем, что первая представляет собой интегральную оценку групп банков, относящихся к определенному типу бизнес-модели, а вторая – оценивает состояние отдельной кредитной организации.

В целях оценки устойчивости бизнес-моделей кредитных организаций Базельский Комитет по Банковскому Надзору в июле 2015 года внес ряд обновлений в документ от 2002 года под названием «Руководящие принципы для выявления слабых банков и работы с ними». Основные новации были связаны с вопросами повышения качества банковского регулирования и надзора в части определения устойчивости бизнес-моделей кредитных организаций. При этом в данном документе отмечается, что потеря финансовой устойчивости и, как следствие, отзывы лицензий коммерческих банков зачастую обусловлены высокорисковыми и неэффективными бизнес-моделями. В свою очередь, в целях выявления нежизнеспособности банковских бизнес-моделей Базельский Комитет по Банковскому Надзору предлагает использовать следующие критерии:

- повышенная зависимость от структуры финансирования, которая не соответствует стратегическим целям и задачам;
- низкая диверсификация бизнеса по источникам фондирования, риска и/или дохода;
- асимметрия и волатильность доходов ввиду существенных изменений их структуры в течение короткого временного горизонта;
- нереалистичные ориентиры стратегии (например, излишний оптимизм относительно источников роста, изменений макроэкономических показателей и рыночных трендов), приводящие к ошибкам в ключевых решениях;
- масштабные инвестиции в развитие технологий без соответствующих контрольных и надзорных мер или понимания природы данного риска [106].

Согласно «Руководящим принципам для выявления слабых банков и работы с ними», регуляторам рекомендуется создать собственные системы оценки жизнеспособности бизнес-моделей банков, используя которые в ходе проверок, надзорные органы смогут формировать профессиональные суждения об устойчивости и эффективности деятельности кредитных организаций. В свою очередь, результаты полученных оценок будут способствовать превентивному выявлению недостатков бизнес-моделей банков и выработке рекомендаций по принятию своевременных мер, направленных на корректировку бизнес-процессов коммерческих банков в целях стабильной генерации денежного потока и повышению их устойчивости к влиянию факторов внешней среды.

Базельский комитет рекомендует анализировать бизнес-модели банков на основе комплексной оценки их финансовой отчетности, долгосрочной стратегии, а также средне- и краткосрочных бизнес-планов. При наличии признаков нежизнеспособности банковской бизнес-модели, невзирая на соблюдение банком всех пруденциальных нормативов, надзорному органу следует проконтролировать реализацию банком комплекса мер по поддержанию своей финансовой устойчивости.

По мнению Европейской банковской организации (European Banking Authority), изложенному в документе «Руководящие принципы общих процедур и методологии процессов надзора и оценки коммерческих банков» (2014), ключевыми критериями оценки банковских бизнес-моделей являются их жизнеспособность и устойчивость. При этом регуляторам не рекомендуется отдавать предпочтение каким-либо определенным бизнес-моделям (например, универсальному банку перед инвестиционным), а стоит руководствоваться конструктивными подходами, учитывающими результаты анализа сегментов рынка, на которых специализируются банки. Согласно данному документу, алгоритм оценки бизнес-модели коммерческого банка должен состоять из:

- предварительной оценки банка;
- идентификации областей, которые требуют повышенного внимания регулятора;
- оценки внешней среды деятельности банка;
- количественного анализа основных показателей, характеризующих банковскую бизнес-модель;
- качественного анализа факторов, определяющих бизнес-модель банка;
- анализа долгосрочных стратегических планов и краткосрочных финансовых планов;
- оценки жизнеспособности бизнес-модели и оценки устойчивости стратегии;
- идентификации ключевых уязвимостей, которым подвержена или могут быть подвержена банковская бизнес-модель;
- подведения итогов и подсчета результатов оценки бизнес-модели банка [107].

На основе полученных результатов бизнес-модель оценивается по четырехуровневой шкале, определяющей степень риска для жизнедеятельности банка. Европейская банковская организация рекомендует

проводить оценку устойчивости банковских бизнес-моделей на двух временных горизонтах: 12 месяцев и 3 года.

Советом по Финансовой Стабильности (Financial Stability Board) в документе «Восстановление финансовой устойчивости системно-значимых финансовых институтов: руководство по триггерам восстановления и сценариям стресса» (2013) для оценки коммерческих банков предлагается использование обратного стресс-тестирования. Ключевая отличительная особенность данного метода заключается в том, что он позволяет определить набор обстоятельств и рисков, при реализации которых вероятно потеря жизнеспособности и устойчивости бизнес-модели банка, в то время как традиционное стресс-тестирование определяет возможные исходы с различными вероятностями при возникновении тех или иных событий [114].

В основе многих современных методик оценки финансовой устойчивости коммерческих банков, включая европейские и российские системы надзорных органов, лежит американская рейтинговая система CAMELS, разработанная в 1978 году Федеральной резервной системой США. Ключевые принципы построения данной методики представляют собой сочетание начальных букв анализируемых компонентов [89]:

1) С – capital adequacy (достаточность капитала). Процесс оценки достаточности капитала в системе CAMELS состоит из расчета и оценки количественных и качественных параметров капитала: коэффициент достаточности основного капитала, коэффициент достаточности совокупного капитала, коэффициент леввериджа и коэффициент рискованных активов. Вывод о достаточности капитала делается на основе сравнения фактических уровней коэффициентов основных показателей с принятыми в стране критериальными значениями, а также на основе оценки динамики фактических уровней дополнительных показателей и оценки качества активов банка.

2) А – asset quality (качество активов). При анализе качества активов банка и сделок, которые отражены на забалансовых счетах, используются показатели абсолютной величины совокупного риска; динамика

высокорисковых активов; доля удельного веса крупных кредитов и сделок с инсайдерами; доля активов, не приносящих доход; динамика недееспособных активов; отношение резервов на покрытие убытков по активам к активам, не приносящим доход; отношение списания за счет резервов к активам, приносящим доход; динамика совокупного риска.

3) М – management (качество управления). Менеджмент банка оценивается после других составляющих устойчивости бизнес-модели, поскольку качество управления банком зависит от уровня показателей его ликвидности и рентабельности, качества активов, достаточности собственных средств. Так, для расчета предварительной рейтинговой оценки менеджмента определяют средневзвешенную рейтинговую оценку всех вышеперечисленных компонентов. Окончательный вывод о качестве управления формируется с учетом следующих неформализованных факторов:

- насколько компетентным, способным к лидерству и административной работе является руководство банка;
- соблюдаются ли правила ведения банковской деятельности;
- соответствует ли внутренняя политика банка уровню контроля по операциям и рискам;
- как банк реагирует на рекомендации надзорных органов и аудиторов;
- готов ли банк выполнить цели банковского сообщества;
- насколько соответствует система внутреннего и внешнего аудита полноте и достоверности отчетов.

С учетом ответов на вышеперечисленные дополнительные вопросы по оценке менеджмента банка специалисты присваивают итоговое рейтинговое число по данному компоненту, характеризующее способности руководства исполнять свои обязанности в любой ситуации и его компетентность.

4) Е – earnings (прибыльность). Для того, чтобы оценить уровень прибыльности банка, используют ряд показателей, а также анализируется структура доходов и расходов банка в динамике: рентабельность активов, соотношение основных доходов и расходов банка, соотношение доходов и

непроцентных расходов; анализ уровня и тренда убытков по ссудам, адекватности созданных резервов по отношению к объему ссуд в однородной группе банков; структура доходов и доля дивидендов в сумме дохода в сравнении с адекватностью банковского капитала. В итоге рейтинг прибыльности банка отражает в совокупности уровень рентабельности, качество источников получения прибыли, эффективность использования активов и адекватность сформированных резервов.

5) L – liquidity (ликвидность). Другим неизменным условием устойчивости банковской бизнес-модели является ликвидность, которая выражается в способности банка к своевременному и полному погашению своих обязательств перед кредиторами и зависит от множества факторов. Согласно системе CAMELS, для банков в США не устанавливается стандартная система показателей ликвидности, при этом оценке подвергается:

- адекватность источников поддержания ликвидности в соответствии с текущими и перспективными потребностями банка;
- возможность осуществить быструю реализацию активов с минимальными потерями;
- структура и динамика депозитов;
- способность менеджеров осуществлять контроль над ликвидной позицией.

Итоговая оценка показателей ликвидности осуществляется по пятибалльной шкале и зависит от выводов экспертов (а не критериальных значений показателей), вытекающих из анализа качества управления ею.

6) S – sensitivity to risk (чувствительность к риску). Наконец, последний элемент системы CAMELS, подлежащий оценке – чувствительность к рискам – позволяет проанализировать, как влияют рыночные риски на прибыльность и капитал банка. При этом оценивается не только уровень рыночных рисков (процентных, валютных, ценовых и других), но и система управления ими. Рейтинг данного показателя выводится аналогично с другими элементами по пятибалльной шкале.

Завершающим этапом является определение сводной оценки банка с учетом отдельных оценок всех формализованных составляющих, а также иной информации. При этом сводная оценка банка – это не простое среднее арифметическое значение частных баллов, поскольку некоторые компоненты могут обладать большим весом по сравнению с другими. Затем на основе полученных данных по сводному рейтингу банк классифицируют в одну из пяти групп финансовой устойчивости (от 1 – банк полностью здоров, до 5 – банк имеет критическую вероятность банкротства в ближайшей перспективе).

Еще одним способом оценки финансовой устойчивости банков выступает английская система RATE, которая ориентирована на анализ рисков банковской деятельности и эффективности надзорных действий. Данная модель позволяет оценить устойчивость банка посредством выявления подверженности его рискам, а также способности противостоять им. Структурно данная модель состоит из трех взаимосвязанных блоков.

В рамках первого блока осуществляется оценка риска по 9 ключевым направлениям:

- 1) капитал (оценка достаточности собственных средств для текущей и будущей деятельности и уровня рисков, связанных с ней);
- 2) качество активов (качество активов и внебалансовых обязательств: их состав, концентрация и адекватность создания резервов);
- 3) рыночный риск (риск изменения стоимости финансовых инструментов или валют, риск изменения процентной ставки, валютный риск),
- 4) доходность (рентабельность, структура доходов банка, оценка качества источников прибыли);
- 5) ликвидность (структуру и характер обязательств, объем ликвидности банка);
- 6) бизнес (внешняя обстановка, стратегия, клиентская база и конкурентная среда, персонал банка, информационные системы и другие риски);

7) внутренний контроль (система принятия решения, система управления рисками, лимиты и стандарты, финансовая отчетность, кадровая политика, разграничение полномочий, аудит, контроль за ПОД/ФТ);

8) организационная структура (оценка адекватности организационной структуры и ее эффективности);

9) управление (оценка образования, навыков, опыта и личных качеств совета директоров и исполнительного руководства банка, проверка их на соответствие для управления бизнесом) [19].

Применительно к каждому из указанных направлений оценки рисков сформулированы критерии и показатели, описанные выше. Сам же процесс оценки рисков состоит из следующих этапов, согласно которым необходимо:

– определить ключевые подразделения, связанные с возникновением и управлением соответствующими рисками;

– получить предварительную информацию о рисках, которым подвержен банк;

– провести предварительный анализ профиля рисков;

– провести инспекцию на месте;

– провести окончательный анализ профиля рисков.

На последнем этапе по каждому фактору присваивается числовой рейтинг и выводится сводное рейтинговое число, рассчитанное как среднее арифметическое с учетом профессионального суждения регулятора в лице Банка Англии.

Второй блок представляет собой инструменты надзора, программы и подходы, которые разрабатываются для каждой кредитной организации в целях наиболее эффективной реализации надзорных функций, а также контроля за их осуществлением в течение надзорного периода.

Третий блок заключается в оценке эффективности применения инструментов надзора и состоит из подготовки заключения о работе банка за весь надзорный период, о сдвигах, которые произошли за это время в деятельности кредитного учреждения.

Таким образом, риск-ориентированная модель RATE позволяет провести всесторонний анализ качественных и количественных факторов риска в рамках оценки коммерческих банков. С помощью предполагаемого данной моделью взаимодействия с надзорными органами, которые могут контролировать банковское учреждение, эксперты имеют возможность получить более точную оценку устойчивости коммерческих банков.

Российский регулятор в лице Центрального Банка в последнее время стал уделять особо пристальное внимание устойчивости бизнес-моделей при оценке деятельности коммерческих банков в рамках реализации превентивного надзора. В частности, основным документом, которым руководствуется Центральный Банк, является Указание Банка России от 3 апреля 2017 г. N 4336-У «Об оценке экономического положения банков», частично базирующееся на системе CAMELS. Данная модель включает в себя анализ и оценку на ежеквартальной основе:

- капитала (достаточность собственных средств и качество капитала, которое определяется как процентное отношение собственных средств к активам банка за вычетом безрисковых активов);

- активов (качество ссуд, риск потерь, доля просроченных ссуд, размер резервов на потери по ссудам и иным активам, концентрация кредитных рисков на одного заемщика или группу связанных заемщиков, концентрации кредитных рисков на связанное с банком лицо (группу связанных с банком лиц));

- доходности (прибыльность активов, прибыльность капитала, структура расходов, чистая процентная маржа, чистый спред от кредитных операций);

- ликвидности (общая краткосрочная, мгновенная и текущая ликвидность, структура привлеченных средств, зависимость от межбанковского рынка, риск собственных вексельных обязательств, небанковские ссуды, усреднение обязательных резервов, обязательные резервы, риск на крупных кредиторов и вкладчиков);

- процентного риска (процентное отношение разницы между суммой взвешенных открытых длинных позиций и суммой взвешенных открытых коротких позиций (без учета знака позиций) к величине капитала банка);
- риска концентрации (расчет производится по мере поступления новой информации, например, по результатам проведенных проверок);
- качества управления (по результатам оценок показателей системы управления рисками, состояния внутреннего контроля, управления стратегическим риском и управления риском материальной мотивации персонала);
- прозрачности структуры собственности банка (по результатам оценок показателей достаточности объема раскрываемой информации о структуре собственности банка; доступности информации о лицах, под контролем либо значительным влиянием которых находится банк; значительности влияния на управление банком резидентов офшорных зон) [4].

После анализа совокупности описанных параметров проводится оценка сводного показателя, учитывающего балльную и весовую оценку каждого параметра, включенного в расчет. Завершающим блоком оценки коммерческих банков является классификация банков по степени их проблемности, которая обуславливается формализованной сводной оценкой по каждой составляющей финансовой устойчивости. Классификационные группы банков в модели Банка России различаются в зависимости от их способности обеспечения законных интересов кредиторов и вкладчиков по сохранению и своевременному возврату предоставленных ими средств. В соответствии с этим выделяют пять классификационных групп: от 1 (наиболее устойчивые) до 5 (неустойчивые).

По нашему мнению, подход Банка России к оценке финансовой устойчивости банков имеет ряд достоинств, к которым можно отнести использование широкого и единого набора экономических нормативов на основе системы CAMELS (используемых в том числе и за рубежом), а также тот факт, что данный метод позволяет не только констатировать

соблюдение/несоблюдение отдельных показателей, но и определить обобщающий результат, характеризующий степень устойчивости банка в целом.

Кроме Центрального Банка РФ, оценкой финансовой устойчивости банков в России занимаются также независимые рейтинговые агентства. При этом спецификой применяемых ими систем оценок является то, что они располагают ограниченным объемом информации о банковской деятельности, и потому такие методики относятся к дистанционным. Также они не могут воспользоваться отчетностью банков в полной мере, и для них недоступны материалы аудиторских и инспекторских проверок.

Так, например, свою собственную методику оценки финансовой устойчивости предложило еще в 2007 году рейтинговое агентство «Эксперт РА». При этом под финансовой устойчивостью банка Агентство понимает его возможность поддерживать приемлемый уровень кредитоспособности (то есть способности банка своевременно и в полном объеме выполнять свои финансовые обязательства) на долгосрочном временном горизонте [92]. Данный метод основан на использовании публично доступных данных банковской отчетности с целью выделения кластеров по выбранным признакам на множестве исследуемых банков. В основе разделения банков на группы финансовой устойчивости лежит классическая методология CAMEL. При анализе учитывалось влияние пяти показателей, оказывающих наибольшее влияние на финансовую устойчивость банковских бизнес-моделей: достаточность капитала (Н1.0), доля просроченной задолженности в общем объеме ссуд, коэффициент соотношения расходов и доходов банка, рентабельность активов и коэффициент текущей ликвидности (норматив Н3). Кроме того, распределение банков по группам финансовой устойчивости проводилось с учетом величины активов, поскольку Агентство исходило из предположения о том, что чем крупнее банк, тем больше у него возможностей для своевременного и полного выполнения обязательств.

В результате проведенной оценки «Эксперт РА» объединяет анализируемые банки в один из шести кластеров в том случае, если соответствующие показатели имеют сходство (или временные ряды имеют сходную динамику). В целом данная методика является нестандартным направлением в оценке финансовой устойчивости коммерческих банков в России, так как в ней предложена оценка банка одновременно по двум направлениям (анализ банков в координатах «прибыльность-надежность» и анализ динамических изменений показателей), а не построение единой оценочной системы. Однако проблема достоверности оценки по данной методике заключается в отсутствии учета некоторых других качественных показателей, которые также желательно принимать во внимание при анализе.

Таким образом, сравнительный анализ описанных выше методик оценки финансовой устойчивости коммерческих банков, представленный в приложении А, позволяет определить, что все рассмотренные модели нацелены на выявление проблем у банков, однако они различаются в зависимости от широты спектра используемой для анализа информации, круга оцениваемых показателей в рамках изучения примерно одних и тех же компонентов (капитал, активы, ликвидность, рентабельность), расстановкой приоритетов при анализе (финансовое состояние или чувствительность к рискам) [45].

Однако, на наш взгляд, подходы к оценке банков, используемые в российской практике, не в достаточной мере учитывают качественные показатели, которые предлагается дополнить. Прежде всего, по нашему мнению, отдельной оценки заслуживает деловая репутация как самого банка, так и его акционеров, менеджмента. Здесь стоит учитывать наличие публичной кредитной истории и рейтингов банка, которые свидетельствуют о его информационной прозрачности и доверия со стороны инвесторов, образование и опыт работы менеджмента банка в прошлом (в том числе работали ли они на руководящих постах в банках с отозванными лицензиями незадолго до этого события), репутацию собственников в части

уголовных/административных дел, взаимодействие банка с аудитором (положительные или отрицательные аудиторские заключения, длительность сотрудничества с одним аудитором, репутация и квалификация самого аудитора), а также информационный фон вокруг банка в целом (по данным различных СМИ и информационных каналов). Значимость оценки репутационной составляющей для бизнес-модели состоит в том, что от нее зависит динамика, качество и лояльность клиентской базы банка в сочетании с возможностями по привлечению стабильного рыночного фондирования по адекватной стоимости.

Кроме того, особое внимание следует уделить оценке ИТ-обеспечения банка, которое связано с устойчивостью бизнес-моделей, в том числе за счет следующих факторов:

– развитое ИТ-обеспечение предоставляет качественное клиентское обслуживание, обеспечивает стабильность функционирования кредитной организации, в т. ч. предотвращая риски внешнего воздействия, а также формирует гудвилл банка, который определяет его конкурентоспособность и возможность генерировать прибыль;

– качественное ИТ-обеспечение может позитивно влиять на инвестиционную привлекательность банка: при возникновении риска дефолта привлечение нового инвестора наиболее вероятно в капитал банка со значительными нематериальными активами, чем без таковых.

Оценка ИТ-обеспечения, по нашему мнению, должна базироваться на анализе степени диджитализации банковских услуг, адекватности используемой автоматизированной банковской системы (АБС), рисков зависимости банка в сфере ИТ от внешних специалистов или от внутренних сотрудников, наличии собственного процессинга и системы электронного документооборота, качества информационной безопасности и пр.

Также при оценке финансовой устойчивости банков следует углубить оценку управления рисками, которая позволяет определить, насколько текущая инфраструктура риск-менеджмента соответствует профилю рисков,

принимаемых банком. В частности, следует проводить оценку в разрезе отдельных видов риска: кредитного, рыночного (валютного, фондового, процентного), операционного и риска ликвидности.

В рамках оценки кредитного риска следует учитывать текущее качество кредитного портфеля, которое свидетельствует о результативности работы риск-менеджмента и степени жесткости политики управления рисками. Также стоит обращать внимание на уровень регламентации риск-менеджмента, сотрудничество с бюро кредитных историй при принятии решения о выдаче кредитов, состав кредитных комитетов, залоговую политику (в том числе в части их страхования).

Для оценки управления рыночными рисками и риском ликвидности рекомендуется оценивать широту используемого инструментария по управлению тем или иным видом риска (gap-анализ, VaR (Value At Risk), дюрация, стресс-тестирование и т.д.), а также соответствие риск-менеджмента наилучшим международным практикам.

В части оценки операционных рисков следует обращать внимание на ведение базы данных по операционным рискам (регламентация, срок ее ведения, распределение ответственности), уровень текучести кадров (на уровне топ-менеджмента может свидетельствовать о конфликтах внутри команды), используемые методы противодействия легализации (отключение интернет-банка, использование заградительных тарифов, проверка фактического местонахождения обслуживаемых компаний), риски утраты основных средств и других материальных активов (страхование оборудования, кассы и пр.), риски выхода из строя оборудования и систем (наличие ежедневного резервного копирования информации, резервных серверов, бесперебойных источников питания).

Обобщив рассмотренные выше подходы к оценке финансовой устойчивости коммерческих банков, можно сделать вывод о необходимости применения как количественных индикаторов (данные финансовой отчетности и ключевых показателей активов, капитала, рентабельности и

ликвидности), так и качественных параметров (анализ стратегических планов и конкурентной среды, качества управления и риск-менеджмента, подверженности регулятивным рискам и т.д.). По нашему мнению, проведение комплексного анализа бизнес-модели коммерческого банка предоставляет возможность своевременно определить недостатки стратегического целеполагания кредитной организации. Прежде всего, это касается чрезмерно завышенных ожиданий относительно финансового результата и динамики масштабирования банковского бизнеса, а также планов по диверсификации активных операций и источников фондирования. Кроме того, всесторонняя оценка бизнес-модели позволяет выявить факторы, оказывающие давление на финансовую устойчивость банка и свидетельствующие о необходимости корректировки текущей бизнес-модели.

2.3 Стресс-тестирование как метод определения способности адаптации бизнес-моделей коммерческих банков к внешним условиям

Уроки мирового финансового кризиса 2008-2009 годов и последующая нестабильность финансовых рынков (2014 год) показали, насколько важной задачей является оценка устойчивости бизнес-моделей коммерческих банков к стрессовым ситуациям. Подобная оценка позволяет определить способность адаптации бизнес-моделей кредитных организаций к изменяющимся условиям макросреды на основе выявления их возможностей оставаться жизнеспособными. Для проведения соответствующей оценки широко используется стресс-тестирование, позволяющее смоделировать шоковые сценарии, в которых могут оказаться кредитные организации при ухудшении макроэкономической конъюнктуры. В целом стресс-тестирование представляет собой средство количественного анализа, используемое как банковским надзором, так и коммерческими банками для оценки устойчивости отдельного банка и/или всей банковской системы в целом по отношению к исключительным, но возможным событиям. При этом

отличительной чертой стресс-тестирования является получение не статической оценки на дату, а динамической и прогнозной характеристики.

Существующее множество видов стресс-тестов можно классифицировать и систематизировать по различным признакам. Результаты представлены на рисунке 10.

По виду риска

- стресс-тестирование рыночного риска (в т.ч. процентного, валютного, фондового, товарного), кредитного, операционного, риска ликвидности

По степени агрегации различных видов риска

- индивидуальные
- комплексные
- интегральные

По количеству и способу учета риск-факторов

- однофакторные (анализ чувствительности)
- многофакторные (сценарный анализ)

В зависимости от объекта оценки и исходя из целей проведения

- макроэкономические
- макропруденциальное стресс-тестирование
- стресс-тестирование в целях антикризисного управления
- стресс-тестирование в качестве внутреннего инструмента управления рисками
- микропруденциальное/надзорное стресс-тестирование

В зависимости от субъекта оценки

- сверху-вниз (top down approach)
- снизу-вверх (bottom up approach)

По направлению

- прямые
- обратные

По степени жесткости сценариев

- пессимистические
- критические
- катастрофические

Источник: составлено автором по данным [24].

Рисунок 10 – Классификация видов стресс-тестирования

Любой стресс-тест состоит из четырех основных элементов: выборка тестируемых рисков, стресс-сценарии, модель и результирующий показатель. Далее рассмотрим характеристику каждого из них более подробно.

Прежде всего, необходимо определить риск-факторы, подлежащие тестированию, а также оценку позиции под риском, которая определяется с учетом специфики каждого риск-фактора. При этом в зависимости от

используемой модели риск может оцениваться как применительно к конкретному финансовому инструменту, так и агрегированному портфелю. Важным условием является то, что позиция под риском должна включать как балансовые, так и внебалансовые финансовые показатели.

Далее формируются типы стрессовых потрясений и определяются способы оценки значений риск-факторов под стрессом. Типы «шоков» могут различаться в зависимости от способа оценки стрессовой ситуации: на основе индивидуальных рыночных параметров финансовых показателей, на основе их волатильности, а также с учетом или без учета корреляций между отдельными показателями. Для того, чтобы оценить стрессовое значение параметров (риск-факторов) модели стресс-тестирования можно использовать один из следующих способов: исторический (предполагает оценку риск-факторов на уровне, который уже наблюдался ранее в прошлом), гипотетический (применяются для определения возможных событий, по отношению к которым рассматриваемый портфель наиболее уязвим) или метод Монте-Карло (метод имитационного моделирования позволяет использовать любые распределения и моделировать довольно сложное поведение рынков).

После определения сценариев необходимо построить модель, которая будет оценивать влияние данных стресс-сценариев на объект оценки, т.е. определять результирующий эффект проводимого стресс-теста. Существует большой перечень моделей стресс-тестирования, которые необходимо рассматривать применительно к отдельным видам рисков. Так, например, для стресс-тестирования кредитного риска используют модели, основанные на детальном анализе балансовых показателей отдельных финансовых институтов (фундаментальный подход), и модели, основанные на измерении дефолта для отдельных портфелей, институтов или целых систем на основе рыночных цен финансовых инструментов (рыночный подход) [110].

Наконец, результирующий эффект стресс-теста определяется на основе набора итоговых индикаторов, которыми могут выступать различные

показатели деятельности коммерческих банков и банковского сектора в целом в зависимости от целей стресс-тестирования. Если целью банка является определение уровня дополнительного риска, который банк может принять на себя, чтобы обеспечить соблюдение нормативных требований по показателю (например, риск на группу связанных заемщиков (норматив Н6), то в качестве итогового индикатора стресс-теста будет принят данный показатель. Если же банком проводится комплексный стресс-тест по оценке его финансовой устойчивости, то в качестве итоговых индикаторов стресс-теста будут приняты финансовый результат банка и/или показатели достаточности капитала.

Важную роль в установлении принципов, продвижении методологии и распространении лучшей практики стресс-тестирования играют международные организации. В частности, Базельский комитет по банковскому надзору в мае 2009 года опубликовал «Принципы надежного стресс-тестирования и надзора», ориентированные на использование стресс-тестирования и его интеграцию в систему управления рисками:

1) Стресс-тестирование – неотъемлемая часть риск-менеджмента и корпоративного управления в банке; оно должно быть результативным и влиять на принятие управленческих решений при вовлечении Совета директоров и топ-менеджмента в программы стресс-тестирования.

2) Программа стресс-тестирования банка должна способствовать идентификации и контролю рисков, обеспечивать дополнительные возможности для других инструментов управления рисками, а также улучшать управление капиталом и ликвидностью.

3) Программы стресс-тестирования должны агрегировать мнения специалистов различных подразделений банка, а также охватывать широкий спектр направлений и методов.

4) Программа стресс-тестирования должна быть регламентирована письменными инструкциями и процедурами, то есть документально оформлена.

5) Инфраструктура банка должна быть достаточно гибкой для того, чтобы подстраиваться под возможные изменения стресс-тестов на разных уровнях детализации.

6) Программа стресс-тестирования должна постоянно обновляться банком, а ее эффективность и надежность должны регулярно и независимо оцениваться.

7) Стресс-тесты должны охватывать широкий спектр рисков и направлений деятельности, в результате чего банк сможет осуществить комплексное интегрирование стресс-тестирования для представления полной картины рисков.

8) В программы стресс-тестирования следует включать ряд сценариев (в том числе прогнозные) и принимать во внимание общесистемные взаимодействия и эффекты обратной связи.

9) Стресс-тесты должны отражать события, генерирующие наибольший ущерб (через размер убытков либо в результате потери репутации), а также выявлять скрытые риски и на их основе определять сценарии, способные привести к дефолту банка.

10) Общая программа стресс-тестирования банка должна учитывать одновременное сжатие фондирования и рынков активов, а также влияние сокращения ликвидности на результирующий показатель [113].

Данные принципы должны соблюдаться в методологии макропруденциального стресс-тестирования, проводимого регуляторами стран для оценки способностей бизнес-моделей коммерческих банков противостоять шокам. При этом стресс-тестирование на макроуровне не является простой суммой индивидуальных результатов стресс-тестов отдельных банков, поскольку надзорный орган дополнительно оценивает:

– реакцию финансовой системы на стрессовые события (например, в случае реализации стрессового сценария закрытия доступа к рыночному фондированию участники рынка предусматривают замещение рыночных источников привлечением депозитов. Однако одновременная реализация

подобной стратегии всеми банками приведет к росту ставок по депозитам и увеличению процентных расходов, а общий прирост вкладов уже не будет достаточным для противостояния стрессовому событию);

– эффект «домино» внутри финансового сектора (в частности, регулятор оценивает взаимосвязи между финансовыми организациями (как банками, так и некредитными институтами – негосударственными пенсионными фондами (НПФ), страховыми компаниями и т.д.), являющиеся каналами передачи и распространения рисков в финансовой системе. Риски отдельного института могут оказать негативное влияние через активные и/или пассивные каналы связи);

– обратную связь между реальным и финансовым сектором (в рамках стресс-теста оценивается не только устойчивость бизнес-моделей, но и способность банков осуществлять свои фундаментальные функции – кредитовать экономику и трансформировать сбережения населения в инвестиции) [42].

Однако анализ практики стресс-тестирования национальных регуляторов и международных организаций показал, что до настоящего времени макропруденциальный стресс-тест с учетом всех описанных выше эффектов еще не реализовывался ни в одной стране. При этом многие регуляторы применяют отдельные элементы, позволяющие учесть взаимосвязи между финансовыми институтами, а также между реальной экономикой и финансовым сектором. Далее рассмотрим особенности проведения стресс-тестирования банковских бизнес-моделей надзорными органами различных стран и ведущими международными организациями.

Европейская модель стресс-тестирования является надзорной и подразумевает самостоятельное проведение расчетов банками на основе единого трехлетнего негативного макро-сценария, разработанного ЕЦБ и Европейским советом по системным рискам (ESRB) по принципу bottom-up [24]. По нашему мнению, данный стресс-тест имеет отдельные

недостатки, препятствующие его использованию в целях оценки адаптивных потребностей банковских бизнес-моделей:

- оценка рисков основана на статистическом балансовом подходе;
- отсутствует функция реакции кредитных организаций на шоки;
- отсутствует оценка взаимодействия между кредитными организациями внутри банковского сектора и между банками и реальным сектором экономики.

Тем не менее, подобный стресс-тест при наличии надежных предпосылок может использоваться для оценки финансовой стабильности в рамках антикризисной политики.

В феврале 2017 года ЕЦБ опубликовал методологию макропруденциального стресс-теста [115], которая используется и при разработке методик надзорного стресс-тестирования европейских банков. При этом на ее основе ЕЦБ предполагает принимать решения по установлению величины контрциклического буфера капитала. Также европейский регулятор планирует дальнейшее улучшение данной методики на основе включения в нее моделирования ликвидности и платежеспособности заемщиков и небанковских организаций.

Международный Валютный Фонд осуществляет макропруденциальное стресс-тестирование в рамках программ оценки финансового сектора (Financial Sector Assessment Program, FSAP) на основе двух или трех негативных сценариев, включающих характерный для конкретной экономики пул рисков. Стресс-тест МВФ основан на методе «сверху-вниз», который дополняется методом «снизу-вверх» [110]. Например, стресс-тестирование в рамках FSAP было проведено в Нидерландах в 2017 году и включало в себя оценку платежеспособности шести банков методом «сверху-вниз» на основе макроэкономических сценариев МВФ, стресс-тест ликвидности (по показателям денежного потока, LCR, NSFR) десяти банков методом «сверху-вниз» и оценку влияния макроэкономических шоков на десять крупнейших национальных банков и страховых организаций [108]. Полученные результаты

сопоставлялись с результатами «снизу-вверх» стресс-теста, проводимого Европейской Банковской Ассоциацией по четырем банкам Нидерландов. В дальнейшем МВФ планирует анализировать взаимосвязи между финансовыми организациями и на их основе оценивать системный риск банковских бизнес-моделей в стресс-тестах FSAP.

Банк Англии начал проводить стресс-тестирование крупных банков с 2014 года, в 2015-2016 годах участниками исследования стали семь кредитных организаций, на которые приходится около 80% активов английской банковской системы [99]. Ключевыми особенностями стресс-теста Банка Англии является применение динамического подхода к балансу банков на пятилетнем горизонте в рамках оценки устойчивости их бизнес-моделей и способности кредитовать экономику на должном уровне. Начиная с 2017 года регулятор Великобритании проводит стресс-тест на основе двух сценариев: циклического (ежегодно) и исследовательского (раз в два года).

Циклическое стресс-тестирование выступает в качестве части системы требований к капиталу и участвует в определении размера контрциклического буфера, а также основывается на анализе трех видов шоков: макроэкономических, рыночных и затрат, связанных с недобросовестным поведением (штрафы). При этом величина шоков меняется ежегодно исходя из фазы экономического цикла: на фазе подъема устанавливаются более сильные шоки, на фазе спада предполагается меньший уровень стресса. То есть, в кризисных условиях дефицит капитала уменьшается, что говорит о контрциклическом подходе к стресс-тестированию, с помощью которого банки могут заранее подстраиваться под параметры предстоящего стресс-теста и с учетом экономической ситуации определять свои планы по формированию собственных средств.

Исследовательский сценарий, в свою очередь, позволяет оценить влияние структурных рисков, не связанных с экономическим циклом (например, затяжная дефляция, низкие процентные ставки на глобальном рынке, структурные изменения в зарубежных регулятивных режимах).

В целом стоит отметить, что используемая английским регулятором модель стресс-тестирования охватывает ограниченное число респондентов (всего семь банков), хотя на них и приходится большая часть банковской системы. Кроме того, стресс-тест не проводится в отношении инвестиционных банков и страховых компаний, на которые приходится существенная доля рынка Великобритании, что может привести к недоучету системных рисков.

Федеральная резервная система США проводит стресс-тесты на консолидированном уровне для крупных банковских холдингов (включая иностранные дочерние организации), активы которых превышают 50 млрд долл. В американской банковской системе регулятор осуществляет два вида стресс-тестирования: самостоятельный расчет надзорного стресс-теста на основе данных отдельных банков, а также стресс-тест в рамках требований закона Додда – Фрэнка (DFAST), основанного на негативном и крайне негативном сценариях. При этом результаты, полученные по крайне негативному сценарию, используются для стресс-теста под названием всеобъемлющий анализ и оценки капитала (Comprehensive Capital Analysis and Review, CCAR) [103]. Отличительной особенностью DFAST является отсутствие учета планов по изменению структуры собственных средств и применения автоматических надзорных действий со стороны ФРС в случае неуспешного прохождения стресс-тестирования. Надзорный стресс-тест в США учитывает некоторые контрциклические элементы в качестве макроэкономического сценария (например, чем ниже уровень безработицы, тем сильнее шок), а сама модель основана на оценке динамики банковского баланса, который меняется в соответствии с планами по изменению величины капитала на тестируемом временном горизонте [24]. Для банков, имеющих крупные торговые портфели, проводятся дополнительные стресс-тесты по оценке торгового риска и риска дефолта контрагентов.

Банк Японии не обладает надзорными полномочиями, поэтому вместо надзорного проводит секторальное стресс-тестирование банковских бизнес-моделей дважды в год с целью выявить системные риски и проинформировать

о них общественность. В стресс-тесте участвуют 115 банков и 256 региональных кредитных кооперативов (в том числе зарубежные активы банков), на которые приходится не менее 80% объема кредитов в стране [103]. Используемая Банком Японии модель FMM (Financial Macroeconometric Model) включает в себя набор индикаторов, отражающих устойчивость банков (например, достаточность капитала, ликвидность, прибыльность), а также позволяет учесть связи финансового и реального секторов. Вместе с тем, данный стресс-тест позволяет оценить эффект обратного воздействия, который заключается в негативном влиянии шоковых значений макропараметров на прибыль и капитал банков, что, в свою очередь, приводит к снижению объемов кредитования и росту ставок по кредитам. Поскольку в периметр стресс-теста Банка Японии не включаются иные организации финансового сектора кроме кредитных и в качестве предпосылки не учитывается возможность повышения процентных ставок, то вероятно применение недостаточно консервативного макроэкономического сценария, которое может привести к недооценке системных рисков.

Банк России с 2003 года проводит ежегодное надзорное стресс-тестирование коммерческих банков на основе сценарного анализа и публикует его результаты в Отчете о развитии банковского сектора и банковского надзора. Макроэкономический сценарий стресс-теста включает в себя ряд экономических факторов, влияющих на банковские бизнес модели, в виде уравнений регрессии, среди которых присутствуют ВВП, курс рубля, инфляция, реальные располагаемые доходы населения, инвестиции в основной капитал, цена на нефть [81]. Стресс-тестирование проводится Банком России на годовом временном горизонте и позволяет рассчитать потери по кредитному и рыночному рискам, а также оценить величину дефицита капитала банков.

В 2017 году Банк России в соответствии с полученными рекомендациями МВФ разработал и опубликовал методику макропруденциального стресс-теста для финансового сектора с

использованием макросценариев. Данная модель дополняет существующий надзорный стресс-тест и предполагает централизованную оценку устойчивости банковских бизнес-моделей по методу «сверху-вниз» на основе имеющейся отчетности финансовых организаций. Основными отличительными особенностями макропруденциального стресс-тестирования от реализованных ранее стресс-тестов Банка России являются:

1) акцент на анализе устойчивости бизнес-моделей крупнейших финансовых групп, составляющих не менее 80% активов банковской системы, что позволяет учесть взаимосвязи внутри групп в качестве возможной поддержки со стороны аффилированных организаций, так и «эффекты заражения»;

2) использование в качестве объектов стресс-теста не только банков, но и некредитных организаций (НПФ, системно значимых страховых компаний), предоставляющих уникальные услуги, в связи с чем их финансовая неустойчивость может ограничить доступ населения к финансовым продуктам и, как следствие, вызвать негативные социальные эффекты;

3) расчеты производятся на пяти временных горизонтах в зависимости от вида анализируемого риска, что позволяет использовать результаты стресс-тестирования для применения возможных антикризисных мер (на горизонте двух дней оценивается рыночный риск в части анализа денежного рынка, рынка внебиржевых деривативов и рынка с централизованным клирингом; на горизонте одного месяца – рыночный риск и риск ликвидности; на горизонте трех месяцев – процентный риск; на горизонте один и два года – помимо перечисленных рисков оценивается кредитный риск, а также страховой риск для страховых компаний);

4) оценка уровня взаимосвязанности между участниками финансового сектора на основе построения матрицы взаимных позиций всех объектов стресс-теста в разрезе ключевых финансовых инструментов (активов и обязательств финансовых компаний) для оценки рисков «заражения»;

5) включение в стресс-тестирование кредитного риска не только коммерческих банков, но и их заемщиков – нефинансовых компаний на основе модели, связывающей макропоказатели с показателями отчетности заемщиков, и модели, связывающей финансовые показатели заемщиков с качеством ссуд, что позволяет учесть индивидуальные особенности кредитного портфеля каждого банка, в том числе его отраслевую специфику;

б) использование детализированной информации по другим видам риска из обязательных форм банковской отчетности и из опросов финансовых организаций (например, для стресс-теста рыночного риска рекомендуется использование информации из формы «Отчет по ценным бумагам» (код ОКУД 0409711), для процентного риска – данные о чувствительности процентных ставок по срокам, полученные из опросов крупнейших коммерческих банков) [81].

Рассмотрев основные характеристики стресс-тестирования и примеры его использования на макроуровне в различных странах, можно сделать вывод о том, что стресс-тестирование позволяет:

– оценить, насколько устойчивыми являются банковские бизнес-модели и насколько безболезненно они могут приспособиться к стрессовым сценариям;

– выявить и ранжировать ключевые риски бизнес-моделей с учетом оценки потерь банков в разрезе направлений бизнеса и видов финансовых рисков;

– усовершенствовать методологии оценки ключевых видов рисков бизнес-моделей и обеспечить надлежащее планирование системы управления рисками (в частности, лимитную политику);

– планировать антикризисные меры, которые могут потребоваться в случае неуспешного прохождения банком стресс-теста (как частные, например, докапитализация или поиск источников дополнительной ликвидности, так и кардинальные, связанные со сменой бизнес-модели).

Таким образом, стресс-тестирование выступает в качестве важного инструмента для определения способности адаптации бизнес-моделей банков к условиям внешней среды, чем и обусловлен его выбор автором для проверки гипотезы диссертационного исследования.

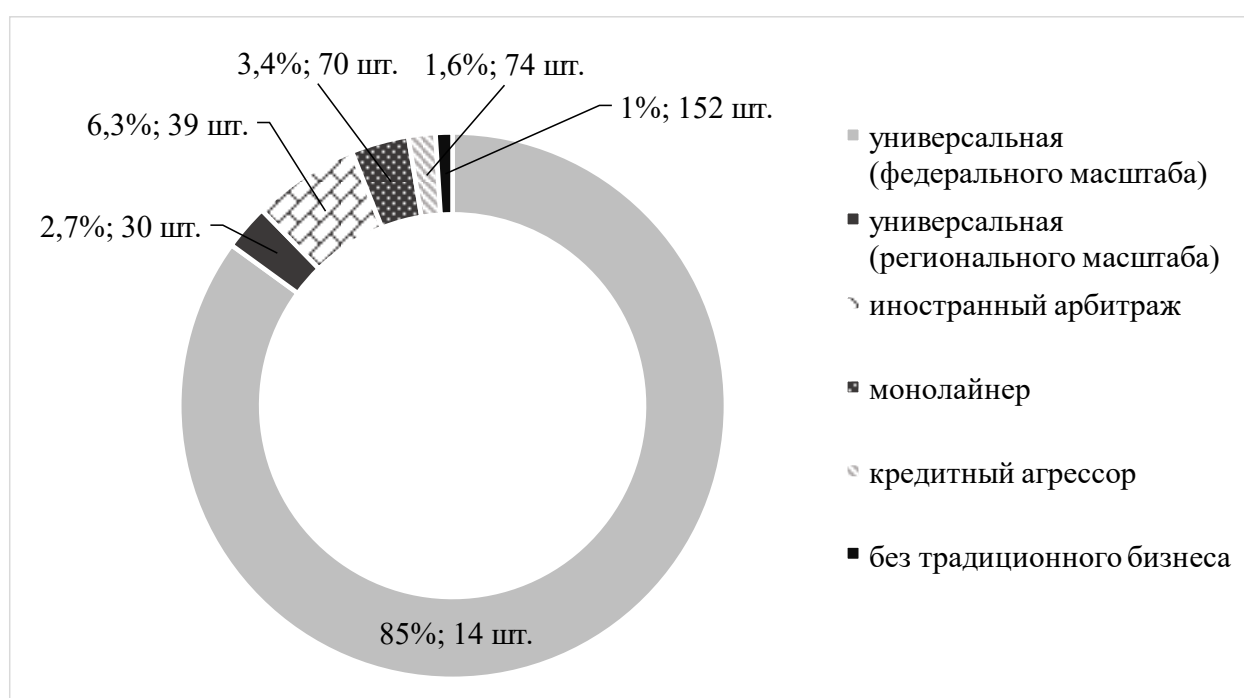
ГЛАВА 3**ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ АДАПТИВНЫХ
СПОСОБНОСТЕЙ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ
КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ****3.1 Разделение российских коммерческих банков по типам бизнес-моделей**

В целях оценки адаптивных способностей бизнес-моделей российских коммерческих банков на основе метода стресс-тестирования необходимо, прежде всего, их разделить на типы бизнес-моделей в зависимости от специфики сочетания образующих их элементов (обеспечения бизнеса, менеджмента, бизнес-деятельности и результатов), а затем провести исследование банков, вошедших в соответствующие кластеры.

Для проверки выдвинутой гипотезы все банки российской банковской системы были разделены на шесть типов бизнес-моделей (универсальные федерального масштаба (активы более 250 млрд руб.), универсальные регионального масштаба (активы менее 250 млрд руб.), иностранный арбитраж, монолайнеры, кредитные агрессоры и банки без традиционного бизнеса) на основе проведенного экспресс-анализа каждой кредитной организации российского банковского сектора по состоянию на начало 2018 года с последующим отнесением в одну из групп бизнес-моделей исходя из совокупности свойств составляющих их элементов, характерных для того или иного типа бизнес-модели, представленных в параграфе 1.2 диссертационного исследования. Оценка банков проводилась без учета saniруемых кредитных организаций ввиду их слабого финансового положения и изменения структуры баланса в процессе оздоровления, что искажало бы сводные данные по группе бизнес-моделей. При анализе учитывались как финансовые показатели (данные по международным стандартам финансовой отчетности (МСФО) и российским стандартам

бухгалтерского учета (РСБУ) по структуре баланса, достаточности капитала, рентабельности, ликвидности, отраслевой структуре кредитных портфелей), так и нефинансовые данные (информация из открытых источников о репутации собственников и менеджмента банков, о применении мер воздействия к банкам со стороны Банка России, данные о кредитных рейтингах).

В соответствии с предложенной классификацией нами было проведено распределение российских коммерческих банков по типам бизнес-моделей, представленное на рисунке 11.

Источник: составлено автором по данным [111].

Рисунок 11 – Распределение российских коммерческих банков по типам бизнес-моделей

Стоит отметить, что наибольшая доля активов банковского сектора приходится именно на кредитные организации с универсальной бизнес-моделью федерального масштаба (85%), что обусловлено существенными объемами их бизнеса. Кредитные организации с универсальной бизнес-моделью регионального масштаба составляют всего лишь 2,7% совокупных активов (30 шт.). Наибольшей по численности группой являются банки без традиционного бизнеса (152 шт.), однако их доля в активах банковской системы составляет менее 1% ввиду малого размера их валюты баланса (как

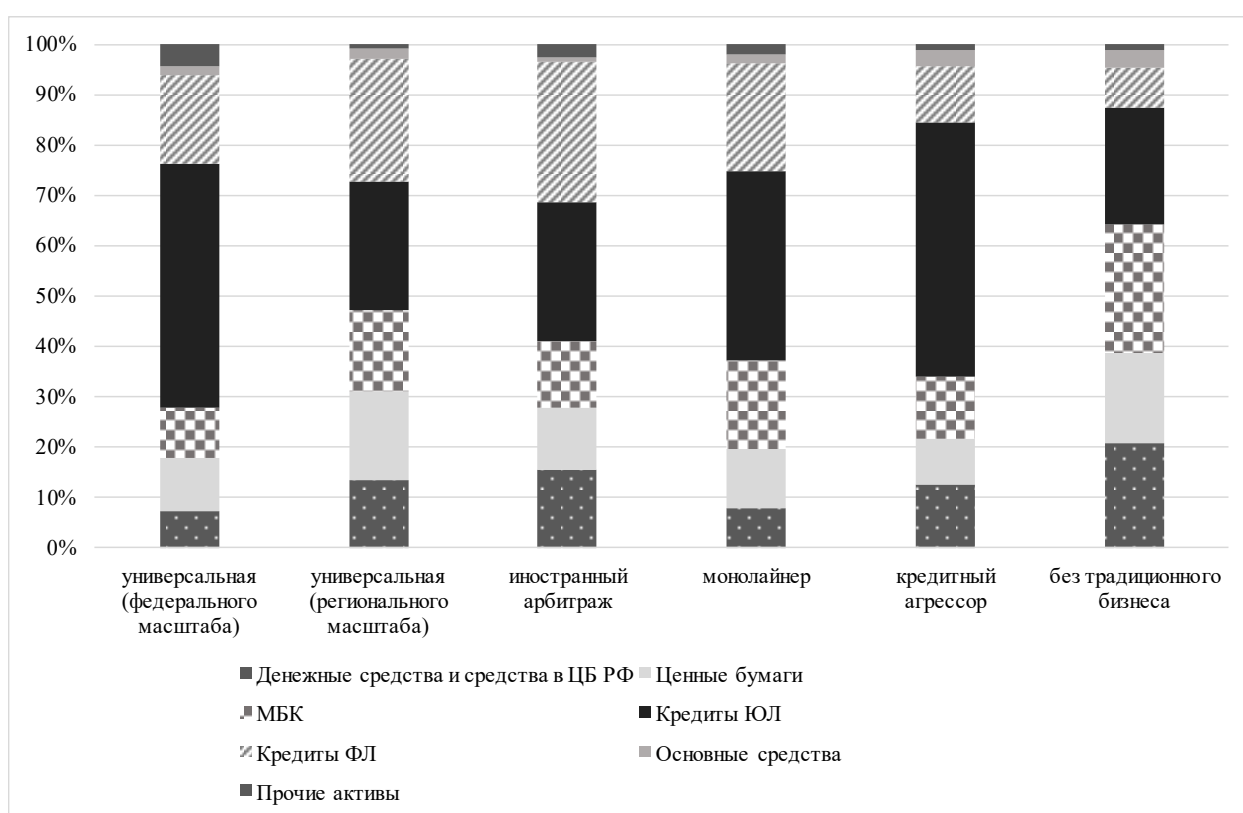
правило, такие банка находятся за топ-250 рэнкинга по активам). На кредитные организации с бизнес-моделью «иностранный арбитраж», приходится около 6,3% активов (39 шт.). Несмотря на примерно одинаковое количество банков-монолайнеров и кредитных агрессоров (70 и 74 шт. соответственно), первые занимают большую долю банковского сектора (3,4% против 1,6%), что обусловлено отнесением к категории монолайнеров более крупных кредитных организаций.

В целом можно сделать вывод, что распределение российских банков по типам бизнес-моделей является неравномерным вследствие большого количества игроков без явно выраженной специфики деятельности при низкой рентабельности, а также ввиду высокой концентрации активов банковского сектора.

Далее предлагается оценить основные свойства каждой из групп бизнес-моделей по агрегированным данным входящих в них банков как по финансовым показателям (структура баланса и основные коэффициенты по капиталу, активам, рентабельности и ликвидности) на основе базы данных Orbis Bank Focus компании Bureau van Dijk Electronic Publishing (BvDEP) [111], так и по нефинансовым параметрам (клиентская база, корпоративное управление, подверженность регулятивным рискам, IT-обеспечение и т.д.) и сравнить полученные результаты по различным типам бизнес-моделей. В целях исследования будем использовать последнюю доступную годовую отчетность российских банков по МСФО за 2017 год. С помощью агрегирования балансов кредитных организаций через Orbis Bank Focus мы получили сводные данные по каждому типу бизнес-модели.

Рассматривая структуру активов по выделенным группам банков на рисунке 12, стоит отметить, что для банков с универсальной бизнес-моделью федерального масштаба характерно преобладание корпоративных кредитов в активной части баланса (доля составляет 58%), что обусловлено системной значимостью данной группы кредитных организаций для российской экономики и, как следствие, предоставлением крупнейшим

системообразующим компаниям существенного объема финансирования, направленного в том числе на реализацию стратегических проектов. В остальном структура активов банков данного типа бизнес-модели сбалансирована (на розничное кредитование приходится 18% активов, на портфель ценных бумаг – 11%, на выданные МБК – 10%, на денежные средства и остатки в Банке России – 7%, прочие активы – 6%), поскольку кредитные организации предоставляют обширный набор продуктов и услуг для клиентов ФЛ, ЮЛ и коммерческих банков, что свидетельствует об универсальности данного типа бизнес-модели.

Источник: составлено автором по данным [111].

Рисунок 12 – Структура активов различных типов бизнес-моделей российских коммерческих банков

Схожую структуру активов имеют банки с бизнес-моделью кредитного агрессора: на кредитование ЮЛ приходится 51% валюты баланса, в остальном доли распределены равномерно (13% – денежные средства и средства в Банке России, 12% – МБК, 11% – кредиты ФЛ, 9% – ценные бумаги, 4% – прочие активы). Однако отличием данной группы кредитных организаций является

высокий уровень риска по выданным кредитам, поскольку зачастую такие кредиты являются заведомо невозвратными, направлены на финансирование высоко рискованных отраслей и имеют инвестиционный характер.

Для универсальных банков регионального масштаба и бизнес-модели «иностранный арбитраж» характерна наибольшая сбалансированность активной части баланса: по 26 и 28% приходится на кредитование ЮЛ соответственно, 24 и 28% – на кредитование ФЛ, 17 и 12% – на ценные бумаги, 16 и 13% – на МБК, 14 и 15% – на денежные средства и средства в Банке России (в качестве буфера ликвидности). Банки регионального масштаба (размер активов менее 250 млрд руб.) с универсальной бизнес-моделью, как правило, имеют сильные конкурентные позиции на территории отдельных субъектов РФ и предоставляют полный пакет услуг для обеспечения деятельности предприятий (в том числе финансирование проектов регионального значения) и осуществляют комплексное обслуживание физических лиц ключевого региона присутствия. Отличительной чертой банков с бизнес-моделью «иностранный арбитраж» является взвешенный подход к управлению рисками, который осуществляется на уровне материнской компании группы, что приводит к формированию приемлемого запаса ликвидности в виде остатков денежных средств, МБК и ценных бумаг на фоне диверсификации рисков по направлениям деятельности в разрезе клиентов и отраслей.

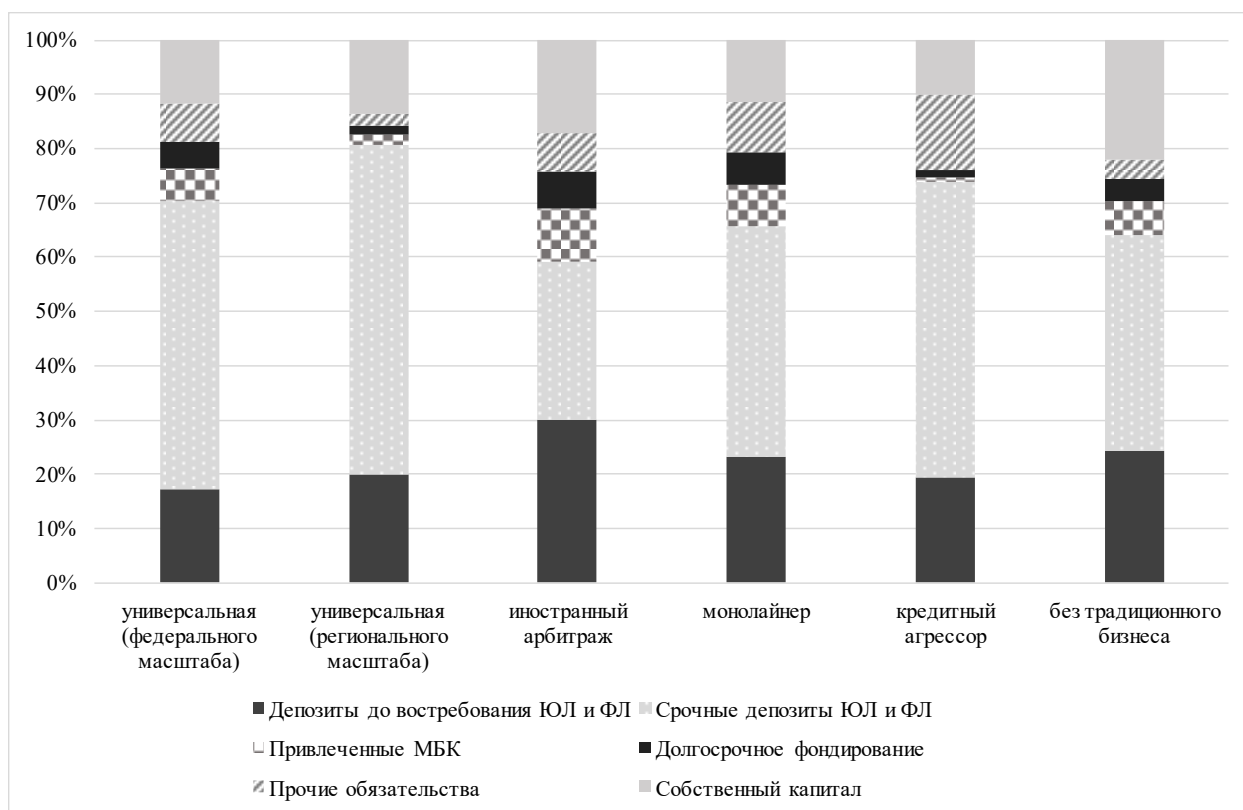
Наибольшая доля активов банков-монолайнеров приходится на кредитование корпоративных клиентов (38%) и кредиты физическим лицам (21%) при этом отмечается повышенный уровень концентрации данных кредитов на одном продукте, отрасли или на аффилированных с собственниками банков структурах. Выданные межбанковские кредиты составляют 18% активов данной группы банков, ценные бумаги – 12%, денежные средства и средства в Банке России – 8%. В целом данный тип бизнес-модели характеризуется высокой зависимостью от одного ключевого сегмента деятельности, что повышает риски подверженности банков

регулятивным новациям (например, повышение коэффициентов риска по розничным кредитам при расчете нормативов достаточности капитала, что окажет давление на банки, специализирующиеся на кредитовании ФЛ).

Для банков без традиционного бизнеса характерно преобладание высоколиквидных, но низкодоходных активов в структуре баланса (на денежные средства, остатки на расчетных счетах в Центральном Банке, МБК, ценные бумаги приходится 64% активов), при этом доля традиционного кредитования находится на низком уровне (на кредиты ЮЛ приходится 23%, на кредиты ФЛ – 8%), что повышает риски вовлечения подобных банков в проведение сомнительных операций.

Далее перейдем к анализу структуры пассивов различных типов банковских бизнес-моделей, представленной на рисунке 13. У банков с универсальной бизнес-моделью как федерального, так и регионального масштаба в пассивной части баланса преобладают наиболее стабильные компоненты ресурсной базы – срочные депозиты клиентов ЮЛ и ФЛ (53 и 61% соответственно). В свою очередь, средства до востребования составляют по 17 и 20% пассивов, собственный капитал – по 12 и 14%, еще по 6 и 2% приходится на привлеченные МБК. Долгосрочное фондирование занимает всего лишь 5% пассивов у федеральных и 2% у региональных игроков, что отчасти связано с действующими с 2014 года санкциями, ограничивающими возможности российских банков по привлечению долгосрочных ресурсов из-за рубежа.

Схожую структуру пассивов имеют банки-кредитные агрессоры: 54% средств приходится на срочные депозиты ЮЛ и ФЛ, 20% на клиентские депозиты до востребования. При этом привлеченные МБК и долгосрочные источники фондирования практически отсутствуют, а доля собственных средств в пассивах минимальна среди всех групп банков (10%). Подобная структура обусловлена рискованной моделью ведения бизнеса, при которой долгосрочные кредиты фондируются короткими средствами клиентов.

Источник: составлено автором по данным [111].

Рисунок 13 – Структура пассивов различных типов бизнес-моделей российских коммерческих банков

Пассивы банков с бизнес-моделью «иностраный арбитраж» имеют наиболее сбалансированную структуру. Так, на депозиты ФЛ и ЮЛ до востребования приходится 30%, на срочные депозиты клиентов – 29%. Стоит отметить, что ввиду возможностей данных банков по привлечению фондирования и капитала по низкой стоимости от материнских структур они имеют большую относительно других типов бизнес-моделей долю МБК (7%), долгосрочного фондирования (7%) и собственных средств (17%) в пассивах.

Банки-монолайнеры формируют свои пассивы в основном за счет средств клиентов: 43% составляю срочные депозиты ЮЛ и ФЛ, еще 23% – средства на р/с и депозиты до востребования. На привлеченные МБК приходится 8% пассивов, на долгосрочное фондирование – 9%, доля собственного капитала в пассивах составляет 11%. При этом для данного типа бизнес-модели характерна повышенная концентрация пассивов на одном кредиторе и (или) источнике (в том числе и на связанных с банком сторонах).

Отличительной особенностью банков без традиционного бизнеса является существенная доля собственного капитала в структуре пассивов (22%), что при высокой доле низкодоходных активов приводит к избытку капитала и слабой операционной эффективности. Срочные депозиты клиентов составляют 40% пассивов, еще 24% приходится на депозиты до востребования. В свою очередь, доля привлечённых МБК составляет 6%, долгосрочное фондирование находится на уровне 4% пассивов.

Не менее важным этапом анализа является сравнение различных типов бизнес-моделей российских банков по средним значениям ключевых показателей каждой группы, характеризующих капитал, качество активов, рентабельность и ликвидность. Результаты сравнительного анализа сгруппированы и представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Сравнение групп бизнес-моделей российских коммерческих банков по основным финансовым показателям за 2017 год

В процентах						
Коэффициент	Универсальная (федерального масштаба)	Универсальная (регионального масштаба)	Иностраный арбитраж	Монолайнер	Кредитный агрессор	Без традиционного бизнеса
1	2	3	4	5	6	7
Капитал						
Коэффициент достаточности капитала	10,8	13,5	17,2	11,5	10,1	21,9
Активы, взвешенные по степени риска / Балансовые активы	90,9	83,2	79,3	95,7	106,5	64,9
Активы						
Обесцененные кредиты / Активы, взвешенные по степени риска	4,3	5,2	8,0	6,8	17,1	7,5
Обесцененные кредиты (включая реструктурированные ссуды) и просроченные, но не обесцененные кредиты / Валовая ссудная задолженность ЮЛ и ФЛ	6,7	9,5	16,7	17,3	20,2	18,0
РВПС / Валовая ссудная задолженность ЮЛ и ФЛ	6,9	11,1	4,8	16,6	15,2	25,9
Объем списанных кредитов ЮЛ и ФЛ / Средний размер валовой ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ	1,5	2,0	1,3	3,0	1,0	1,8
Рентабельность						
Рентабельность капитала (ROE)	15,0	11,8	13,2	10,4	-7,7	-3,5

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7
Рентабельность активов (ROA)	1,8	1,6	2,3	1,2	-0,8	-0,8
Эффективность деятельности (соотношение затрат и доходов, CIR)	58,9	60,6	49,3	76,6	85,8	149,5
Ликвидность						
Ликвидные активы / Совокупные активы	29,1	32,0	53,1	39,6	35,4	49,7
Валовый кредитный портфель ЮЛ и ФЛ / Депозиты ЮЛ и ФЛ	92,2	72,9	139,6	130,8	948,5	657,6
Выданные МБК / Привлеченные МБК	164,0	34 449,3	695,2	888 684,6	573 725,2	2 211 694,3
Ликвидные активы / Депозиты и краткосрочное фондирование	35,5	38,9	102,0	70,3	54,4	259,4

Источник: составлено автором по данным [111].

Так, для банков с универсальной бизнес-моделью федерального масштаба характерен невысокий запас по капиталу ($H1.0=10,8\%$) относительно других групп бизнес-моделей при высоком уровне активов под риском относительно балансовых активов (около 91%), что обусловлено высоким объемом кредитования в силу существенной значимости данных банков для экономики страны.

Стоит отметить, что по качеству активов кредитные организации указанного типа бизнес модели превосходят остальных: доля обесцененных кредитов в активах составляет всего 4,3%, доля обесцененных (в том числе реструктурированных) и пролонгированных ссуд в ссудном портфеле ЮЛ и ФЛ достигает 6,7%, а коэффициент списаний за 2017 год находится на уровне 1,5%. Это, в свою очередь, обусловлено как высоким качеством клиентской базы (крупнейшие, системообразующие компании РФ) на фоне особого статуса данной группы банков, так и адекватной системой риск-менеджмента. Как следствие, коэффициент резервирования по ссудам находится на невысоком уровне (6,9%). Несмотря на высокую социальную значимость универсальные банки федерального масштаба показывают высокие показатели их рентабельности (ROE за 2017 год составила 15%, ROA=1,8%), при этом ввиду качественного корпоративного управления

данные банки поддерживают приемлемый уровень эффективности деятельности (соотношение затрат и доходов (CIR) составило 58,9%).

Ликвидная позиция кредитных организаций указанной группы является недостаточно высокой относительно других банков. Так, доля ликвидных активов в валовых активах составляет 29,1%, а отношение ликвидных активов к депозитам и краткосрочному фондированию находится на уровне 35,5%. Стоит отметить, что крупные системно значимые банки имеют возможность привлечения дополнительной ликвидности в виде средств от Банка России в рамках безотзывных кредитных линий для покрытия своих обязательств в случае необходимости. Коэффициент межбанковского кредитования находится на самом низком уровне относительно других групп кредитных организаций (164%), а соотношение кредитов и депозитов клиентов ЮЛ и ФЛ не превышает 100%, то есть весь кредитный портфель сформирован за счет депозитных ресурсов и не подвержен необходимости досрочного погашения при волнениях на рынках капитала, что говорит об устойчивости модели ведения бизнеса.

Банки с универсальной бизнес-моделью регионального масштаба имеют более сильную позицию по капиталу (норматив $H1.0=13,5\%$) ввиду пониженного относительно федеральных игроков уровня активов под риском (83,2%). При этом на фоне различий в особенностях клиентской базы (как правило, региональные предприятия, органы управления и местные администрации, физические лица региона) и управления рисками (не столь высокая квалификация и опыт работы топ-менеджмента относительно федеральных банков) качество активов универсальных банков регионального масштаба находится на более низком уровне: доля обесцененных кредитов в активах составляет 5,2%, отношение обесцененных (в том числе реструктурированных) и просроченных, но не обесцененных кредитов к валовой ссудной задолженности ЮЛ и ИП – 9,5%, коэффициент списаний за 2017 год – 2%. В результате коэффициент резервирования по ссудам данной группы банков составляет 11,1%, что на 4,2 п.п. больше, чем у банков

федерального масштаба. Для указанного типа бизнес-моделей характерны высокие показатели рентабельности (ROE за 2017 год составила 11,8%, ROA=1,6%), а также приемлемый уровень соотношения затрат и доходов (60,6%), что свидетельствует о высокой операционной эффективности деятельности банков данного типа бизнес-модели.

Коэффициенты ликвидности находятся на приемлемом уровне (доля ликвидных активов в совокупных активах составляет 32%, отношение ликвидных активов к депозитам и краткосрочному фондированию – 39%), соотношение клиентских кредитов к депозитам (LTD) достигает 73%, что, с одной стороны, свидетельствует об устойчивости бизнес-модели в долгосрочной перспективе, а с другой – повышает риск потери доли рынка при отсутствии наращивания клиентской базы после планового гашения выданных кредитов. Вместе с тем, универсальные банки регионального масштаба имеют большую зависимость от рынка МБК (соотношение выданных МБК к привлеченным МБК составляет 34 449%), при этом большой объем выданных МБК в основном обусловлен размещением средств Центральном Банке (ЦБ) и Национальный Клиринговый Центр (НКЦ).

Бизнес-модель «иностраный арбитраж» отличается высоким уровнем достаточности капитала ($H1.0=17,2\%$) при более низкой доле относительно других групп банков активов под риском (79,3%). Качество активов является приемлемым, однако уступает банкам с универсальной бизнес-моделью: доля обесцененных кредитов в активах составляет 8%, отношение обесцененных (включая реструктурированные) и просроченных, но не обесцененных ссуд, к валовой ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ – 16,7%, а коэффициент списаний за 2017 год составил 1,3%. При этом уровень резервирования находится на самом низком уровне среди других типов бизнес-моделей (отношение резервов на возможные потери по ссудам (РВПС) к валовой ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ составило 4,8%).

Стоит отметить, что риск-менеджмент банков, являющихся дочерними структурами иностранных финансовых организаций, осуществляется на

уровне материнской компании группы. Зарубежные финансовые институты, как правило, используют продвинутые подходы риск-менеджмента, основанные на Базеле 3 (например, IRB-подход (Internal Ratings-Based Approach) при оценке достаточности капитала), что позволяет проводить более адекватную оценку рисков. Рентабельность бизнес-модели «иностранный арбитраж» находится на высоком уровне (ROE за 2017 год составила 13,2%, ROA=2,3%), что отчасти обусловлено возможностью данных банков по привлечению дешевого и долгосрочного фондирования от материнских компаний. Также для указанного типа бизнес-модели характерен наиболее высокий уровень операционной эффективности (CIR=49,3%).

При этом данная группа банков поддерживает высокий запас ликвидности: доля ликвидных активов в совокупных активах составляет 53%, отношение ликвидных активов к депозитам и краткосрочному фондированию достигает 102%. Коэффициент LTD (loans to deposits) находится на повышенном уровне (140%), однако ввиду наличия длинных инструментов рынка капитала (МБК, еврооблигации), риск ликвидности иностранных дочерних структур минимизируется. Соотношение выданных и привлеченных МБК составляет 695,2%, что свидетельствует об отсутствии критической зависимости данной группы банков от средств материнских структур.

Ввиду того, что банки-монолайнеры отличаются высокой концентрацией деятельности на одном продукте, отрасли, обслуживании узкого круга клиентов (в том числе связанных сторон), для них характерен повышенный уровень активов под риском (отношение активов, взвешенных по степени риска, к балансовой величине активов составляет 95,7%). При этом запас достаточности капитала находится на невысоком уровне (Н1.0 составляет 11,5%).

Несмотря на невысокую долю обесцененных кредитов в активах под риском (6,8%) кредитный портфель данной группы банков не отличается высоким качеством (доля обесцененных (в том числе реструктурированных) и просроченных, но не обесцененных ссуд в валовой ссудной задолженности

ЮЛ и ФЛ достигает 17,3%), что обуславливает и высокий уровень резервирования по ссудам (отношение РВПС к валовой ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ составляет 16,6%). В то же время, монолайнеры активно используют практику списания задолженности (объем списанных кредитов ЮЛ и ФЛ к среднему размеру валовой ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ за 2017 год составил 3%), что позволяет зависить фактические показатели качества активов, но в целом свидетельствует о недостаточно эффективном уровне управления рисками.

Для банков-монолайнеров характерен приемлемый уровень рентабельности ($ROE=10,4\%$, $ROA=1,2\%$) и операционной эффективности деятельности (операционные доходы превышают расходы на 30%), что обусловлено как высокой доходностью ключевого направления бизнеса (например, розничное кредитование или выдача гарантий), так низкой стоимостью фондирования ввиду привлечения средств от аффилированных сторон.

Ликвидные активы банков-монолайнеров находятся на приемлемом уровне относительно совокупных активов (39,6%) и депозитов и краткосрочного фондирования (70,3%), что позволяет минимизировать риск неисполнения обязательств в случае досрочного оттока средств клиентов. В то же время, для банков данной группы характерно поддержание повышенного значения коэффициента LTD (130,8%), что подвергает кредитные организации повышенному риску сбалансированности активов и пассивов по срокам при отсутствии существенного объема длинных инструментов рынка капитала. Ввиду того, что банки-монолайнеры выступают нетто-кредиторами на рынке МБК, коэффициент межбанковского кредитования находится на крайне высоком уровне.

Бизнес-модель кредитного агрессора характеризуется поддержанием крайне низкого запаса капитала ($H1.0=10,1\%$) при повышенной доле активов под риском (106,5% от балансовых активов). Рискованная кредитная политика при критической нагрузке на капитал вследствие слабого уровня риск-

менеджмента обуславливает низкое качество кредитного портфеля данного типа бизнес-модели: доля обесцененных кредитов составляет 17,1% валовых активов, отношение обесцененных (в том числе реструктурированных ссуд) и просроченных, но не обесцененных кредитов к валовой ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ достигает 20,2% (что в том числе свидетельствует о невысоком качестве клиентской базы).

Банки данной группы также агрессивны и в выдаче гарантий, вследствие чего соотношение внебалансовых обязательств и активов достигает 12%, что превышает в два раза среднерыночный уровень. В то же время, стоит отметить недостаточно консервативную политику резервирования кредитных агрессоров (отношение РВПС к валовой ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ составляет 15,2%), которая зачастую приводит к получению от Банка России предписаний по досозданию резервов по проблемным заемщикам.

Как следствие, показатели рентабельности кредитных агрессоров находятся на самом низком уровне относительно других групп кредитных организаций (ROE за 2017 год составила минус 7,8%, ROA – минус 0,8%) и свидетельствуют об убыточности деятельности на фоне недостаточно высокой операционной эффективности бизнеса (соотношение затрат и расходов составляет 85,8%).

Ввиду агрессивной стратегии банков данного типа бизнес-модели в области кредитования показатель соотношения клиентских кредитов и депозитов находится на крайне высоком уровне (948,5%), что свидетельствует о принятии существенного риска ликвидности. Кредитные организации указанной группы поддерживают приемлемый уровень ликвидных активов в совокупных активах (35,4%) и относительно привлеченных средств в виде депозитов и остатков на расчетных счетах (54,4%). Зависимость кредитных агрессоров от рынка межбанковских заимствований является высокой (соотношение выданных и привлеченных МБК составляет более 100%).

Банки без традиционного бизнеса отличаются поддержанием крайне высокого запаса капитала (Н1.0 составляет 21,9%), при этом доля активов под

риском составляет 64,9%, что обусловлено высокой долей низкодоходных и низкорисковых компонентов активов на балансе таких банков. Несмотря на приемлемый уровень обесцененных кредитов (7,5%), доля потенциально проблемной задолженности (включая реструктурированные и просроченные, но не обесцененные кредиты) существенно выше и достигает 18%, что свидетельствует о недостаточно консервативной кредитной политике банков без традиционного бизнеса. При этом проблемные кредиты в достаточной степени покрываются резервами: соотношение РВПС и валовой ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ составляет 25,9%.

Вследствие низкой доли активов, приносящих доход, и высокого уровня резервирования банки без традиционного бизнеса характеризуются убыточностью деятельности (ROE за 2017 год составила минус 3,5%, ROA – минус 0,8%) и крайне низким уровнем эффективности деятельности (CIR=149,5%), что в том числе обусловлено слабым уровнем корпоративного управления. Ввиду того, что у кредитных организаций данной бизнес-модели практически отсутствует традиционный бизнес (кредитование, гарантии и т.д.), повышается риск их вовлечения в сомнительные операции в поисках альтернативных источников получения доходов.

Кроме того, для банков без традиционного бизнеса характерно поддержание избыточного запаса ликвидности: доля ликвидных активов в совокупных активах составляет 49,7%, отношение ликвидных активов к депозитам и краткосрочному фондированию достигает 259,4%. При этом ввиду того, что банки без традиционного бизнеса размещают существенную часть активов в МБК (при крайне малой доле МБК в пассивах), коэффициент межбанковского кредитования составляет свыше 2 000%.

Таким образом, проанализировав финансовые параметры различных типов бизнес-моделей, можно сделать вывод о том, что предложенная автором классификация бизнес-моделей российских коммерческих банков является обоснованной и соответствует предполагаемым характеристикам в разрезе

отдельных групп кредитных организаций, описанным в первой главе диссертационного исследования.

3.2 Стресс-тестирование устойчивости различных типов банковских бизнес-моделей

Одним из ключевых инструментов для определения способности адаптации банковских бизнес-моделей к условиям внешней среды является стресс-тестирование. Оно позволяет оценить устойчивость бизнес-моделей кредитных организаций в стрессовых сценариях и, как следствие, их адаптивные способности, то есть способности банков приспособлять бизнес-модели к изменяющемуся состоянию макросреды, сохраняя свою устойчивость. Кроме того, с помощью стресс-теста можно выявить и ранжировать ключевые риски бизнес-моделей с учетом оценки потерь банков в разрезе направлений бизнеса и видов финансовых рисков.

В целях определения устойчивости выделенных автором типов бизнес-моделей коммерческих банков проведем их стресс-тестирование по данным отчетности МСФО за 2017 год, результирующими показателями которого будут выступать ключевые критерии оценки бизнес-моделей: уровень рискованности (соотношение капитала и активов под риском), эффективность деятельности и, как следствие, адаптивность, выражающаяся в способности бизнес-моделей приспособляться к изменяющимся условиям внешней среды.

В частности, предлагается определить влияние обесценения отдельных статей баланса при ухудшении макроэкономических параметров на финансовый результат и капитал, а затем на показатели достаточности собственных средств (Н1.0) и рентабельности капитала (ROE) банков различных групп бизнес-моделей. Ввиду того, что в 2017 году наблюдался структурный профицит ликвидности банковского сектора, показатели

ликвидности не включались в модель стресс-тестирования. При проведении стресс-теста воспользуемся некоторыми допущениями:

– все параметры стрессового сценария будут определяться историческим способом, то есть исходя из наихудших оценок риск-факторов, которые наблюдались в прошлом;

– исходя из того, что данные по российским банкам за 2017 год, представленные в системе Orbis Bank Focus по МСФО, исчисляются в долларах США, для перевода в национальную валюту будем использовать официальный курс, установленный Банком России на 31.12.2017, в размере 57,6002 рублей за 1 доллар США;

– не будут подвергаться переоценке такие статьи баланса, как денежные средства, остатки на корп. счетах и МБК (согласно проведенному анализу за 2017 год в системе Orbis Bank Focus, на размещение средств в безрисковые активы – Банк России и НКЦ – приходится не менее 70% данных статей баланса по банковскому сектору), ценные бумаги, удерживаемые до погашения (имеют фиксированный срок погашения, переоценка по ним не проводится), основные средства и прочие активы, поскольку ввиду их низкой рискованности влияние изменения макроэкономических показателей на них и, как следствие, на финансовый результат и капитал несущественно;

– при оценке изменения достаточности капитала для упрощения модели будем исходить из предположения, что величина активов под риском (risk-weighted assets, RWA) остается неизменной, поскольку расчет RWA уже предполагает учет всех видов активов, взвешенных по степени риска;

– при проведении оценки изменения величины РВПС в разрезе кредитов юридических и физических лиц:

1) уровень и динамика просроченной задолженности по кредитам ЮЛ и ФЛ для всех типов бизнес-моделей будут определяться исходя из их значений по банковскому сектору в целом;

2) ввиду отсутствия информации по уровню резервирования портфеля ссуд в разрезе юридических и физических лиц будем использовать

данные по совокупному уровню резервирования ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ по каждому типу бизнес-модели;

3) будем исходить из допущения о том, что соотношение уровня резервирования к доле просроченной задолженности является постоянной величиной, имеющей различные значения для каждого типа банковских бизнес-моделей;

– совокупное изменение величины РВПС по каждой группе бизнес-моделей будем рассчитывать как изменение РВПС в разрезе кредитов ЮЛ и ФЛ, взвешенное на долю соответствующего портфеля ссуд.

Определив основные допущения, используемые в модели стресс-тестирования, перейдем к переоценке статей баланса, влияющих как на капитал, так и на финансовый результат банков при изменении макроэкономических параметров: портфели ценных бумаг, имеющих в наличии для продажи, и оцениваемых по справедливой стоимости через прибыль или убыток, а также кредитный портфель юридических и физических лиц.

Для проведения стресс-теста портфелей ценных бумаг в разрезе различных типов банковских бизнес-моделей, прежде всего, необходимо определить параметры стрессового сценария. Ввиду того, что основной объем российского биржевого рынка приходится на облигации (не менее 90%, по данным ПАО Московская биржа) в качестве ключевого индикатора оценки стоимости портфелей ценных бумаг предлагается использовать композитный индекс облигаций Московской Биржи (RUABITR), рассчитываемый с декабря 2010 года. Преимущество данного индекса заключается в том, что он является наиболее обширным (с точки зрения базы расчета) индексом долгового рынка России и включает в себя наиболее ликвидные Облигации федерального займа РФ (ОФЗ), субфедеральные и муниципальные бумаги, а также облигации российских корпоративных эмитентов, допущенные к обращению на Московской Бирже. Индекс рассчитывается по методикам чистых цен и совокупного дохода, отражая динамику и доходность всего облигационного

рынка России [87]. Выгрузив ежемесячные значения котировок композитного индекса облигаций Московской Биржи за период с декабря 2010 года по декабрь 2017 года и рассчитав ежемесячную динамику данного индекса, представленную в приложении Б, определим наихудшее значение в рассматриваемом периоде. Согласно проведенным расчетам, наибольшее падение индекса RUABITR составило 11,05 п.п. и наблюдалось в декабре 2014 года на фоне резкого роста ключевой ставки Банка России с 10,5% до 17% и девальвации рубля.

Используя информацию по объему портфелей ценных бумаг, имеющих в наличии для продажи, и оцениваемых по справедливой стоимости через прибыль или убыток, определим величину совокупной отрицательной переоценки по каждому типу бизнес-модели как произведение величины соответствующего портфеля бумаг на отрицательную динамику индекса RUABITR (минус 11,05 п.п.). Результаты переоценки представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Стресс-тестирование портфелей ценных бумаг различных типов банковских бизнес-моделей на 01.01.2018

В миллионах рублей

Тип бизнес-модели	Ценные бумаги, оцениваемые по справедливой стоимости через прибыль или убыток		Ценные бумаги, имеющиеся в наличии для продажи		Совокупная величина переоценки ценных бумаг
	балансовая величина	величина переоценки	балансовая величина	величина переоценки	
Универсальная (федерального масштаба)	1 562 182	-172 621	2 659 099	-293 830	-466 452
Универсальная (регионального масштаба)	135 532	-14 976	129 564	-14 317	-29 293
Иностраннный арбитраж	116 824	-12 909	183 551	-20 282	-33 191
Монолайнер	78 983	-8 728	193 211	-21 350	-30 077
Кредитный агрессор	12 618	-1 394	72 636	-8 026	-9 420
Без традиционного бизнеса	68 842	-7 607	36 896	-4 077	-11 684

Источник: составлено автором по данным [69; 87; 111].

Перейдем к стресс-тесту кредитных портфелей юридических и физических лиц различных групп бизнес-моделей коммерческих банков. В качестве риск-факторов будем использовать динамику доли просроченной

задолженности и уровня РВПС в разрезе ссуд ЮЛ и ФЛ. Для оценки стрессового значения доли просроченных ссуд построим два уравнения множественной линейной регрессии, выражающих зависимость динамики просроченной задолженности по кредитам ЮЛ и ФЛ от макроэкономических параметров.

Поскольку уравнения регрессии будут описывать динамику целевых показателей (просроченной задолженности по кредитам ЮЛ и ФЛ), то предлагается строить их через приращения объясняющих переменных по статистическим данным за 2006-2017 годы, представленным в приложениях В и Г. Составив матрицы корреляции для уравнений регрессии по динамике просроченной задолженности ЮЛ и ФЛ и определенного набора макроэкономических параметров, приведенные в приложениях Д и Е соответственно, мы отмечаем наличие статистической взаимосвязи между объясняемыми и объясняющими переменными, что позволяет построить линейную модель регрессии (1), которая описывает результирующий показатель как сумму постоянного слагаемого и произведений переменных на веса:

$$\Delta\text{ПЗ(ЮЛ)}_i = \theta_0 + \theta_1 \cdot x_{i1} + \theta_2 \cdot x_{i2} + \dots + \theta_{18} \cdot x_{i18}, \quad (1)$$

где $\Delta\text{ПЗ(ЮЛ)}_i$ – прирост просроченной задолженности юридических лиц в i -м периоде;

x_{i1} – динамика годовой инфляции в РФ в i -м периоде;

x_{i2} – темп экономического роста РФ;

x_{i3} – динамика цены на нефть марки BRENT;

x_{i4} – динамика среднегодового курса доллара к рублю;

x_{i5} – динамика налоговой нагрузки;

x_{i6} – динамика ключевой ставки Банка России (до 2013 г. – ставки рефинансирования);

x_{i7} – динамика индекса производительности труда по РФ;

x_{i8} – динамика уровня безработицы населения в возрасте 15 лет и старше;

x_{i9} – динамика оборота организаций (юридических лиц) по РФ (без НДС, акцизов и других аналогичных платежей);

x_{i10} – динамика индекса промышленного производства РФ;

x_{i11} – динамика индекса физического объема оборота оптовой торговли по РФ;

x_{i12} – динамика инвестиций в основной капитал в РФ;

x_{i13} – динамика внешнеторгового оборота;

x_{i14} – динамика степени износа основных фондов;

x_{i15} – динамика коэффициента автономии организаций по РФ;

x_{i16} – динамика коэффициента текущей ликвидности организаций;

x_{i17} – динамика дебиторской задолженности организаций по РФ;

x_{i18} – динамика доли просроченной задолженности по кредитам ЮЛ за два предшествующих года;

θ – вектор неизвестных коэффициентов.

Уравнение регрессии для динамики просроченной задолженности по кредитам физических лиц (2) имеет вид:

$$\Delta\text{ПЗ}(\text{ФЛ})_i = \theta_0 + \theta_1 \cdot t_{i1} + \theta_2 \cdot t_{i2} + \dots + \theta_{11} \cdot t_{i11}, \quad (2)$$

где $\Delta\text{ПЗ}(\text{ФЛ})_i$ – прирост просроченной задолженности физических лиц в i -м периоде;

t_{i1} – динамика среднедушевого дохода населения по РФ в i -м периоде;

t_{i2} – динамика индекса потребительских цен на товары и услуги в России;

t_{i3} – динамика уровня безработицы населения в возрасте 15 лет и старше;

t_{i4} – динамика ключевой ставки Банка России (до 2013 г. – ставка рефинансирования);

t_{i5} – темп экономического роста РФ;

t_{i6} – динамика цены на нефть марки BRENT;

t_{i7} – динамика среднегодового курса доллара к рублю;

t_{i8} – динамика реальных располагаемых денежных доходов населения РФ;

t_{i9} – динамика закредитованности населения (объем кредитов на душу работоспособного населения);

t_{i10} – динамика среднедушевого объема вкладов и депозитов;

t_{i11} – динамика социального самочувствия населения РФ (суммарная численность респондентов в возрасте 18 лет и старше, оценивших ситуацию в России как кризисную или катастрофическую);

θ – вектор неизвестных коэффициентов.

Ввиду большого числа переменных относительно имеющегося массива данных необходимо сделать их отбор, чтобы выявить наиболее значимые показатели. Одним из способов отбора влияющих переменных является L1-регуляризация (Lasso), которая представляет собой L1-норму вектора весов. Регуляризация сводится к изменению целевой функции в оптимизационной задаче и добавлению в него неотрицательного слагаемого – «штрафа» за большие по модулю значения коэффициентов (для кредитов ЮЛ будем использовать штраф 0,5, для ФЛ – 2) [14]. В этом случае, задача поиска неизвестных параметров для кредитов ЮЛ и ФЛ сводится к поиску минимума следующей функции (3):

$$R_{L_1}(\theta) = \sum_{i=1}^n |\theta|_i \rightarrow \min, \quad (3)$$

где n – количество переменных в выборке.

При минимизации такого функционала веса незначимых переменных будут равны нулю, что позволит исключить их из уравнения регрессии. Решив данную задачу с помощью программы RStudio, получаем отобранный набор значимых переменных и их веса, что позволяет привести уравнение регрессии по динамике просроченной задолженности ЮЛ (4) к следующему виду:

$$\Delta ПЗ(\text{ЮЛ}) = -0,0046 \cdot x_2 + 0,0581 \cdot x_6 - 0,3672 \cdot x_7 + 0,413 \cdot x_{18}, \quad (4)$$

то есть наиболее значимыми показателями являются темпы экономического роста (x_2), динамика ключевой ставки (x_6), индекса производительности труда (x_7) и самой доли просроченной задолженности (x_{18}).

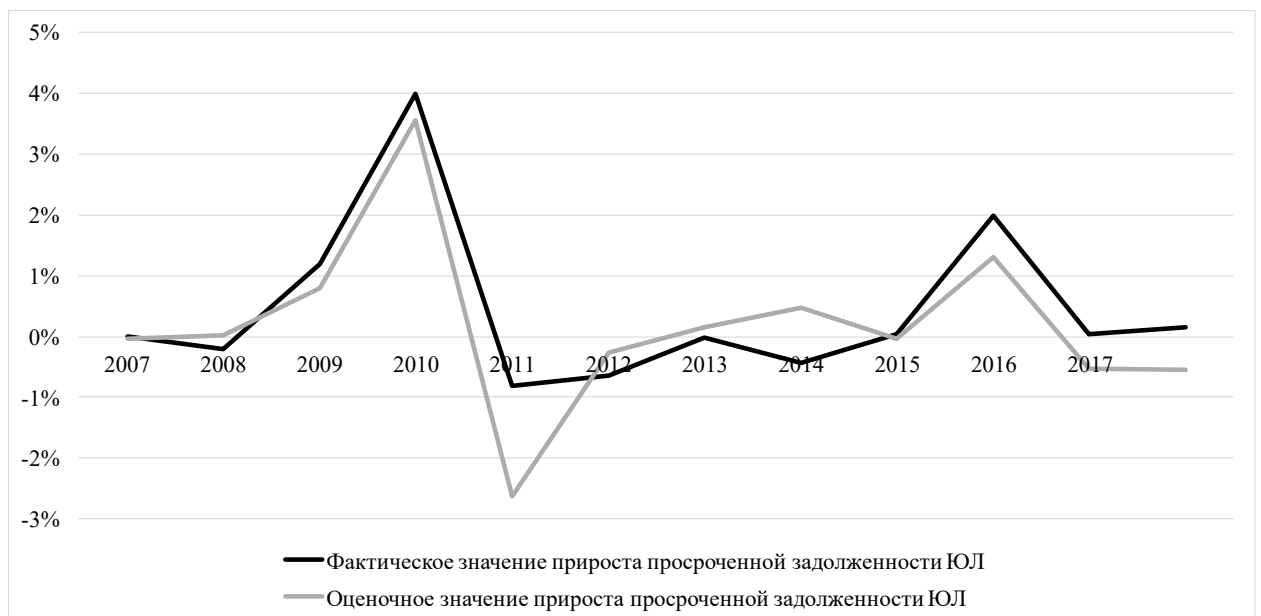
Примечание - RStudio представляет собой свободную среду разработки программного обеспечения с открытым исходным кодом для языка программирования R, который предназначен для статистической обработки данных.

Уравнение регрессии, характеризующее динамику просроченной задолженности ФЛ, после L1-регуляризации (5) имеет следующий вид:

$$\Delta\text{ПЗ}(\text{ФЛ}) = 0,2743 \cdot t_2 + 0,0443 \cdot t_4 - 0,2412 \cdot t_5 - 0,0197 \cdot t_8, \quad (5)$$

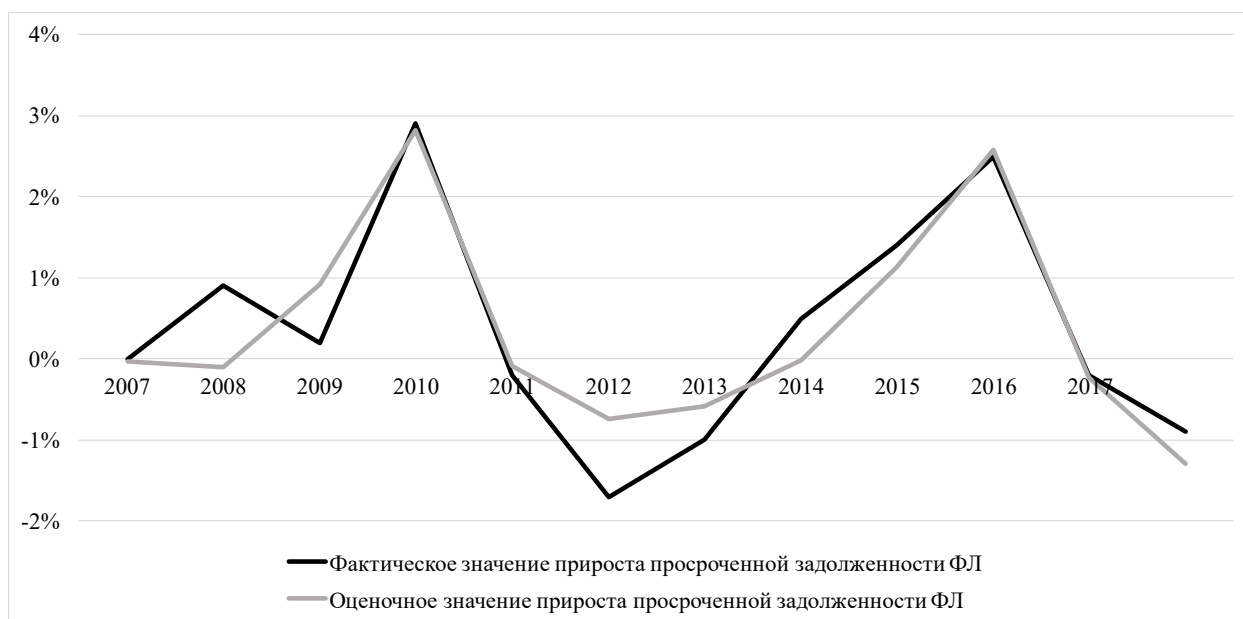
то есть влияющими переменными выступают динамика индекса потребительских цен на товары и услуги (t_2), ключевой ставки Банка России (t_4), темпов экономического роста (t_5) и реальных располагаемых денежных доходов населения (t_6).

Сравним результаты полученных линейных моделей с точными значениями показателей приращения просроченной задолженности в разрезе кредитов ЮЛ и ФЛ. Результаты сравнения отражены на рисунках 14 и 15.

Источник: составлено автором по данным [69; 87].

Рисунок 14 – Сопоставление фактической динамики просроченной задолженности по кредитам ЮЛ и результатов моделирования

Источник: составлено автором по данным [69; 87].

Рисунок 15 – Сопоставление фактической динамики просроченной задолженности по кредитам ФЛ и результатов моделирования

Как следует из данных, представленных на рисунках 14 и 15, линейные модели описывают данные по динамике просроченной задолженности в разрезе кредитов юридических и физических лиц за 2006-2017 годы достаточно близко к фактическим показателям, что свидетельствует о высокой предсказательной способности полученных уравнений регрессии и позволяет использовать их для дальнейшего исследования.

Для оценки критических величин прироста просроченной задолженности по кредитам ЮЛ и ФЛ воспользуемся историческим методом моделирования, выбрав наихудшие значения макроэкономических показателей из данных таблицы 7 (ячейки, выделенные цветом), достигаемых в рассматриваемом периоде (2006-2017 годы), и подставим их в полученные регрессионные уравнения.

В результате проведенных расчетов значения прироста просроченной задолженности, которые могут быть достигнуты в случае реализации стрессового сценария, составили 5,54 п.п. по кредитам юридических лиц и 6,08 п.п. по кредитам физических лиц. Полученные данные используем для оценки

их влияния на размер формируемых резервов по ссудам различных групп коммерческих банков исходя из описанных ранее допущений.

Таблица 7 – Макроэкономические параметры, влияющие на динамику просроченной задолженности по кредитам ЮЛ и ФЛ

В процентах

Показатель	2006/ 2007	2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017
Динамика индекса потребительских цен на товары и услуги по РФ	11,87	13,28	8,80	8,78	6,10	6,57	6,47	11,35	12,91	5,39	2,51
Динамика ключевой ставки Банка России (на 1 января пред. года; до 2013 г. – ставка рефинансирования)	-1,00	3,00	-4,25	-1,00	0,25	0,25	-1,25	10,00	-6,00	-1,00	-2,25
Темп экономического роста РФ	8,50	5,20	-7,80	4,50	4,30	3,70	1,80	0,70	-2,80	0,30	1,60
Динамика реальных располагаемых денежных доходов населения	13,50	12,10	2,40	3,00	5,90	0,50	4,60	4,00	-0,70	-3,20	-5,80
Динамика индекса производительности труда по РФ	0,00	-2,70	-8,90	7,30	0,60	-0,50	-1,10	-1,50	-2,60	1,60	1,80
Изменение доли просроченной задолженности ЮЛ за два предшествующих года	-0,20	1,20	4,00	-0,81	-0,64	-0,02	-0,43	0,03	2,00	0,04	0,15

Источник: составлено автором по данным [69; 87].

На основе информации по фактическим коэффициентам резервирования (отношение РВПС к валовому объему ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ) и уровню просроченной задолженности в разрезе кредитов ЮЛ и ФЛ найдем соотношение данных параметров и, принимая его за постоянную величину, рассчитаем динамику коэффициентов резервирования при изменении уровня просроченной задолженности ЮЛ и ФЛ по каждому типу банковской бизнес-модели.

Взвесив полученные значения показателей на доли портфелей ЮЛ и ФЛ в совокупном объеме ссудной задолженности и сложив результат, мы получим изменение коэффициента резервирования по ссудному портфелю ЮЛ и ФЛ в целом, что позволяет оценить величину потенциального досоздания резервов

при ухудшении макроэкономической конъюнктуры по всем типам бизнес-моделей. Результаты расчетов представлены в таблице 8.

Таблица 8 – Оценка потенциального досоздания РВПС при реализации стрессового сценария по различным типам банковских бизнес-моделей

В процентах

Коэффициент	Универсальная (федерального масштаба)	Универсальная (регионального масштаба)	Иностраный арбитраж	Монолайнер	Кредитный агрессор	Без традиционного бизнеса
1	2	3	4	5	6	7
РВПС / Валовый объем ссудной задолженности ЮЛ и ФЛ	6,9	11,1	4,8	16,6	15,2	25,9
Доля просроченной задолженности по кредитам ЮЛ на 01.01.2018	6,4					
Коэффициент резервирования / Доля просроченной задолженности по кредитам ЮЛ	108,3	173,8	75,7	260,0	237,1	404,7
Изменение просроченной задолженности по кредитам ЮЛ, п.п.	5,5					
Изменение РВПС по кредитам ЮЛ, п.п.	6,0	9,6	4,2	14,4	13,1	22,4
Доля кредитного портфеля ЮЛ в совокупном портфеле ЮЛ и ФЛ	74,8	53,8	50,2	63,9	81,9	76,9
Доля просроченной задолженности по кредитам ФЛ на 01.01.2018	7,0					
Коэффициент резервирования / Доля просроченной задолженности по кредитам ФЛ	99,0	158,9	69,2	237,7	216,8	370,0
Изменение просроченной задолженности по кредитам ФЛ, п.п.	6,1					
Изменение РВПС по кредитам ФЛ, п.п.	6,0	9,7	4,2	14,5	13,2	22,5
Доля кредитного портфеля ФЛ в совокупном портфеле ЮЛ и ФЛ	25,2	46,2	49,8	36,1	18,1	23,1
Изменение коэффициента резервирования по совокупному ссудному портфелю ЮЛ и ФЛ, п.п.	6,0	9,6	4,2	14,4	13,1	22,4
Фактический объем РВПС по ссудам ЮЛ и ФЛ на балансе, млн руб.	2 728 178	102 871	110 059	242 527	106 253	56 204

Продолжение таблицы 8

1	2	3	4	5	6	7
Объем РВПС по ссудам ЮЛ и ФЛ к досозданию по стрессовому сценарию, млн руб.	163 699	9 915	4 622	34 967	13 959	12 605

Источник: составлено автором на основе данных [111].

Резюмируя полученные данные по потенциальному обесценению ценных бумаг и досозданию резервов при ухудшении макроэкономических условий, оценим их влияние на результирующие показатели стресс-теста (достаточность и рентабельность капитала), представленные в таблице 9, исходя из предположения о постоянной величине активов под риском.

По результатам проведенного стресс-тестирования можно сделать вывод о том, что одной из наименее устойчивой устойчивых к реализации шоковых сценариев является бизнес-модель монолайнер. Несмотря на приемлемые значения показателей достаточности капитала и рентабельности в докризисный период ($H1.0=11,5\%$, $ROE=10,4\%$), при ухудшении макроэкономической ситуации их значения опускаются до критических минимумов ($H1.0=8,6\%$, ROE составила минус $19,3\%$), что свидетельствует о крайне слабой адаптивной способности и высокой рискованности данного типа бизнес-модели.

Бизнес-модель «кредитный агрессор» изначально характеризовалась как высокорискованная ввиду слабого запаса по достаточности капитала ($H1.0=10,1\%$) и убыточности деятельности (ROE составила минус $7,7\%$), однако влияние стрессового сценария еще больше усугубило ситуацию, в результате чего норматив $H1.0$ упал ниже регулятивного значения, а рентабельность капитала опустилась до минус $37,1\%$, что является наихудшим показателем по всем типам бизнес-моделей и свидетельствует об отсутствии финансовой устойчивости данного типа бизнес-модели.

Таблица 9 – Результаты стресс-тестирования различных групп бизнес-моделей коммерческих банков на 01.01.2018

В миллионах рублей

Риск-факторы	Универсальная (федерального масштаба)		Универсальная (регионального масштаба)		Иностранный арбитраж		Монолайнер		Кредитный агрессор		Без традиционного бизнеса	
	Факт. значение	Значение по итогам стресс-теста	Факт. значение	Значение по итогам стресс-теста	Факт. значение	Значение по итогам стресс-теста	Факт. значение	Значение по итогам стресс-теста	Факт. значение	Значение по итогам стресс-теста	Факт. значение	Значение по итогам стресс-теста
Совокупная величина переоценки ценных бумаг по стрессовому сценарию	-466 452		-29 293		-33 191		-30 077		-9 420		-11 684	
Объем РВПС по ссудам ЮЛ и ФЛ к досозданию по стрессовому сценарию	163 699		9 915		4 622		34 967		13 959		12 605	
Фактическая величина активов под риском (RWA)	61 369 819		1 786 499		4 203 843		2 286 256		1 083 301		630 347	
Капитал	6 597 256	5 967 105	241 535	202 326	724 322	686 509	261 776	196 732	108 980	85 600	138 298	114 009
Финансовый результат	988 847	358 696	28 543	-10 666	95 761	57 948	27 129	-37 915	-8 400	-31 780	-4 899	-29 188
Н1.0, %	10,8	9,7	13,5	11,3	17,2	16,3	11,5	8,6	10,1	7,9	21,9	18,1
ROE, %	15,0	6,0	11,8	-5,3	13,2	8,4	10,4	-19,3	-7,7	-37,1	-3,5	-25,6

Источник: составлено автором по данным [111].

Банки «без традиционного бизнеса» ввиду высокой доли безрисковых активов и большого буфера капитала выдерживают стресс-тестирование, сохраняя значение достаточности собственных средств на высоком уровне (18,1%). Однако большой объем низкодоходных вложений в виде МБК, ценных бумаг и денежных средств обуславливает уязвимость данной группы банков по рентабельности: значение ROE находилось в отрицательной зоне до стресс-теста, а в результате ухудшения параметров внешней среды ROE опустилась ниже 25%. Подобные результаты демонстрируют слабую способность банков к генерации прибыли при недостаточно высоком уровне корпоративного управления вследствие неэффективного размещения средств, что повышает регулятивные риски в отношении кредитных организаций данной бизнес-модели и характеризует ее адаптивные способности как низкие.

Банки с универсальной бизнес-моделью регионального масштаба характеризуются средней финансовой устойчивостью, поскольку реализация стрессового сценария негативно повлияла лишь на рентабельность капитала (ROE снизилась с 11,3% до минус 5,3%), при этом достаточность капитала сохранила адекватное значение (11,3%). Снижение рентабельности по банкам данного типа бизнес-модели, главным образом, обусловлено разовым эффектом от возникновения отрицательной переоценки ценных бумаг.

Приемлемый уровень финансовой устойчивости свойственен и для кредитных организаций с универсальной бизнес-моделью федерального масштаба. Банки данной бизнес-модели обладают достаточной устойчивостью рентабельности капитала, которая несмотря на существенное снижение (на 9 п.п.) осталась в положительной зоне (ROE=6%). Норматив достаточности изначально находился на невысоком уровне (10,8%), а при реализации стрессового сценария его значение снизилось до 9,7%. При этом минимально допустимое значение норматива N1.0 с учетом действующих на 01.01.2018 регулятивных надбавок (в том числе за системную значимость) составляло 10,525%. Ввиду того, что данный тип бизнес-модели состоит в основном из системно значимых банков, в стрессовой ситуации вероятно введение

некоторых послаблений при расчете нормативов достаточности со стороны регулятора для поддержания стабильности всей банковской системы.

Наиболее устойчивыми к влиянию макроэкономических шоков оказались банки бизнес-модели «иностранный арбитраж». Так, средние по группе показатели достаточности и рентабельности капитала продемонстрировали наименьшее падение, сохранив адекватные значения (Н1.0 снизился с 17,2 до 16,3%, ROE – с 13,2% до 8,4%), что свидетельствует о высокой адаптивной способности бизнес-модели данного типа и является результатом эффективно выстроенной системы корпоративного управления и риск-менеджмента (в том числе за счет материнской структуры).

Таким образом, по результатам стресс-тестирования устойчивости банков с различными бизнес-моделями можно считать подтвержденной гипотезу о том, что современные бизнес-модели российских кредитных организаций разделяются на следующие типы, имеющие разную устойчивость и способность адаптации к макроэкономическим шокам: универсальный банк федерального и регионального масштабов, иностранный арбитраж, монолайнер, кредитный агрессор и банк «без традиционного бизнеса» [44].

3.3 Рекомендации по повышению адаптивных способностей бизнес-моделей российских банков и совершенствованию режимов регулирования их деятельности

Повышенная волатильность макроэкономической среды обуславливает необходимость поддержания высокого уровня адаптивности банковских бизнес-моделей, которая выражается в способности проявлять мобильность и гибкость, адекватно реагируя на изменения рыночной ситуации, и позволяет банкам обеспечивать устойчивость своей деятельности. Проведенный анализ и стресс-тестирование выделенных автором бизнес-моделей российских коммерческих банков показали, что все бизнес-модели имеют разные способности адаптации к изменяющимся условиям макросреды.

Так, по мере снижения масштабов бизнеса и значимости кредитных организаций для банковского сектора, бизнес-модели становятся все более подверженными реализации различных видов риска и характеризуются уменьшением адаптивных способностей, что наглядно представлено в таблице 10, где балл 1 означает высокую оценку показателя, 2 – среднюю оценку, 3 – низкую оценку. Оценки показателей определены автором на основе результатов стресс-тестирования, проведенного в п. 3.2.

Рассчитав для каждой бизнес-модели среднюю оценку как среднюю арифметическую всех показателей, определим вид адаптации, характерный для различных банковских бизнес-моделей: при средней оценке от 1 до 1,5 включительно бизнес-модели свойственна проактивная адаптация, от 1,5 до 2 включительно – реактивная адаптация, свыше 2 – пассивная адаптация.

Таблица 10 – Сводная оценка банковских бизнес-моделей по различным группам показателей

Показатель	Универсальная (федерального масштаба)	Универсальная (регионального масштаба)	Иностранный арбитраж	Монолайнер	Кредитный агрессор	Без традиционного бизнеса
Диверсификация бизнеса	1	2	1	3	3	3
Капитал	2	1	1	3	3	1
Активы	1	2	1	2	3	2
Рентабельность	1	1	1	3	3	3
Ликвидность	1	2	2	2	2	1
Качество клиентской базы	1	2	1	2	3	3
Уровень конкурентоспособности	1	2	1	2	3	3
Корпоративное управление	1	2	1	2	3	3
Риск-менеджмент	1	2	1	3	3	3
Подверженность рискам регулирования и надзора	1	1	1	2	3	3
Средняя оценка	1,1	1,7	1,1	2,4	2,9	2,5
Вид адаптации	проактивная	реактивная	проактивная	пассивная	пассивная	пассивная

Источник: составлено автором.

Далее предлагается оценить положительные и отрицательные стороны каждой бизнес-модели в разрезе отдельных факторов, а затем дать

рекомендации по разработке стратегии, направленные на повышение способностей различных типов банковских бизнес-моделей адаптироваться к макроэкономической среде.

Банки с универсальной бизнес-моделью федерального масштаба являются крупнейшими и в большинстве своем системно значимыми игроками банковского рынка, которые обслуживают высококлассных заемщиков и клиентов, имеют значительные масштабы бизнеса и используют передовые IT-технологии. Все это обуславливает высокое качество клиентской базы и значимые конкурентные позиции данной группы кредитных организаций в российском банковском секторе. Предоставляя полный комплекс продуктов и услуг для всех клиентских сегментов, они обеспечивают высокую диверсификацию своего бизнеса.

Финансовые показатели, характеризующие качество активов, рентабельность и ликвидность, находятся на высоких уровнях, что также свидетельствует об адекватном риск-менеджменте и низкой подверженности банков такого уровня регулятивным рискам. Результаты стресс-теста позволяют сделать вывод, что для универсальных банков федерального масштаба характерна проактивная адаптация, подразумевающая принятие опережающих мер и реализующаяся в рамках стратегического управления кредитной организацией.

Однако кредитные организации данной группы имеют уязвимую позицию по капиталу, что обусловлено принятием более высоких рисков относительно величины собственных средств ввиду возложенной на них социальной нагрузки. Кроме того, крупные банки имеют сложную организационную структуру с подразделениями, дублирующими одинаковые функции, что снижает степень прозрачности и эффективности корпоративного управления. Также кредитные организации с универсальной бизнес-моделью федерального масштаба зачастую характеризуются высоким уровнем бюрократизации, негативно влияющим на скорость принятия решений и

обслуживания клиентов, и, как следствие, на лояльность клиентской базы в целом.

Бизнес-модель универсальных банков регионального уровня характеризуется адекватной диверсификацией бизнеса ввиду того, что кредитные организации данной группы являются ведущими игроками одного или нескольких субъектов РФ, где занимают высокую рыночную долю и предоставляют комплексное обслуживание как юридическим, так и физическим лицам. При этом уровень конкурентоспособности региональных игроков является ограниченным, что обусловлено высокой географической концентрацией деятельности на одном регионе. Качество клиентской базы банков, как и качество активов, в основном зависит от особенностей ключевого региона их присутствия: от наличия предприятий различных отраслей, платежной дисциплины заемщиков, уровня доходов населения и т.д. Банки данной группы имеют достаточный запас по капиталу при низкой подверженности рискам регулирования и надзора.

Ограничивающим фактором их деятельности выступает активное фондирование за счет средств физических лиц одного региона, что повышает чувствительность банка к массивному оттоку средств со счетов в случае появления негативной публичной информации о состоянии банковской системы в целом, банков региона или самого банка. Рентабельность капитала кредитных организаций данной бизнес-модели за отчетный период находилась на высоком уровне, однако при реализации стрессового сценария показатель существенно снизился, достигнув отрицательных значений (во многом это было обусловлено существенным объемом отрицательной переоценки ценных бумаг). На этом фоне уровень корпоративного управления и риск-менеджмента оценивается консервативно.

Кроме того, банки данной бизнес-модели зачастую имеют недостаточно высокий уровень IT-обеспечения (ввиду меньшего масштаба деятельности и бюджета по сравнению с федеральными игроками), характеризующийся использованием устаревших АБС, отсутствием электронного

документооборота и слабой автоматизацией кредитного процесса. Таким образом, для банков с универсальной бизнес-моделью регионального уровня характерна адаптация к условиям внешней среды, при которой стратегические изменения вносятся путем оперативного изменения отдельных элементов бизнес-модели, которые позитивно влияют на все ее составляющие и, в то же время, требуют определенных финансовых издержек.

Банки с бизнес-моделью «иностранный арбитраж» отличаются высокой диверсификацией бизнеса и качественной клиентской базой ввиду значительных масштабов деятельности и развитых компетенций на уровне материнских компаний по набору предоставляемых продуктов и качеству обслуживания. Вследствие использования лучших практик и наиболее продвинутых подходов риск-менеджмента банки данной группы поддерживают основные финансовые показатели по активам, капиталу, рентабельности и ликвидности на высоком уровне. По итогам стресс-теста банки с бизнес-моделью «иностранный арбитраж» показали наилучший результат, оставаясь прибыльными и поддерживая приемлемый уровень достаточности капитала, что свидетельствует о принятии менеджментом опережающих мер для поддержания устойчивости в кризисный период и позволяет сделать вывод о проактивном характере адаптации бизнес-модели.

В числе факторов риска «иностранный арбитраж» стоит отметить повышенную зависимость от материнских компаний группы как по финансовым, так и по нефинансовым параметрам, к которым относятся дешевые МБК в пассивах, методики по управлению рисками, IT-обеспечение, ключевые параметры стратегии. При этом в случае реализации геополитических рисков (например, введение санкций) или потери интереса головной компании группы к своей дочерней структуре существует риск сокращения или полного закрытия кредитных организаций данной бизнес-модели.

Банки-монолайнеры имеют узкую специализацию деятельности, связанную с обслуживанием определенной группы клиентов (зачастую

аффилированных с банком), или с развитием одного ключевого продукта / услуги (например, выдача гарантий, розничное кредитование), или с концентрацией бизнеса на одной отрасли (например, финансирование строительной отрасли или отрасли сельского хозяйства). Как следствие, для данной группы банков характерна низкая диверсификация бизнеса, что подвергает банки-монолайнеры рискам регулирования и надзора в случае введения регулятивных новаций в отношении ключевого сегмента деятельности (например, ужесточение требований к рейтингам банков по выдаче гарантий с 1 января 2020 года приведет к закрытию доступа данного сегмента для ряда небольших банков, специализирующихся на гарантийном бизнесе, в результате чего они могут пойти в высокорисковые сегменты бизнеса или добровольно сдать лицензию).

На фоне слабых показателей качества активов клиентскую базу монолайнеров нельзя оценить как первоклассную (в целом, качество клиентской базы подобных банков зависит от специфики их деятельности). Уровень конкурентоспособности банков указанного типа бизнес-модели является средним ввиду того, что они уступают рассмотренным выше типам по масштабам бизнеса, качеству IT-обеспечения, корпоративного управления, но при этом имеют свои узкие ниши, в которых могут являться лидерами.

Ликвидная позиция кредитных организаций данной группы отличается повышенной концентрацией пассивов на одном кредиторе / источнике, а также зависимостью от рынка МБК (банки-монолайнеры выступают нетто-кредиторами). Показатели достаточности капитала и рентабельности банков-монолайнеров имеют приемлемые значения на отчетную дату, однако по результатам стресс-теста наблюдается их слабая устойчивость к реализации рисков ухудшения условий макросреды. Таким образом, ввиду недостаточно эффективного риск-менеджмента банки данной бизнес-модели прибегают к пассивной адаптации, представляющей собой эволюционный процесс приспособления, при котором все изменения в бизнес-модели протекают медленно и снижают уровень сопротивления воздействию внешних условий.

Бизнес-модель «кредитный агрессор» характеризуется проведением рискованной кредитной политики, при которой длинные активы (инвестиционные кредит ЮЛ) фондируются короткими пассивами (депозиты ФЛ), что ослабляет их ликвидную позицию. Ввиду отсутствия существенных конкурентных преимуществ на фоне желания повысить свои доходы банки данной бизнес-модели применяют лояльные подходы к отбору клиентов, что свидетельствует о неудовлетворительном качестве риск-менеджмента, приводит к высокому уровню дефолтности активов и обуславливает критическую нагрузку на капитал и рентабельность. Крайне слабый запас достаточности собственных средств повышает уязвимость кредитных агрессоров к регулятивным рискам (в частности, нарушения нормативов Н1.0, Н1.1 или Н1.2) в случае ухудшения финансового положения одного или нескольких крупных заемщиков или получения предписания Банка России по досозданию существенной величины резервов.

Стоит отметить, что банки данной группы характеризовались слабой финансовой устойчивостью еще до проведения стресс-теста, а при реализации кризисного сценария проблемы с капиталом и рентабельностью еще больше усугубились, что свидетельствует о недостаточно высоком уровне корпоративного управления, в результате которого нововведения в банках данного типа бизнес-модели осуществляются постепенно, без дополнительных денежных инвестиций и занимают продолжительное время. То есть кредитные агрессоры придерживаются пассивной адаптации.

Банки «без традиционного бизнеса» характеризуются отсутствием явно выраженной специфики деятельности ввиду низкой доли традиционного кредитования и размещения существенной части активов в высоколиквидные, но низкодоходные активы в виде остатков на корп. счетах, МБК, ценных бумаг. Вследствие низкой величины активов под риском показатели капитала и ликвидности находятся на избыточном уровне. Кроме того, неэффективное размещение средств приводит к убыточности и крайне слабой операционной эффективности деятельности банков «без традиционного бизнеса».

Эффективность риск-менеджмента данного типа бизнес-модели оценивается как низкая исходя из текущего качества активов и слабой результативности кредитной политики.

Крайне узкая клиентская база банков «без традиционного бизнеса» и ее невысокое качество обуславливают незначительные конкурентные позиции данного типа бизнес-модели. Ввиду высокой неопределенности стратегического развития в отношении бизнес-модели банков «без традиционного бизнеса» существенно возрастают риски вовлечения в проведение сомнительных операций, что требует повышенных издержек для обеспечения надлежащего уровня системы внутреннего контроля. По итогам стресс-теста запас норматива достаточности собственных средств банков «без традиционного бизнеса» сохранился на высоком уровне вследствие низкого объема принимаемых рисков, а значение рентабельности капитала приняло еще более отрицательное значение, что говорит о пассивном характере адаптации данного типа бизнес-модели.

Далее на основе выявленных по результатам стресс-теста уязвимых областей различных типов банковских бизнес-моделей предлагается разработать ряд рекомендаций, способствующих повышению адаптивности бизнес-моделей. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо сформировать специализированное подразделение, которое будет обеспечивать организацию и реализацию процесса адаптации банковских бизнес-моделей. Сотрудники данного подразделения должны обладать развитыми компетенциями в части макроэкономического анализа и прогнозирования, эконометрического моделирования и глубокими знаниями в области банковского дела. При этом для банков универсальной бизнес-модели федерального масштаба целесообразным является распределение соответствующих полномочий между действующими подразделениями для того, чтобы не нагружать и без того сложную организационную структуру.

Кроме того, результаты проведенного исследования могут быть использованы банками для формирования стратегий с целью повышения

адаптивных способностей своих бизнес-моделей. Стратегическое обеспечение банка должно разрабатываться совместно с подразделением, отвечающим за адаптацию банковских бизнес-моделей, с учетом возможного изменения условий макроэкономической среды. В частности, в стратегию банка необходимо заложить систему индикаторов риск-факторов внешней среды применительно к каждому конкретному типу бизнес-модели и на основе системы прогнозирования изменений во внешней среде проводить регулярный мониторинг подверженности банковской бизнес-модели влиянию данных факторов на ежеквартальной основе.

Исходя из выявленных на основе стресс-теста уязвимых областей бизнес-моделей коммерческих банков автором предлагается сформировать определенный перечень универсальных риск-факторов, особенности которых необходимо учитывать при составлении стратегии любой бизнес-модели банка, а также специализированных факторов, которые будут являться значимыми для каждого конкретного типа бизнес-модели. Результирующие данные приведены в таблице 11. Стоит отметить, что предлагаемый набор индикаторов не является закрытым и может конкретизироваться и расширяться с учетом особенностей бизнес-модели каждого конкретного коммерческого банка.

Результаты анализа параметров риск-факторов внешней среды должны представляться на рассмотрение Правления банка, а в случае критической ситуации – Совету Директоров, которые будут принимать решения по корректировке бизнес-модели в случае возникновения такой необходимости.

Таким образом, разработка и ежегодная актуализация стратегии, направленной на минимизацию негативного влияния факторов макроэкономической среды на результаты деятельности коммерческих банков и способствующей сохранению их финансовой устойчивости в случае реализации негативных сценариев развития, позволит увеличить адаптивные способности бизнес-моделей российских коммерческих банков [43].

Таблица 11 – Система риск-факторов, предлагаемых к имплементации в стратегии различных банковских бизнес-моделей

Тип бизнес-модели		Универсальные риск-факторы	Специализированные риск-факторы
1		2	3
Универсальная (федерального масштаба)		<p>1) Экономического характера:</p> <ul style="list-style-type: none"> – темпы экономического роста; – динамика инфляции; – динамика цены на нефть; – динамика среднегодового курса доллара к рублю; – динамика индекса производительности труда; – динамика доли просроченной задолженности по кредитам. <p>2) Особенности банковского надзора:</p> <ul style="list-style-type: none"> – динамика ключевой ставки Банка России; – требования по резервированию; – требования по соблюдению обязательных нормативов. <p>3) Политического характера:</p> <ul style="list-style-type: none"> – политика государства в отношении банковской деятельности, ответственности бизнеса перед обществом, к национальному хозяйству и его отдельным отраслям; – особенности системы налогообложения. <p>4) Инфраструктура финансового рынка:</p> <ul style="list-style-type: none"> – внедрение новых информационных технологий; – анализ конкурентной среды – выявление сильных и слабых стороны на основе реер-анализа сопоставимых банков; – изменение потребностей клиентов. 	<ul style="list-style-type: none"> – санкционные риски; – повышенные регулятивные требования (по нормативам достаточности капитала и ликвидности); – увеличение социальной нагрузки ввиду высокой значимости для экономики.
Универсальная (регионального масштаба)			<ul style="list-style-type: none"> – особенности развития экономики ключевого региона (динамика ВВП и доходов населения, структура бюджета); – состояние и меры господдержки сегмента МСБ в регионе.
Иностраный арбитраж			<ul style="list-style-type: none"> – стратегические цели и требования материнской структуры; – необходимость соблюдения санкционной политики, принятия материнской структурой.
Монолайнер	Розничный бизнес		<ul style="list-style-type: none"> – динамика потребительского спроса на товары и услуги; – динамика реальных располагаемых доходов населения; – политика регулятора по надбавкам к коэффициентам рисков по потребительским кредитам.
	Автокредиты		<ul style="list-style-type: none"> – динамика реальных располагаемых доходов населения; – динамика цен на автомобили; – объемы и сроки государственной программы субсидирования ставок по автокредитам.
	Гарантии		<ul style="list-style-type: none"> – риск снижения кредитного рейтинга
Кредитный агрессор			<ul style="list-style-type: none"> – состояние различных отраслей экономики и мер по их господдержке (жилищное строительство, сельское хозяйство и прочее); – динамика ставки отчисления взносов в Ассоциацию страхования вкладов (АСВ).
Без традиционного бизнеса			<ul style="list-style-type: none"> – динамика маржинальности бизнеса; – особенности контроля со стороны регулятора в сфере ПОД/ФТ; – мониторинг состояния рынков кредитования (корпоративного, розничного, автокредитования), гарантийного бизнеса и прочих сегментов с целью поиска альтернативных вариантов развития.

Источник: составлено автором.

Вместе с тем, полученные результаты исследования, на наш взгляд, могут быть использованы в регулировании деятельности коммерческих банков со стороны Банка России. На текущий момент для российской банковской системы характерна система пропорционального регулирования и надзора, особенностью которой является предъявление различных требований к кредитным организациям, которые в зависимости от масштабов бизнеса подразделяются на системно-значимые банки, банки с универсальной (величина собственного капитала более 1 млрд руб.) и с базовой лицензией (величина собственного капитала более 300 млн руб., но не более 3 млрд руб.). Однако, по нашему мнению, данная практика не позволяет полностью учесть институциональные особенности российской банковской системы, в результате чего к некоторым банкам предъявляются излишне жесткие требования, а к некоторым более лояльные, не учитывающие риски, характерные для различных бизнес-моделей. В связи с этим предлагается рассмотреть возможность изменения системы регулирования банковской деятельности, которая предполагает применение мер дифференцированного надзора в зависимости от типа бизнес-модели коммерческого банка. С учетом выявленных особенностей различных типов банковских бизнес-моделей автором разработан ряд рекомендаций для Банка России по регулированию деятельности кредитных организаций.

Для универсальной бизнес-модели федерального масштаба целесообразным является ограничение демпинга на рынке кредитования за счет введения показателя базового уровня доходности кредитов (аналогично базовому уровню доходности вкладов, БУДВ) в разрезе кредитов ЮЛ, потребительских кредитов, автокредитов, ипотечных кредитов, рассчитываемого как средняя арифметическая величина ставки из минимальных процентных ставок за предыдущий месяц по соответствующим кредитам в банках, которые выдали в предыдущем месяце в совокупности две трети от общего объема соответствующих кредитов в банках РФ. В свою очередь, за нарушение устанавливаемого показателя базового уровня

доходности кредитов предлагается применять санкции в виде денежных штрафов или повышенных взносов в АСВ. Банки данной бизнес-модели зачастую используют ценовые методы конкурентной борьбы в целях привлечения и удержания лучших клиентов, что оказывает давление на их прибыль и рентабельность и, как следствие, на величину капитала. Введение базового уровня доходности кредитов позволит не только улучшить показатели капитализации банков данной бизнес-модели, но и развить неценовые методы конкуренции, что будет способствовать повышению качества предоставляемых услуг.

Кроме того, на банки универсальной бизнес-модели федерального масштаба ввиду их высокой системной и социальной значимости возложены определенные задачи по развитию экономики, подразумевающие кредитование и обслуживание стратегических предприятий, которые не всегда отличаются хорошим финансовым положением, что в свою очередь, может оказывать давление на капитал банков через объем формируемых резервов. В связи с этим, по нашему мнению, для банков данной бизнес-модели необходимо ввести определенные послабления при расчете нормативов достаточности капитала в виде снижения коэффициентов риска по кредитам стратегически значимым предприятиям и/или использования рассрочек при формировании РВПС, которые позволили бы смягчить негативный эффект в отношении величины капитала банков.

Деятельность банков с универсальной бизнес-моделью регионального масштаба может иметь определенные различия в зависимости от специфики региона, в котором функционирует тот или иной банк, что затрудняет применение унифицированных мер регулирования к банкам данной бизнес-модели. В целях определения необходимых регулятивных норм в отношении банков универсальной бизнес-модели регионального масштаба необходимо формирование независимой комплексной оценки, выражающейся в кредитном рейтинге одного из российских аккредитованных рейтинговых агентств. На наш взгляд, введение обязательной рейтинговой оценки для банков данного

типа бизнес-модели позволит применять дифференцированный подход в зависимости от рейтинговой категории кредитной организации, учитывающей, в том числе, особенности экономической ситуации ключевого для банка региона.

Также стоит отметить, что универсальные банки регионального масштаба играют значимую роль в развитии экономики региона, в котором они функционируют, что выражается в кредитовании и предоставлении гарантий ключевым предприятиям, являющимся в основном компаниями среднего и малого бизнеса (МСБ). Ввиду этого Банком России уже введен пониженный коэффициент риска при расчете нормативов достаточности капитала по кредитам МСБ (75%), оцениваемым на портфельной основе. Однако универсальные банки регионального масштаба в основном оценивают ссуды малому и среднему бизнесу на индивидуальной основе, в связи с чем, по нашему мнению, требуется введение пониженного коэффициента риска по кредитам МСБ, оцениваемым как на индивидуальной, так и на портфельной основе.

Данное мнение разделяет и Банк России: в частности, до конца 2019 года регулятор планирует установить пониженный коэффициент риска в 85% по требованиям к субъектам малого и среднего предпринимательства, оцениваемым на индивидуальной основе, и относящимся к I или II категории качества в соответствии с Положением Банка России № 590-П и не имеющим просроченной задолженности по платежам [84]. При этом в качестве дальнейших шагов по снижению давления на капитал универсальных банков регионального масштаба предлагается оптимизировать подход к резервированию по кредитам субъектов МСБ (в рамках внесения изменений в Положение № 590-П) и увеличить пороговую сумму кредита МСБ для включения в перечень однородных ссуд, по которым применяется пониженный коэффициент риска. По нашей оценке, введение указанных послаблений позволит банкам данного типа бизнес-модели улучшить свои позиции по капиталу и рентабельности.

В отношении банков с бизнес-моделью «иностранный арбитраж», на наш взгляд, необходимо мотивировать их ограничивать привлечение фондирования со стороны материнских структур и диверсифицировать свою ресурсную базу в целях снижения влияния геополитических и стратегических рисков. Для этого представляется возможным введение обязательного банковского резервирования обязательств перед кредитными организациями-нерезидентами, являющимися материнскими структурами банков с указанной бизнес-моделью. Кроме того, в целях укрепления капитализации бизнес-модели «иностранный арбитраж» и снижения объема вывоза капитала за границу, что является особенно актуальным для российской экономики, предлагается ограничить размер выплачиваемых ими дивидендов материнским структурам.

В отношении банков-монолайнеров, деятельность которых характеризуется повышенной концентрацией на каком-либо одном направлении бизнеса, предлагается ввести новый норматив, рассчитываемый на ежемесячной основе и позволяющий контролировать степень диверсификации бизнеса – индекс Херфиндаля-Хиршмана по активам (6), приходящимся на различные сегменты бизнеса (крупные корпоративные кредиты, кредиты МСБ, ипотека, автокредиты, потребительские кредиты, выданные гарантии, кредиты, предоставленные органам власти, МБК, ценные бумаги, прочие активы):

$$\text{НИ} = S_1^2 + S_2^2 + \dots + S_n^2, \quad (6)$$

где S_1, S_2, S_n – доли сегментов бизнеса (в %), определяемые как отношение объема сегмента к совокупной величине активов.

Однако вводить данный норматив стоит поэтапно, начиная с максимального значения в 60-70%, постепенно ужесточая требования к банкам по данному нормативу (цель – достижение показателя на уровне не более 30-40%).

Ввиду того, что некоторые банки-монолайнеры характеризуются кэптивным бизнесом и формально соблюдают действующий норматив

максимального риска на связанное с банком лицо (норматив Н25), ставя при этом под угрозу интересы кредиторов и вкладчиков, предлагается изменить подход расчета данного норматива. В частности, при расчете норматива Н25 банки используют величину чистого кредитного риска за вычетом резервов, при этом ряд игроков может занижать данный показатель, относя кредиты связанным сторонам в более низкие категории качества и формируя по ним максимально возможный резерв в рамках данной категории. В целях отражения реальной величины финансирования бизнеса собственников, на наш взгляд, для подобных случаев стоит использовать валовую величину кредита и соотносить ее с величиной капитала, что позволит ограничить кредитование связанных сторон.

Поскольку деятельность банков с бизнес-моделью «кредитный агрессор» характеризуется высокорисковой кредитной политикой, необходимо ограничить объемы выдаваемых ими инвестиционных кредитов путем ужесточения расчета нормативов достаточности капитала. В частности, предлагается поэтапное увеличение коэффициентов риска до 150% по финансированию инвестиционных проектов и строительства на ранних этапах, кредитования стартапов и прочему рискованному кредитованию. Ввиду того, что фондирование подобных операций «кредитные агрессоры» осуществляют в основном за счет средств физических лиц необходимо повысить базовую ставку взносов в АСВ до 0,5% по депозитам ФЛ, не аффилированных с банком, с целью снижения зависимости пассивной базы «кредитных агрессоров» от средств населения и повышения устойчивости их деятельности.

Банки с бизнес моделью «без традиционного бизнеса» ввиду отсутствия существенных источников процентных и комиссионных доходов могут прибегать к проведению сомнительных операций на РКО, валютно-обменных и кассовых операций, которые, на наш взгляд, требуют повышенного контроля со стороны Банка России. В целях усиления контроля рисков ПОД/ФТ необходимо ввести ряд индикаторов по наличному и безналичному

денежному обороту (в частности, динамику соотношения оборотов по счету 407 к активам, отношение оборотов по счетам 20202 и 20209 к активам, долю кассы в активах, анализ операций по отдельным символам кассы, среди которых наиболее пристальное внимание уделять операциям по выдаче и внесению наличных предприятиями повышенного уровня риска, например, торговля металлическим ломом, туристические операторы и ряд других отраслей) и осуществлять их мониторинг на ежемесячной основе. Кроме того, необходимо контролировать динамику расходов банков данной бизнес-модели (в особенности на ИТ, рекламу, охрану, консалтинг и т.д.), через реализацию которых они могут выводить свои активы. Для того, чтобы стимулировать банки «без традиционного бизнеса» наращивать доходную базу активов и, как следствие, улучшить свои позиции по рентабельности, предлагается ввести для них индекс Херфиндаля-Хиршмана, особенности расчета которого описаны ранее.

Итак, оценив адаптивные способности различных типов банковских бизнес-моделей автором был разработан и обоснован комплекс рекомендаций, выполнение которых позволит коммерческим банкам оперативно адаптировать свои бизнес-модели к изменяющейся конъюнктуре макросреды, сохраняя финансовую устойчивость деятельности даже в кризисных условиях. В свою очередь, предложенные меры по совершенствованию регулирования деятельности коммерческих банков в зависимости от типа бизнес-модели, на наш взгляд, позволит повысить эффективность и устойчивость российской банковской системы в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные макроэкономические условия требуют разработки коммерческими банками комплексных бизнес-моделей, предусматривающих развитие и перестройку организационных структур, систем управления рисками, внедрение современных способов обслуживания клиентов, отвечающих лучшим международным стандартам банковской деятельности и состоянию внешней среды. Решение данной задачи невозможно без углубленного рассмотрения теоретической стороны указанного вопроса, поскольку до настоящего времени в экономической науке не сложилось единого подхода к определению понятия «бизнес-модель коммерческого банка», не проработаны отдельные элементы банковских бизнес-моделей и их взаимосвязь.

Понятие бизнес-модели как для российской, так и международной практики является относительно новым: повышенный интерес к вопросу стал проявляться среди исследователей лишь с начала 2000-х годов на волне развития информационных технологий. Изучив различные точки зрения зарубежных и российских ученых на понятие бизнес-модели, при использовании комплексного подхода, включающего внутренние бизнес-процессы и взаимосвязь с внешней средой, и с учетом особенностей деятельности кредитных организаций автором было сформировано определение бизнес-модели применительно к коммерческим банкам. Под банковской бизнес-моделью следует понимать систему ресурсов, менеджмента, бизнес-деятельности и результатов, направленную на удовлетворение потребностей клиентов и извлечение экономических выгод из проводимых операций.

Как следует из определения бизнес-модели коммерческого банка, ее основными элементами выступают блок бизнес-процессов, состоящий из обеспечения бизнеса, менеджмента и бизнес-деятельности, а также блок результатов. Блок бизнес-процессов выступает в качестве объективной основы

бизнес-модели любого коммерческого банка и представляет собой совокупность взаимосвязанных мероприятий по обеспечению банковского бизнеса, управлению кредитной организацией и непосредственно реализации банковской деятельности, направленных на создание банковского продукта или услуги для клиентов. В свою очередь, блок результатов характеризует эффективность организации бизнес-деятельности и системы менеджмента банка и включает в себя финансовые составляющие такие, как прибыль или убыток, полученный за определенный период, и нефинансовые КПЭ в виде целевых значений по продуктовой или региональной доле на банковском рынке, темпам роста активов, выходу на новые рынки. Вместе с тем, существенную роль в формировании бизнес-модели оказывают и внешние факторы, которые опосредованно влияют на гудвилл банка (например, лояльность клиентов, взаимодействие с регулятором, публичная деловая репутация и т.д.). Необходимо добавить, что определенные автором в диссертационном исследовании составляющие бизнес-модели не являются универсальными для всех коммерческих банков и могут корректироваться в зависимости от их особенностей.

В целях проведения оценки бизнес-моделей коммерческих банков на основе метода бенчмаркинга, позволяющего осуществлять исследования по группам аналогичных банков, автором был сделан вывод о необходимости классификации банковских бизнес-моделей. Изучение немногочисленных результатов научно-исследовательских работ в данной области показало, что существующие классификации являются недостаточно актуальными ввиду их неполного соответствия институциональной структуре и текущему состоянию российского банковского сектора. В результате автором была выдвинута гипотеза о разной степени устойчивости и способности адаптации к макроэкономическим шокам банков с различными бизнес-моделями: универсальная бизнес-модель федерального (активы более 250 млрд руб.) и регионального уровня (активы менее 250 млрд руб.), иностранный арбитраж, монолайнер, кредитный агрессор и банк «без традиционного бизнеса».

Одним из ключевых свойств эффективной бизнес-модели банка, по нашему мнению, является гибкость, позволяющая превентивно реагировать на изменения внешней среды путем внесения необходимых корректировок в отдельные элементы бизнес-процессов. При этом способность бизнес-моделей коммерческих банков приспосабливаться к новым условиям макроэкономической среды зависит, прежде всего, от понимания основных факторов, оказывающих непосредственное влияние на будущее банковского сектора. Проанализировав современные тенденции развития банковского рынка, автором были выделены следующие ключевые области изменений, под воздействием которых будут трансформироваться бизнес-модели коммерческих банков в среднесрочной перспективе: изменения в регулировании деятельности банков, диджитализация банковского сектора, ужесточение конкуренции, изменение поведения клиентов, а также динамичность и непредсказуемость экономики. Последний фактор, по нашему мнению, является ключевым.

Внешние факторы оказывают непосредственное влияние на все типы бизнес-моделей, однако последствия такого воздействия могут различаться в зависимости от способностей адаптации различных банковских бизнес-моделей к меняющимся условиям внешней среды. В связи с этим проблема адаптации бизнес-моделей кредитных организаций становится центральной. Однако до настоящего времени решение данного вопроса не получило должной проработки ни в отечественной, ни в зарубежной теориях и, как следствие, не реализовано в полной мере на практике.

В целях развития теоретических и практических аспектов адаптации банковских бизнес-моделей к неопределенности внешнего окружения автором были изучены и обобщены подходы к определению адаптации, уточнена ее сущность в отношении банковских бизнес-моделей на основе выявления видов (превентивная, активная и пассивная), форм (комплексная и локальная), функциональных сфер (сфера обеспечения банковского бизнеса, управленческая сфера, сфера бизнес-деятельность банка и результативная

сфера) и методов (комплекс мероприятий, позволяющих банку приспособиться к изменяющимся условиям макросреды). С учетом выявленных признаков автор предлагает определять адаптацию банковских бизнес-моделей как способность коммерческих банков приспособливать свои бизнес-процессы к изменяющимся условиям внешней среды в целях поддержания финансовой устойчивости своей деятельности.

Финансовая устойчивость выступает своеобразным индикатором доверия общества к банкам и банковской системе в целом и является динамической характеристикой жизнеспособности бизнес-моделей кредитных организаций, то есть такого сочетания эффективности, рискованности и адаптивности, которое характеризует способность банков осуществлять бесперебойный процесс своего функционирования. Автором был проведен сравнительный анализ различных методик оценки финансовой устойчивости коммерческих банков (CAMELS, RATE, Методика Банка России и Методика «Эксперт РА»), которые различаются в зависимости от широты спектра используемой для анализа информации, круга оцениваемых показателей в рамках изучения примерно одних и тех же компонентов (капитал, активы, ликвидность, рентабельность), расстановкой приоритетов при анализе (финансовое состояние или чувствительность к рискам).

Вместе с тем, ввиду недостаточного учета в данных методиках качественных параметров деятельности банков автором были предложены дополнения, заключающиеся в необходимости углубленного анализа деловой репутации банка, его собственников и менеджмента, качества IT-обеспечения, риск-менеджмента и корпоративного управления. По нашему мнению, именно всесторонняя оценка модели банковского бизнеса позволяет оперативно выявить факторы, свидетельствующие о необходимости внесения изменений в бизнес-модель.

Для того, чтобы определить способность адаптации бизнес-моделей кредитных организаций к изменяющимся условиям внешней среды, автором предложено использование метода стресс-тестирования. В рамках

диссертационного исследования были определены и охарактеризованы основные элементы, виды и принципы стресс-тестов, а также рассмотрены особенности проведения стресс-тестирования банковских бизнес-моделей надзорными органами различных стран (Банк Англии, ФРС США, Банк Японии, Банк России) и ведущими международными организациями (ЕЦБ, МВФ). В результате проведенного анализа был получен вывод о значимости стресс-тестирования для определения адаптивных способностей банковских бизнес-моделей, поскольку оно позволяет оценить их устойчивость и возможности приспособляться к стрессовым сценариям, выявить и ранжировать ключевые риски бизнес-моделей, а также разработать план антикризисных мер на будущее в случае неуспешного прохождения банком стресс-теста.

В целях проверки выдвинутой гипотезы автором была проведена экспресс-оценка финансовых и нефинансовых параметров каждой кредитной организации российского банковского сектора по состоянию на начало 2018 года с последующим отнесением в один из типов бизнес-моделей. По результатам анализа было выявлено, что 85% активов банковского сектора приходится на кредитные организации с универсальной бизнес-моделью федерального масштаба (14 банков), 6,3% активов – на бизнес-модель «иностранный арбитраж» (39 банков), 3,4% активов – на банки-монолайнеры (70 банков), 2,7% активов – на кредитные организации с универсальной бизнес-моделью регионального масштаба (30 банков), 1,6% активов – на кредитных агрессоров (74 банка) и 0,9% – на банки «без традиционного бизнеса» (152 банка). Полученное распределение российских банков по типам бизнес-моделей является неравномерным вследствие большого количества игроков без явно выраженной специфики деятельности при низкой рентабельности, а также ввиду повышенной концентрации активов банковского сектора на крупнейших кредитных институтах.

Следующим этапом проверки гипотезы являлась оценка основных свойств каждой из групп бизнес-моделей по агрегированным данным

входящих в них банков как по финансовым показателям (структура баланса и основные коэффициенты по капиталу, активам, рентабельности и ликвидности), рассчитанных с помощью базы данных Orbis Bank Focus, так и по нефинансовым параметрам (клиентская база, корпоративное управление, подверженность регулятивным рискам, IT-обеспечение и т.д.). Полученные результаты позволили подтвердить обоснованность предложенной автором классификации бизнес-моделей российских коммерческих банков.

В целях определения устойчивости выделенных автором типов бизнес-моделей коммерческих банков было проведено их стресс-тестирование с учетом некоторых допущений. Стресс-тест заключался в определении влияния обесценения отдельных статей баланса (портфеля ценных бумаг и кредитного портфеля юридических и физических лиц) при ухудшении макроэкономических параметров на показатели достаточности собственных средств и рентабельности капитала банков различных групп бизнес-моделей. С целью проведения комплексного стресс-теста автором разработаны статистические модели, определяющие зависимость темпов прироста просроченной задолженности юридических и физических лиц от изменения динамики набора макроэкономических показателей (ключевой ставки Банка России, темпов экономического роста, индекса производительности труда, инфляции).

По результатам стресс-тестирования наибольшую устойчивость и способности к адаптации продемонстрировали универсальная бизнес-модель федерального масштаба и иностранный арбитраж, средний уровень – универсальная бизнес-модель регионального масштаба, низкий уровень – банки-монолайнеры, кредитные агрессоры и банки «без традиционного бизнеса». Таким образом, автором доказана выдвинутая в диссертационном исследовании гипотеза, а также выявлено, что по мере снижения масштабов бизнеса и значимости кредитных организаций для банковского сектора, бизнес-модели становятся все более подверженными реализации различных видов риска и характеризуются уменьшением адаптивных способностей.

Полученные результаты исследования могут быть использованы банками для формирования своих стратегий с целью повышения способностей бизнес-моделей адаптироваться к условиям внешней среды. В частности, стратегия должна учитывать изменение внешних условий на основе мониторинга и прогнозирования заложенных в нее параметров макросреды, на которые ориентируется банк в своей деятельности. Для этой цели необходимо разработать систему индикаторов факторов риска применительно к конкретному банку и проводить регулярный анализ подверженности банковской бизнес-модели указанным факторам на основе использования систем прогнозирования изменений во внешней среде. При этом автором предложена система риск-факторов для каждого типа бизнес-моделей, состоящая как из универсальных индикаторов (экономического и политического характера, особенностей банковского надзора и инфраструктуры финансового рынка), так и из специализированных индикаторов, учитывающих характерные особенности различных бизнес-моделей. В целях реализации данного комплекса мер следует сформировать специализированное подразделение, обеспечивающее организацию и реализацию процесса адаптации, или распределить соответствующие полномочия между действующими подразделениями банка.

Вместе с тем, на основе проведенной автором оценки адаптивных способностей различных типов банковских бизнес-моделей сформированы рекомендации для Банка России по совершенствованию регулирования деятельности кредитных организаций. В частности, предлагается перейти от системы пропорционального регулирования (т.е. в зависимости от масштаба бизнеса банка – СЗКО, банки с универсальной и базовой лицензией) к регулированию в зависимости от типа банковской бизнес-модели, что позволит повысить дифференцированность и качество надзора. При этом для каждого типа бизнес-модели автором разработан комплекс дополнительных мер регулятивного характера, среди которых выделяются:

– для универсальной бизнес-модели федерального масштаба: ограничение демпинга за счет введения базового уровня доходности кредитов (аналогично БУДВ), введение послаблений при расчете нормативов достаточности капитала (снижение коэффициентов риска по кредитам стратегически значимым предприятиям, использование рассрочек при формировании РВПС);

– для универсальной бизнес-модели регионального масштаба: получение кредитного рейтинга в обязательном порядке в целях формирования независимой комплексной оценки, введение послаблений при расчете нормативов достаточности капитала и формировании РВПС по кредитам МСБ, оцениваемым в том числе на индивидуальной основе;

– для бизнес-модели «иностраный арбитраж»: введение/повышение взносов в ФОР по привлеченным средствам от материнских банков, ограничение размера выплаты дивидендов с целью снижения объема вывоза капитала;

– для бизнес-модели «монолайнер»: введение нового норматива, рассчитываемого на ежемесячной основе, – индекса Херфиндаля-Хиршмана, ужесточение расчета H25 в части учета валовой стоимости кредита, а не очищенной от РВПС;

– для бизнес-модели «кредитный агрессор»: ужесточение расчета нормативов достаточности капитала (увеличение коэффициентов риска по инвестиционным проектам и прочему рискованному кредитованию), повышение ставки взноса в АСВ по депозитам физических лиц;

– для бизнес-модели «банк без традиционного бизнеса»: усиление контроля рисков ПОД/ФТ (введение новых индикаторов по наличному и безналичному денежному обороту; контроль расходов банка, в частности, на IT, рекламу, охрану и прочее в целях недопущения вывода активов), введение нового норматива, рассчитываемого на ежемесячной основе, – индекса Херфиндаля-Хиршмана.

Реализация предложенного комплекса мер по повышению адаптивных способностей выделенных типов банковских бизнес-моделей и изменению режимов регулирования их деятельности позволит кредитным организациям снизить уровень принимаемых рисков, проявлять мобильность и гибкость, адекватно реагируя на изменения рыночной ситуации, и обеспечивать устойчивость своей деятельности даже в кризисных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Нормативные правовые акты**

1. Российская Федерация. Законы. О банках и банковской деятельности : Федеральный закон № 395-1-ФЗ [принят Председателем Верховного Совета РСФСР 2 декабря 1990 года]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842. (дата обращения 02.09.2018).

2. Российская Федерация. Законы. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федеральный закон № 86-ФЗ [принят Государственной думой 27 июня 2002 года]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570. (дата обращения: 11.06.2018).

3. Российская Федерация. Законы. О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы [указание Банка России от 15 апреля 2015 г. № 3624-У]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180268. (дата обращения: 15.11.2018).

4. Российская Федерация. Законы. Об оценке экономического положения банков [указание Банка России от 3 апреля 2017 г. № 4336-У]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217168. (дата обращения: 24.09.2018).

5. Российская Федерация. Законы. О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности [положение Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П]. – Справочно-правовая система

«Консультант плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220089. (дата обращения: 27.10.2018).

6. Российская Федерация. Законы. Об обязательных нормативах банков [инструкция Банка России от 28 июня 2017 г. № 180-И]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220206. (дата обращения: 02.07.2019).

7. Российская Федерация. Законы. О методических рекомендациях по разработке кредитными организациями планов восстановления финансовой устойчивости [письмо Банка России от 29 декабря 2012 г. № 193-Т]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Текст : электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140872. (дата обращения: 02.06.2019).

Книги, учебники, монографии

8. Адизес, И.К. Управление жизненным циклом корпораций / И.К. Адизес ; перевод с английского В. Кузина. – Москва : Манн, Иванов и Фарбер, 2014. – 500 с. – ISBN 978-5-00057-151-4.

9. Бурцева, В.В. Словарь иностранных слов / [Ответственные редакторы В.В. Бурцева, Н.М. Семенова]. – Москва : Дрофа, 2003. – 818 с. – ISBN 5-9576-0005-9.

10. Гонтарева, И.И. Математика и кибернетика в экономике: словарь-справочник / И.И. Гонтарева, М.Б. Немчинова, А.А. Попова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Экономика, 1975. – 700 с. – ISBN отсутствует.

11. Гончаров, В.Н. Адаптация промышленных предприятий к научно-техническим новшествам / В.Н. Гончаров. – Киев : Техника, 1993. – 132 с. – ISBN 5-335-01236-6.

12. Гусаков, В.А. Ясная стратегия бизнеса / В.А. Гусаков. – Москва : Вершина, 2009. – 352 с. – ISBN 978-5-9626-0537-1.

13. Гусев, Ю.В. Стратегическое управление / Ю.В. Гусев. – Новосибирск : Издательство НГАЭиУ, 1995. – Часть 1. – 118 с. – ISBN 5-7014-0038-7.

14. Елисеева, И.И. Эконометрика: учебник для магистров / И.И. Елисеева ; под редакцией И.И. Елисеевой. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 449 с. – ISBN 978-5-9916-3202-7.

15. Исаев, Р.А. Банковский менеджмент и бизнес-инжиниринг / Р.А. Исаев. – Москва : ИНФРА-М, 2011. – 400 с. – ISBN 978-5-16-004926-7.

16. Козловский, В.А. Микроэкономические основы организации адаптивного производства: конспект лекций / В.А. Козловский, В.В. Кобзев, Н.Т. Савруков. – Санкт-Петербург : Политехника, 1998. – 52 с. – ISBN отсутствует.

17. Котельников, В.Ю. Новые бизнес-модели для новой эпохи быстрых перемен, движимых инновациями / В.Ю. Котельников. – Москва : Эксмо, 2007. – 96 с. – ISBN 978-5-699-14263-7.

18. Лаврушин, О.И. Новые модели банковской деятельности в современной экономике: монография / коллектив авторов; под редакцией О.И. Лаврушина. – Москва : КноРус, 2015. – 166 с. – ISBN 978-5-406-03776-8.

19. Лаврушин, О.И. Оценка финансовой устойчивости кредитной организации: учебник / коллектив авторов; под редакцией О.И. Лаврушина, И.Д. Мамоновой. – Москва : КноРус, 2011. – 301 с. – ISBN 978-5-406-00855-3.

20. Лаврушин, О.И. Устойчивость банковской системы и развитие банковской политики: монография / коллектив авторов; под редакцией О.И. Лаврушина. – Москва : КноРус, 2014. – 276 с. – ISBN 978-5-406-03263-3.

21. Ларионова, И.В. Новое прочтение теории кредита и банков: монография / коллектив авторов; под редакцией И.В. Ларионовой. – Москва : КноРус, 2017. – 229 с. – ISBN 978-5-406-05729-2.

22. Ларионова, И.В. Эффективность системы регулирования банковского сектора и потребности национальной экономики: монография /

коллектив авторов; под редакцией И.В. Ларионовой. – Москва : КноРус, 2017. – 172 с. – ISBN 978-5-406-05428-4.

23. Льюис, Майкл. Новейшая новинка: История Силиконовой долины / Майкл Льюис. – Москва : Олимп-Бизнес, 2004. – 383 с. – ISBN 5-901028-70-8.

24. Мешкова, Е.И. Стресс-тестирование в коммерческом банке: практическое пособие / Е.И. Мешкова. – Москва : Регламент-Медиа, 2014. – 244 с. – ISBN 978-5-903548-88-0.

25. Поморина, М.А. Финансовое управление в коммерческом банке / М.А. Поморина. – Москва : КноРус, 2013. – 376 с. – ISBN 978-5-406-01935-1.

26. Портер, Майкл. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / Майкл Портер; перевод с английского Е. Калинина. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 714 с. – ISBN 5-9614-0398-X.

27. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 512 с. – ISBN 5-86225-758-6.

Авторефераты, диссертации

28. Аверьянова, Л.В. Разработка интегрированной финансовой стратегии банка : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Аверьянова Лариса Васильевна ; Московская финансово-промышленная академия. – Москва, 2010. – 172 с. – Библиогр.: с. 161–172.

29. Бобрик, М.А. Совершенствование системы индикаторов финансовой устойчивости коммерческих банков : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Бобрик Мария Александровна ; Финансовый университет при Правительстве РФ. – Москва, 2011. – 197 с. – Библиогр.: с. 157-168.

30. Бондаренко, В.А. Развитие методических подходов к оценке влияния макроэкономических процессов на динамику банковской системы : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Бондаренко Виктор Александрович ; Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь, 2015. – 214 с. – Библиогр.: с. 193-206.

31. Бражникова, М.Ф. Адаптация внутренней политики кредитных организаций к стратегии развития банковского сектора : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Бражникова Марианна Федоровна ; Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова. – Москва, 2007. – 176 с. – Библиогр.: с. 147-159.

32. Воеводская, П.О. Регулирование банковских рисков в условиях нестабильности российской экономики : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Воеводская Полина Олеговна ; Финансовый университет при Правительстве РФ. – Москва, 2015. – 159 с. – Библиогр.: с. 140–159.

33. Назипов, Д.А. Трансформация банковской деятельности под воздействием информационных технологий : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Назипов Дмитрий Айратович ; Академия народного хозяйства при Правительстве РФ. – Москва, 2008. – 149 с. – Библиогр.: с. 135–149.

34. Свиридов, О.Ю. Стратегия развития российских коммерческих банков в условиях кризиса финансовой глобализации : специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук / Свиридов Олег Юрьевич ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2009. – 51 с. – Библиогр.: с. 49-51. – Место защиты: Южный федеральный университет.

Периодические издания

35. Алескеров, Ф.Т. Динамический анализ паттернов поведения коммерческих банков России / Ф.Т. Алескеров, В.М. Солодков, Д.С. Челнокова // Экономический журнал ВШЭ. – 2006. – № 1. – С. 48-62. – ISSN 1813-8691.

36. Анисимова, А.И. Структура рынка банковских услуг и ее влияние на конкуренцию (на примере двух российских регионов) / А.И. Анисимова // Деньги и кредит. – 2011. – № 11. – С. 53-62. – ISSN 0130-3090.

37. Валенцева, Н.И. Модернизация бизнес-моделей деятельности отдельных групп российских коммерческих банков / Н.И. Валенцева, М.А. Поморина // Вестник Финансового Университета. – 2016. – № 6. – С. 108-119. – ISSN 2221-1632.

38. Вараев, У.С. Как повлияли санкции на банковскую систему РФ / У.С. Вараев // Молодой ученый. – 2016. – №16. – С. 144-147. – ISSN 2072-0297.

39. Всяких, Ю.В. Политика валютного курса и ее влияние на состояние финансового рынка России / Ю.В. Всяких, А.С. Девкина // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 5-2 (45). – С. 26-28. – ISSN 2224-0179.

40. Ву, Т.З. Адаптация предприятия к изменениям внешней среды / Т.З. Ву // Бизнес Информ. – 1999. – № 3. – С. 104–108. – ISSN 2222-4459.

41. Гордеев, В.А. Модификация конкурентной среды банковского рынка в Российской Федерации / В.А. Гордеев // Теоретическая экономика. – 2015. – № 4. – С. 49-57. – ISSN 2221-3260.

42. Данилова, Е.О. Макропруденциальное стресс-тестирование финансового сектора: международный опыт и подходы Банка России / Е.О. Данилова, К.В. Марков // Деньги и кредит. – 2017. – № 10. – С. 3-15. – ISSN 0130-3090.

43. Зинина, М.М. Бизнес-модели коммерческих банков: теоретические представления, практическая оценка и рекомендации по

повышению адаптивных способностей / М.М. Зинина // Финансовая экономика. – 2019. – № 5. – С. 896-900. – ISSN 2075-7786.

44. Зинина, М.М. Оценка адаптивных способностей бизнес-моделей российских коммерческих банков / М.М. Зинина // Экономические науки. – 2019. – № 4 (173). – С. 132-135. – ISSN 2072-0858.

45. Зинина, М.М. Подходы к оценке банковских бизнес-моделей и их типология / М.М. Зинина // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 12 (89-1). – С. 1313-1316. – ISSN 1999-2300.

46. Зинина, М.М. Понятие и структура бизнес-модели коммерческого банка / М.М. Зинина // Оптимизация рыночных инструментов и управления банковской деятельностью: сборник научных работ под редакцией Н.Э. Соколинской. – Москва : РУСАЙНС, 2017. – С. 57-65. – ISBN 978-5-4365-1867-1.

47. Зинина, М.М. Сущность процесса адаптации бизнес-моделей кредитных организаций под влиянием макроэкономической среды / М.М. Зинина // Финансовая экономика. – 2019. – № 1. – С. 737-739. – ISSN 2075-7786.

48. Зинина, М.М. Технологические факторы трансформации банковских бизнес-моделей / М.М. Зинина // Научный форум: Экономика и менеджмент: сборник статей по материалам XVII международной научно-практической конференции. – № 5 (17). – Москва : Издательство «МЦНО», 2018. – С. 103-107. – ISSN 2541-8408.

49. Королев, О.Г. О сущности банковских бизнес-моделей / О.Г. Королев // Экономические науки. – 2014. – № 3. – С. 69-74. – ISSN 2072-0858.

50. Краевский, И.С. Эволюция определения термина «бизнес-модель» / И.С. Краевский // Вопросы инновационной экономики. – 2011. – № 8. – С. 10-14. – ISSN 2222-0372.

51. Ларионова, И.В. Методология исследования эффективности модели регулирования банковского сектора в интересах национальной

экономики / И.В. Ларионова // Банковские услуги. – 2014. – № 1. – С. 4-8. – ISSN 2075-1915.

52. Путиловский, В.А. Анализ банковской системы методом сегментирования / В.А. Путиловский // Банковское дело. – 2006. – № 11. – С. 16-22. – ISSN 2071-4904.

53. Скоблева, Э.И. Динамический анализ сегментации российского банковского сектора / Э.И. Скоблева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 6. – С. 6-12. – ISSN 2070-7428.

54. Сухарев, А.Н. Волатильность цен на нефть и макроэкономическая политика России: выбор оптимальности / А.Н. Сухарев // Финансы и кредит. – 2016. – № 32. – С. 2-10. – ISSN 2071-4688.

55. Трапезников, С.И. Развитие бизнес-моделей компаний: организационные инновации / С.И. Трапезников // Инвестиции и инновации. – 2010. – № 1. – С. 115-118. – ISSN 2307-180X.

56. Ушанов, А.Е. Банки в условиях «новой нормальности» и необходимость перестройки бизнес-процессов / А.Е. Ушанов // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – № 11(3). – С. 38-45. – ISSN 1999-849X.

57. Шевченко, В.В. К вопросу о сущности экономической адаптации / В.В. Шевченко // Вестник института экономических исследований. – 2016. – № 1. – С. 26-27. – ISSN 2519-2019.

Издания на иностранном языке

58. Beer, S. Diagnosing the system for organizations / S. Beer. – Chichester: John Wiley & Sons, 1985. – 152 p. – ISBN 0-471-95136-6.

59. Chandler, A.D. Strategy and Structure: Chapters in the History of the American Industrial Enterprise / A.D. Chandler. – Beard Books, 1962. – 480 p. – ISBN 978-1587981982.

60. Drucker, P. The Theory of the Business / P. Drucker // Harvard Business Review. – 1994. – № 9. – P. 95-104. – ISSN 0017-8012.

61. Fielt, E. Conceptualising Business Models: Definitions, Frameworks and Classifications / E. Fielt // *Journal of Business Models*. – 2013. – № 1. – P. 85-105. – ISSN 2246-2465.
62. Hryckiewicz, A. Banking business models and the nature of financial crisis / A. Hryckiewicz, L. Kozłowski // *Journal of International Money and Finance*. – 2017. – № 1. – P. 1-24. – ISSN 0261-5606.
63. Johnson, M. Reinventing Your Business Model / M. Johnson, C. Christensen, H. Kagermann // *Harvard Business Review*. – 2008. – № 12. – P. 57-69. – ISSN 0017-8012.
64. Magretta, J. Why business models matter / J. Magretta // *Harvard Business Review*. – 2002. – № 4. – P. 86-93. – ISSN 0017-8012.
65. Mustafa, R. Business Models and Business Strategy – Phenomenon of Explicitness / R. Mustafa, H. Werthner // *International Journal of Global Business and Competitiveness*. – 2011. – № 1. – P. 14-29. – ISSN 0976-1888.
66. Sorrentino, M. The Term «Business Model» in Financial Reporting: Does It Need a Proper Definition? / M. Sorrentino, M. Smarra // *Open Journal of Accounting*. – 2015. – № 5. – P. 11-22. – ISSN 2169-3404.
67. Timmers, P. Business Models for Electronic Markets / P. Timmers // *Electronic Markets*. – 1998. – № 4. – P. 3-8. – ISSN 1422-8890.

Электронные ресурсы

68. Алескеров, Ф.Т. Анализ устойчивости бизнес-моделей российских банков / Ф.Т. Алескеров, П.К. Бондарчук, А.А. Кнурова, В.М. Солодков. – DOI отсутствует. – Текст : электронный // Труды годовой тематической конференции НЭА «Образование, наука и модернизация». – Москва, 2017. – URL: <http://econorus.org/onim/e.phtml>. (дата обращения: 20.02.2017).
69. Банк России. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://www.cbr.ru>. (дата обращения: 27.05.2019).
70. Банковский сектор в 2018 году: ставка на крупных // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». – 2019. – Текст : электронный. – URL:

https://raexpert.ru/researches/banks/bank_sector_2018. (дата обращения: 20.05.2019).

71. Бреретон, К. Будущий облик банковского сектора. Время реформировать банки и банковский сектор? / К. Бреретон, М. Кеннеди, П. Спратт, Д. Хьюэр // PricewaterhouseCoopers. – 2017. – Текст : электронный. – URL: https://www.pwc.ru/ru/banking/assets/future_shape_of_banking.pdf. (дата обращения: 14.10.2017).

72. В России создан новый банк // Информационное агентство «Банкир.Ру». – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://bankir.ru/novosti/20190326/v-rossii-sozdan-novyy-bank-10157584>. (дата обращения: 22.05.2019).

73. Вержбицкий, А. Побочный эффект: как санкции вернули конкуренцию на банковский рынок / А. Вержбицкий // Forbes Russia. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/igroki/267355-pobochnyi-effekt-kak-sanktsii-vernuli-konkurenciyu-na-bankovskii-rynok>. (дата обращения: 03.09.2017).

74. Дьяченко, О. Особенности банковской конкуренции / О. Дьяченко // Национальный банковский журнал. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <http://nbj.ru/publs/banki-i-biznes/2017/03/22/osobennosti-bankovskoi-konkurentsii/index.html>. (дата обращения: 15.09.2017).

75. Дьяченко, О. Проблема года – сложности перехода на МСФО (IFRS) 9 / О. Дьяченко // Национальный банковский журнал. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <http://nbj.ru/publs/banki-i-iznes/2018/01/31/problema-goda-slozhnosti-perexoda-na-msfo-ifrs-9/index.html>. (дата обращения: 05.04.2018).

76. Информационное агентство «Банки.ру». – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://www.banki.ru>. (дата обращения: 11.03.2019).

77. Исаев, Р.А. Референтные (типовые) модели банковской деятельности / Р.А. Исаев. – DOI отсутствует. – Текст : электронный. // Управление в кредитной организации. – 2010. – № 6. – URL:

http://www.reglament.net/bank/mng/2010_6_article_4.htm. (дата обращения: 20.02.2017).

78. Картина экономики. Январь 2019 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. – 2019. – Текст : электронный. – URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/885e0909-e8cf-4e9a-83ad-5d0681f7105b/190211_econ_pic.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=885e0909-e8cf-4e9a-83ad-5d0681f7105b. (дата обращения: 25.04.2019).

79. Кахриманова, К.Р. Кластеризация коммерческих банков внутри российской банковской системы / К.Р. Кахриманова. – DOI отсутствует. – Текст : электронный // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2017. – № 1. – С. 91-115. – URL: <https://archive.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=3478&p=attachment>. (дата обращения: 03.03.2017).

80. Клементьев, М. Исламский банкинг: быть или не быть? / М. Клементьев, Ч. Дякиев // Банковское обозрение. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://bosfera.ru/bo/islamskiy-banking-byt-ili-ne-byt>. (дата обращения: 25.04.2019).

81. Концепция макропруденциального стресс-тестирования // Центральный банк Российской Федерации. – 2018. – Текст : электронный. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/50685/Consultation_Paper_171019.pdf. (дата обращения: 08.09.2018).

82. Мехтиев, Э. Банк будущего – возможные бизнес-модели / Э. Мехтиев // FutureBanking.ru. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <http://futurebanking.ru/post/3035>. (дата обращения: 05.06.2017).

83. На KazanSummit-2019 было заявлено, что исламский банкинг будет внедрен в России в 2020 году // Комсомольская правда. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kazan.kp.ru/online/news/3458473>. (дата обращения: 05.05.2019).

84. О внедрении в российском регулировании новых подходов к оценке кредитного риска // Центральный банк Российской Федерации. – 2019.

– Текст : электронный. – URL: https://cbr.ru/press/PR/?file=03072019_162519ik2019-07-03T16_23_54.htm. (дата обращения: 15.08.2019).

85. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов // Центральный банк Российской Федерации. – 2019. – Текст : электронный. – URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/48125/on_2019\(2020-2021\).pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/48125/on_2019(2020-2021).pdf). (дата обращения: 26.12.2018).

86. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2017 году // Центральный банк Российской Федерации. – 2018. – Текст : электронный. – URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/48160/bsr_2017.pdf. (дата обращения: 11.07.2018).

87. ПАО «Московская биржа». – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://www.moex.com>. (дата обращения: 20.02.2019).

88. Пять главных тенденций банковских технологий в 2018 году // Журнал «ПЛАС». – 2018. – Текст : электронный. – URL: <http://www.plusworld.ru/daily/cat-analytics/5-tendentsij-v-bankovskih-tehnologiya-h-v-2018-godu-2>. (дата обращения: 20.02.2018).

89. Сорокина, И. Методические подходы к оценке надежности и устойчивости банка / И. Сорокина // Информационное агентство «Банкир.Ру». – 2018. – Текст : электронный. – URL: <http://bankir.ru/tehnologii/s/metodicheskie-podhodi-k-ocenke-nadejnosti-i-ystoichivosti-banka-4818097/#ixzz31OpxsxX3>. (дата обращения: 14.07.2018).

90. Тимко, Е. Финансовый муравейник: что представляет собой финтех-индустрия / Е. Тимко // Forbes Russia. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <http://www.forbes.ru/mneniya/infographics/324467-finansovymuraveinik-chto-predstavlyayet-soboi-fintekh-industriya>. (дата обращения: 20.10.2017).

91. Федеральная служба государственной статистики. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gks.ru>. (дата обращения: 15.06.2019).

92. Финансовая устойчивость российских банков: размер или специализация? // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://raex-a.ru/researches/banks/bank7>. (дата обращения: 10.07.2018).

93. Худорожков, Р. Blockchain всемогущий: чем он полезен для банков / Р. Худорожков // Информационное агентство «Банкир.Ру». – 2017. – Текст : электронный. – URL: <http://bankir.ru/publikacii/20151106/blockchain-vsemogushchii-chem-on-polezen-dlya-bankov-10006885>. (дата обращения: 06.07.2017).

94. ЦБ РФ опубликовал новации в банковской системе 2018 года // Информационное агентство России ТАСС. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <http://tass.ru/ekonomika/4860651>. (дата обращения: 15.02.2018).

95. Черноокий, В. Как измерить неопределенность / В. Черноокий // Газета «Ведомости». – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/03/13/753289-izmerit-neopredefinirovannost>. (дата обращения: 13.09.2018).

96. Электронный журнал ForTrader.org. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://fortrader.org>. (дата обращения: 03.04.2019).

97. A Review of the Conceptual Framework for Financial Reporting. Discussion Paper // International Accounting Standards Board. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://www.ifrs.org/-/media/project/conceptual-framework/discussion-paper/published-documents/dp-conceptual-framework.pdf>. (дата обращения: 03.09.2017).

98. Al-Debei, M. Defining the Business Model in the New World of Digital Business / M. Al-Debei, R. El-Haddadeh, D. Avison // AIS Electronic Library. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://aisel.aisnet.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1350&context=amcis2008>. (дата обращения: 30.04.2018).

99. Anderson, R. W. Stress Testing and Macroprudential Regulation: A Transatlantic Assessment / R. W. Anderson // CEPR Press. – 2018.

– Текст : электронный. – URL: http://voxeu.org/sites/default/files/Stress_testing_eBook.pdf. (дата обращения: 20.08.2018).

100. Ayadi, R. Banking Business Models Monitor 2014: Europe / R. Ayadi, W. P. De Groen // Centre for European Policy Studies. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2014/10/Banking%20Business%20Models%202014.pdf>. (дата обращения: 15.04.2018).

101. Banking on the cloud // McKinsey & Company. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <http://www.mckinsey.com/business-functions/business-technology/our-insights/banking-on-the-cloud>. (дата обращения: 20.10.2017).

102. Basel III: A global regulatory framework for more resilient banks and banking systems // Basel Committee on Banking Supervision. – 2016. – Текст : электронный. – URL: <https://www.bis.org/publ/bcbs189.htm>. (дата обращения: 14.06.2016).

103. Blaschke, W. Stress Testing of Financial Systems: an Overview of Issues, Methodologies, and FSAP Experiences / W. Blaschke, M. T. Jones, G. Majnoni, S. M. Peia // International Monetary Fund. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2001/wp0188.pdf>. (дата обращения: 20.07.2017).

104. Casadesus-Masanell, R. The Business Model: Nature and Benefits / R. Casadesus-Masanell, J. Heilbron // Harvard Business School. – 2016. – Текст : электронный. – URL: http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/15-089_afa7e1c9-40d2-486d-9bd4-b8ea71de9058.pdf. (дата обращения: 20.12.2016).

105. Farnè, M. Business models of the banks in the euro area / M. Farnè, A. Vouldis // European Central Bank. – 2016. – Текст : электронный. – URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scrwp/escb.wp2070.en.pdf>. (дата обращения: 15.06.2016).

106. Guidelines for identifying and dealing with weak banks // Basel Committee on Banking Supervision. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d330.pdf>. (дата обращения: 05.08.2017).

107. Guidelines on common procedures and methodologies for the supervisory review and evaluation process (SREP) Benefits // European Banking Authority. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <http://www.eba.europa.eu/documents/10180/935249/EBA-GL-2014-29.pdf/4b842c7e-3294-4947-94cd-ad7f94405d66>. (дата обращения: 08.08.2017).

108. Kingdom of the Netherlands. Financial Stability and Stress Testing of the Banking, Household, and Corporate Sectors // International Monetary Fund. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/CR/2017/cr1795.ashx>. (дата обращения: 25.08.2017).

109. ING's agile transformation // McKinsey & Company. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/ings-agile-transformation>. (дата обращения: 11.03.2018).

110. Macrofinancial Stress Testing – Principles and Practices International Monetary Fund // International Monetary Fund. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2012/082212.pdf>. (дата обращения: 20.08.2018).

111. Orbis Bank Focus: база данных компании Bureau van Dijk Electronic Publishing // Moody's. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://banks.bvdinfo.com/version-2019118/home.serv?product=OrbisBanks>. (дата обращения: 14.10.2018). – Режим доступа: для авторизованных пользователей.

112. Osterwalder, A. Business Model Generation / A. Osterwalder // Business Models Inc. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <http://www.businessmodelsinc.com/wp-content/uploads/2011/11/Business-Model-Generation-preview-of-our-book.pdf>. (дата обращения: 22.01.2017).

113. Principles for sound stress testing practices and supervision // Basel Committee for banking Supervision. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://www.bis.org/publ/bcbs147.pdf>. (дата обращения: 27.05.2018).

114. Recovery and Resolution Planning for Systemically Important Financial Institutions: Guidance on Recovery Triggers and Stress Scenarios // Financial Stability Board. – 2018. – Текст : электронный. – URL: http://www.fsb.org/wp-content/uploads/r_130716c.pdf. (дата обращения: 07.06.2018).

115. STAMP€: Stress-Test Analytics for Macroprudential Purposes in the euro area // European Central Bank. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/stampe201702.en.pdf>. (дата обращения: 15.03.2018).

116. Wackerbeck, P. European Banking Outlook 2016: It's time to radically rethink business models / P.Wackerbeck, S. Marek // Policy and Research Series 51419. – World Bank. – 2016. – Текст : электронный. – URL: <https://www.pwc.pl/en/startupcollider/startupcolliderblog/european-banking-outlook.html>. (дата обращения: 20.12.2016).

ПРИЛОЖЕНИЕ А
(информационное)

Сравнительный анализ российских и зарубежных методик оценки финансовой устойчивости коммерческих банков

Таблица А.1 – Сравнение методик оценки финансовой устойчивости банков: CAMELS, RATE, Банка России и «Эксперт РА»

Фактор 1	CAMELS (США) 2	RATE (Англия) 3	Методика Банка России 4	Методика «Эксперт РА» 5
Информационная база анализа	Открытая отчетность банка, данные о банке из СМИ.	Открытая отчетность банка, данные выездных проверок.	Открытая отчетность банка, специальные формы отчетности, характеризующие управление банковскими рисками, материалы инспекционных проверок Банка России, заключения аудиторов, данные рейтинговых агентств, информация СМИ, рабочие материалы самого банка.	Публичная отчетность банка, данные о банке из СМИ.
Система показателей, используемая при оценке	<ul style="list-style-type: none"> - Показатели собственного капитала; - активов; - прибыльности; - ликвидности; - менеджмента; - чувствительности к рискам. 	<ul style="list-style-type: none"> - Показатели капитала; - качества активов; - рыночного риска; - доходности; - ликвидности; - бизнеса; - внутреннего контроля; - организационной структуры; - управления. 	<ul style="list-style-type: none"> - Показатели капитала; - активов; - доходности; - ликвидности; - качества управления; - прозрачности структуры собственности банка. 	<ul style="list-style-type: none"> - Показатели капитала; - качества активов; - прибыльности; - ликвидности; - эффективности менеджмента.
Показатели капитала	<ul style="list-style-type: none"> - Коэффициент достаточности основного капитала (K1); - Коэффициент достаточности совокупного капитала (K2); - Коэффициент леввериджа; - Коэффициент рискованных активов; - Объем и динамика критических и некачественных активов. 	<ul style="list-style-type: none"> - Состав и качество капитала; - Достаточность капитала; - Оплата капитала. 	<ul style="list-style-type: none"> - Показатель достаточности собственного капитала; - Показатель общей достаточности капитала; - Критерий качества капитала. 	<ul style="list-style-type: none"> - Коэффициент достаточности капитала; - Коэффициент качества капитала; - Коэффициент финансового рычага.

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4	5
Показатели качества активов	<ul style="list-style-type: none"> - Абсолютная величина совокупного риска (СР); - Основной показатель качества активов; - Показатели, детализирующие уровень риска активов; - Показатели, характеризующие неспособность активов генерировать доход; - Показатели, оценивающие степень незащищенности активов от риска. 	<ul style="list-style-type: none"> - Состав; - Концентрация; - Создание резервов. 	<ul style="list-style-type: none"> - Показатель качества ссуд; - Показатель качества активов; - Показатель доли просроченных ссуд; - Показатель размера резервов на потери по ссудам и иным активам; - Максимальный размер крупных кредитных рисков; - Максимальный размер кредитов, банковских гарантий и поручительств, предоставленных банком своим участникам (акционерам); - Совокупная величина риска по инсайдерам банка. 	<ul style="list-style-type: none"> - Коэффициент качества активов; - Коэффициент просроченной задолженности; - Коэффициент резервирования по ссудам.
Показатели прибыльности	<ul style="list-style-type: none"> - Коэффициент прибыльности (К1); - Показатели структуры доходов и расходов банка в динамике. 	<ul style="list-style-type: none"> - Прибыльность и доходность банковской деятельности; - План прибыли. 	<ul style="list-style-type: none"> - Показатель прибыльности активов; - Показатель прибыльности капитала; - Доля административно-управленческих расходов в сумме чистых доходов; - Показатель чистой процентной маржи; - Показатель чистого спреда от кредитных операций. 	<ul style="list-style-type: none"> - Коэффициент рентабельности активов; - Коэффициент рентабельности собственных средств (капитала) банка; - Коэффициент чистой процентной маржи.
Показатели ликвидности	Не устанавливается стандартная система показателей ликвидности	<ul style="list-style-type: none"> - Ликвидность; - Состав обязательств; - Концентрация. 	<ul style="list-style-type: none"> - Общая краткосрочная ликвидности; - Мгновенная и текущая ликвидность; - Структура привлеченных средств; - Зависимость от межбанковского рынка; - Риск собственных вексельных обязательств; - Состояние небанковских ссуд; - Факт невыполнения обязанностей банка по усреднению обязательных резервов; - Неисполнение обязанности по выполнению резервных требований, дней; - Риск на крупных кредиторов и вкладчиков; - Неисполнение требований перед кредиторами. 	<ul style="list-style-type: none"> - Коэффициент мгновенной ликвидности; - Коэффициент текущей ликвидности; - Коэффициент зависимости от рынка МБК.

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4	5
Показатели качества управления	<ul style="list-style-type: none"> - Компетентность руководства банка; - Соблюдение правил ведения банковской деятельности; - Соответствие внутренней политики банка уровню контроля по операциям и рискам; - Реакция банка на рекомендации надзорных органов и аудиторов; - Готовность банка выполнить цели банковского сообщества; - Соответствует система внутреннего и внешнего аудита полноте и достоверности отчетов. 	<ul style="list-style-type: none"> - Принцип коллегиальности; - Соответствие и правильность управленческой команды; - Органы управления; - Культура банковского бизнеса; - Корпоративное планирование и стратегия. 	<ul style="list-style-type: none"> - Показатель оценки системы управления рисками; - Показатель состояния внутреннего контроля; - Показатель для оценки управления стратегическим риском; - Показатель управления риском материальной мотивации персонала; - Показатели структуры собственности банка. 	<ul style="list-style-type: none"> - Коэффициент качества прибыли; - Коэффициент качества роста; - Коэффициент отношения расходов и доходов.
Наличие рейтинга по анализу	Ранжирование банков (5 групп)	Отсутствует	Отсутствует	Группировка банков по кластерам (6 групп)
Преимущества	<ul style="list-style-type: none"> - Стандартизированный метод оценки банков; - использование данных на длинном временном горизонте (2-3 года) для выявления ключевых факторов и тенденций; - формализованное описание классификационных групп и их основных признаков; - рейтинги по каждому показателю указывают направления действий для их повышения; - сводная оценка выражает степень необходимого вмешательства, которое должно быть предпринято по отношению к банку со стороны регулирующих органов. 	<ul style="list-style-type: none"> - Позволяет провести всесторонний анализ качественных и количественных факторов риска; - более полная система показателей, которая позволяет учесть ряд факторов оценки риска; - предполагает взаимодействие с другими внутренними и иностранными надзорными органами, которые могут контролировать банковское учреждение, что даёт возможность более точной оценки состояния банка. 	<ul style="list-style-type: none"> - Методика основывается на широком и едином наборе экономических нормативов, которые регулируют деятельность банков; - она позволяет не только констатировать выполнение/невыполнение отдельных показателей, но и определить обобщающий результат, характеризующий степень надежности банка в целом; - добавляются новые критерии оценки, используемые для определения выводов относительно финансовой устойчивости коммерческих банков: показатели прозрачности структуры собственности, управления риском материальной мотивации персонала. 	<ul style="list-style-type: none"> - Простота применения на практике, так как анализ проводится на основе доступной информации, представленной в отчетности; - ограниченное число показателей, которые являются ключевыми и достаточными для проведения оценки; - благодаря тому, что ряд оценочных коэффициентов рассчитывается в динамике, существует возможность определить тренд изменения того или иного показателя; - хорошо заметны изменения в деятельности банка, когда он переходит из группы в группу.

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4	5
Недостатки	В значительной степени основана на экспертных (субъективных) оценках, поэтому качество конечного результата во многом будет зависеть от профессионализма аналитиков.	<ul style="list-style-type: none"> - Использование методики затрудняется большой трудоемкостью определения большого количества показателей; - при исследовании группы банков их выделение производится на основе размера или сферы деятельности, что приводит к невозможности учета системных сдвигов группы в целом; - использовании методики ограничено выявлением тех сторон деятельности кредитной организации, которые нуждаются в особом внимании со стороны контролирующих организаций. 	<ul style="list-style-type: none"> - Методика основана на анализе ретроспективных данных, а с точки зрения социально-экономической полезности, наибольшую ценность имеет прогноз, а не констатация события; - не учитываются причинно-следственные связи между входящими в методику компонентами; - данная методика разработана с целью надзора за деятельностью коммерческих банков, однако не предусматривает рекомендации или определенные меры воздействия к банкам за невыполнение того или иного показателя; - возможен субъективный подход к оценке коммерческих банков со стороны Банка России. 	<ul style="list-style-type: none"> - Не позволяет учесть степень риска в деятельности банка; - является ретроспективным; - довольно сложная процедура группировки; - неустойчивость отдельных групп, состав которых может существенно меняться с течением времени, что неизбежно затрудняет анализ их динамики.

Источник: составлено автором по данным [8; 19; 29; 86].

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
(информационное)

**Динамика композитного индекса облигаций Московской Биржи
(RUABITR)**

Таблица Б.1 – Ежемесячная динамика композитного индекса облигаций Московской Биржи (RUABITR) за период с 2010 по 2017 годы

Значение индекса на момент открытия торгов	Значение индекса на момент закрытия торгов	Объем торгов, руб.	Дата открытия	Дата закрытия	Изменение индекса за месяц, п.п.
1	2	3	4	5	6
168,17	170,32	130 899 143 515	01.12.2017	29.12.2017	2,31
166,92	168,01	194 383 504 686	01.11.2017	30.11.2017	1,15
165,25	166,86	190 093 444 775	01.10.2017	31.10.2017	1,63
163,63	165,23	163 274 345 082	01.09.2017	30.09.2017	2,06
161,18	163,17	135 100 317 068	01.08.2017	31.08.2017	2,03
160,58	161,14	144 465 660 758	01.07.2017	31.07.2017	0,71
159,67	160,43	131 643 833 804	01.06.2017	30.06.2017	0,98
158,88	159,45	72 700 778 565	01.05.2017	31.05.2017	0,81
156,08	158,64	101 786 312 282	01.04.2017	30.04.2017	2,59
153,13	156,05	102 808 369 150	01.03.2017	31.03.2017	3,04
153,17	153,01	70 955 704 412	01.02.2017	28.02.2017	-0,03
151,46	153,04	75 716 496 647	01.01.2017	31.01.2017	1,87
147,7	151,17	81 871 597 761	01.12.2016	31.12.2016	3,77
147,47	147,4	86 073 946 548	01.11.2016	30.11.2016	-0,07
148,95	147,47	78 652 373 165	01.10.2016	31.10.2016	-0,96
147,07	148,43	123 480 310 761	01.09.2016	30.09.2016	1,54
147,56	146,89	47 358 955 104	01.08.2016	31.08.2016	-0,41
147,48	147,3	79 805 853 250	01.07.2016	31.07.2016	0,34
143,85	146,96	78 436 647 537	01.06.2016	30.06.2016	2,45
143,63	144,51	132 810 212 327	01.05.2016	31.05.2016	0,82
142,42	143,69	145 681 496 727	01.04.2016	30.04.2016	1,29
140,42	142,4	82 094 488 945	01.03.2016	31.03.2016	2,86
137,69	139,54	93 291 152 051	01.02.2016	29.02.2016	1,55
139,48	137,99	83 615 430 447	01.01.2016	29.01.2016	-1,14
138,63	139,13	80 713 661 975	01.12.2015	30.12.2015	0,68
136,68	138,45	67 291 253 289	01.11.2015	30.11.2015	1,86
131,48	136,59	92 574 766 536	01.10.2015	30.10.2015	5,58
128,57	131,01	32 424 444 010	01.09.2015	30.09.2015	2,6
132,52	128,41	56 344 277 626	01.08.2015	31.08.2015	-4,41
130,96	132,82	64 744 317 044	01.07.2015	31.07.2015	2,12
131,43	130,7	45 003 882 745	01.06.2015	30.06.2015	0,82
129,06	129,88	46 312 694 102	01.05.2015	31.05.2015	1,73
122,28	128,15	54 782 432 631	01.04.2015	30.04.2015	6,66
115,08	121,49	59 644 833 541	01.03.2015	31.03.2015	5,65
113,17	115,84	37 121 100 926	01.02.2015	28.02.2015	3,68
112,01	112,16	21 316 028 082	01.01.2015	31.01.2015	-0,14
121,75	112,3	41 871 157 127	01.12.2014	31.12.2014	-11,05
124,79	123,35	47 656 920 990	01.11.2014	30.11.2014	-1,45
126,71	124,8	49 200 855 095	01.10.2014	31.10.2014	-2,14
124,35	126,94	48 876 646 583	01.09.2014	30.09.2014	2,15
124,59	124,79	77 015 374 113	01.08.2014	31.08.2014	-0,29
127,96	125,08	62 316 994 700	01.07.2014	31.07.2014	-2,93

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6
126,45	128,01	53 047 905 648	01.06.2014	30.06.2014	1,74
123,59	126,27	59 869 883 902	01.05.2014	31.05.2014	2,98
125,01	123,29	43 074 321 212	01.04.2014	30.04.2014	-1,27
125,04	124,56	95 741 818 663	01.03.2014	31.03.2014	-1,74
125,84	126,3	80 131 540 049	01.02.2014	28.02.2014	0,51
127,3	125,79	84 076 522 905	01.01.2014	31.01.2014	0,48
124,32	125,31	128 312 467 583	01.12.2013	30.12.2013	1
126,72	124,31	80 510 563 083	01.11.2013	30.11.2013	-2,53
125,83	126,84	169 609 355 970	01.10.2013	31.10.2013	1,12
124,5	125,72	117 230 598 056	01.09.2013	30.09.2013	1,44
124,32	124,28	100 283 272 583	01.08.2013	31.08.2013	0,08
122,71	124,2	171 980 816 969	01.07.2013	31.07.2013	1,34
123	122,86	120 456 499 075	01.06.2013	30.06.2013	-0,43
124,39	123,29	57 930 616 753	01.05.2013	31.05.2013	-1,02
122,3	124,31	140 025 613 143	01.04.2013	30.04.2013	2,02
122,09	122,29	116 020 166 225	01.03.2013	31.03.2013	0,19
121,51	122,1	88 404 509 511	01.02.2013	28.02.2013	0,64
119,89	121,46	70 466 238 530	01.01.2013	31.01.2013	1,77
118,57	119,69	162 934 637 085	01.12.2012	31.12.2012	1,41
116,68	118,28	79 237 600 814	01.11.2012	30.11.2012	1,75
114,83	116,53	126 352 977 356	01.10.2012	31.10.2012	1,71
113,57	114,82	93 751 749 414	01.09.2012	30.09.2012	0,98
112,88	113,84	95 847 793 771	01.08.2012	31.08.2012	1,06
111,17	112,78	111 968 755 432	01.07.2012	31.07.2012	1,78
109,71	111	75 470 558 482	01.06.2012	30.06.2012	0,8
110,37	110,2	43 403 192 911	01.05.2012	31.05.2012	-0,13
109,83	110,33	79 801 707 513	01.04.2012	30.04.2012	0,59
108,91	109,74	85 113 974 217	01.03.2012	31.03.2012	0,92
107,69	108,82	190 057 396 589	01.02.2012	29.02.2012	1,33
106,52	107,49	114 156 249 195	01.01.2012	31.01.2012	1,02
105,69	106,47	107 658 862 256	01.12.2011	31.12.2011	0,91
105,08	105,56	86 113 318 478	01.11.2011	30.11.2011	0,34
103,86	105,22	98 387 121 846	01.10.2011	31.10.2011	0,68
105,28	104,54	137 244 551 637	01.09.2011	30.09.2011	-0,77
105,64	105,31	119 680 518 902	01.08.2011	31.08.2011	-0,26
104,59	105,57	148 864 218 727	01.07.2011	31.07.2011	1,02
103,72	104,55	144 203 887 846	01.06.2011	30.06.2011	0,89
103,28	103,66	73 479 227 869	01.05.2011	31.05.2011	0,37
102,55	103,29	114 902 335 190	01.04.2011	30.04.2011	0,83
101,46	102,46	157 837 350 816	01.03.2011	31.03.2011	1,08
100,62	101,38	86 018 183 462	01.02.2011	28.02.2011	0,74
100,05	100,64	61 576 100 256	01.01.2011	31.01.2011	0,64
100	100	0	01.12.2010	31.12.2010	0

Источник: составлено автором по данным [87]

ПРИЛОЖЕНИЕ В
(информационное)

Макроэкономические параметры, влияющие на просроченную задолженность по корпоративным кредитам

Таблица В.1 – Набор переменных для уравнения регрессии, характеризующего динамику просроченной задолженности кредитов ЮЛ

В процентах

Переменная	Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
x1	Динамика годовой инфляции в России	0,00	2,87	1,41	-4,48	-0,02	-2,68	0,48	-0,13	4,91	1,55	-7,53	-2,87
x2	Темп экономического роста РФ	8,20	8,50	5,20	-7,80	4,50	4,30	3,70	1,80	0,70	-2,80	0,30	1,60
x3	Динамика цены на нефть марки BRENT	0,00	0,11	0,34	-0,37	0,29	0,39	0,00	-0,02	-0,09	-0,47	-0,16	0,26
x4	Динамика среднегодового курса доллара к рублю	0,00	-0,06	-0,03	0,28	-0,05	-0,03	0,06	0,02	0,21	0,58	0,08	-0,12
x5	Динамика налоговой нагрузки	0,00	2,80	-0,90	-1,10	-3,00	0,30	0,10	0,10	-0,10	-0,10	-0,10	1,20
x6	Динамика ключевой ставки Банка России (на 1 января пред. года; до 2013 г. - ставка рефинансирования)	0,00	-1,00	3,00	-4,25	-1,00	0,25	0,25	-1,25	10,00	-6,00	-1,00	-2,25
x7	Динамика индекса производительности труда по России	0,00	0,00	-2,70	-8,90	7,30	0,60	-0,50	-1,10	-1,50	-2,60	1,60	1,80
x8	Динамика уровня безработицы населения в возрасте 15 лет и старше	0,00	-1,10	0,20	2,10	-1,00	-0,80	-1,00	0,00	-0,30	0,40	-0,30	-0,10
x9	Динамика оборота организаций (юридических лиц) по РФ (без НДС, акцизов и других аналогичных платежей)	0,00	0,25	0,21	-0,03	0,22	0,24	0,11	0,09	0,09	0,07	0,07	0,12
x10	Динамика индекса промышленного производства РФ	1,06	1,07	1,01	0,89	1,07	1,05	1,03	1,00	1,02	0,99	1,02	1,02
x11	Динамика индекса физического объема оборота оптовой торговли по РФ	1,10	1,10	1,05	1,02	1,03	1,04	1,04	1,01	1,04	0,95	1,03	1,06
x12	Динамика инвестиций в основной капитал в РФ	0,00	0,42	0,31	-0,09	0,15	0,21	0,14	0,07	0,03	0,00	0,06	0,09

Продолжение таблицы В.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
x13	Динамика внешнеторгового оборота	1,27	1,24	1,33	0,64	1,33	1,31	1,04	1,00	0,93	0,66	0,89	1,25
x14	Динамика степени износа основных фондов	0,00	-0,10	-0,90	0,00	1,80	0,80	-0,20	0,50	1,20	-1,70	0,40	-0,80
x15	Динамика коэффициента автономии организаций по РФ	0,00	-1,20	-5,40	1,10	0,80	-1,60	-2,60	-2,90	-5,20	-0,20	2,60	7,30
x16	Динамика коэффициента текущей ликвидности организаций по РФ	1,24	1,31	1,29	1,29	1,34	1,36	1,28	1,25	1,21	1,27	1,25	1,53
x17	Динамика дебиторской задолженности организаций по РФ	1,24	1,41	1,25	1,12	1,17	1,21	1,05	1,15	1,18	1,15	1,04	1,09
x18	Изменение доли просроченной задолженности по кредитам ЮЛ за два предшествующих года	0,00	0,00	-0,20	1,20	4,00	-0,81	-0,64	-0,02	-0,43	0,03	2,00	0,04
ПЗ (ЮЛ)	Динамика доли просроченной задолженности по кредитам ЮЛ	0,00	-0,20	1,20	4,00	-0,81	-0,64	-0,02	-0,43	0,03	2,00	0,04	0,15

Источник: составлено автором по данным [69; 91].

ПРИЛОЖЕНИЕ Г
(информационное)

Макроэкономические параметры, влияющие на просроченную задолженность по розничным кредитам

Таблица Г.1 – Набор переменных для уравнения регрессии, характеризующего динамику просроченной задолженности кредитов ФЛ

В процентах

Переменная	Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
t1	Динамика среднедушевого дохода населения по РФ	0,23	0,19	0,14	0,12	0,10	0,12	0,12	0,07	0,10	0,01	0,02	0,23
t2	Динамика индекса потребительских цен на товары и услуги по РФ	11,87	13,28	8,80	8,78	6,10	6,57	6,47	11,35	12,91	5,39	2,51	11,87
t3	Динамика уровня безработицы населения в возрасте 15 лет и старше	-1,10	0,20	2,10	-1,00	-0,80	-1,00	0,00	-0,30	0,40	-0,30	-0,10	-1,10
t4	Динамика ключевой ставки Банка России (на 1 января пред. года; до 2013 г. - ставка рефинансирования)	-1	3	-4,25	-1	0,25	0,25	-1,25	10	-6	-1	-2,25	-1
t5	Темп экономического роста РФ	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,7	1,8	0,7	-2,8	0,3	1,6	8,5
t6	Динамика цены на нефть (BRENT)	0,11	0,34	-0,37	0,29	0,39	0,00	-0,02	-0,09	-0,47	-0,16	0,26	0,11
t7	Динамика среднегодового курса доллара к рублю	-0,06	-0,03	0,28	-0,05	-0,03	0,06	0,02	0,21	0,58	0,08	-0,12	-0,06
t8	Динамика реальных располагаемых денежных доходов	13,50	12,10	2,40	3,00	5,90	0,50	4,60	4,00	-0,70	-3,20	-5,80	13,50
t9	Динамика за кредитованности населения (объем кредитов на душу работоспособного населения)	0,56	0,34	-0,11	0,15	0,35	0,40	0,29	0,14	-0,07	0,01	0,13	0,56
t10	Динамика среднедушевого объема вкладов и депозитов	0,34	0,14	0,27	0,32	0,20	0,20	0,19	0,10	0,23	0,04	0,08	0,34
t11	Динамика социального самочувствия населения России (суммарная численность респондентов в возрасте 18 лет и старше, оценивших ситуацию в России как кризисную)	0,17	-0,13	0,32	-0,02	-0,1	0,05	-0,21	-0,06	0,06	0,03	-0,02	0,17
ПЗ (ФЛ)	Динамика доли просроченной задолженности по кредитам ФЛ	0,9	0,2	2,9	-0,2	-1,7	-1	0,5	1,4	2,5	-0,2	-0,9	0,9

Источник: составлено автором по данным [69; 91].

ПРИЛОЖЕНИЕ Д
(информационное)

Оценка взаимозависимости просроченной задолженности по корпоративным кредитам и факторов внешней среды

Таблица Д.1 – Матрица корреляции для уравнения регрессии, описывающего динамику просроченной задолженности ЮЛ

Переменная	x1	x2	x3	x4	x5	x6	x7	x8	x9	x10	x11	x12	x13	x14	x15	x16	x17	x18	ПЗ (ЮЛ)
x1	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x2	0,379	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x3	0,081	0,695	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x4	0,114	-0,698	-0,863	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x5	0,143	0,294	0,017	-0,163	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x6	0,490	0,319	0,327	-0,250	-0,018	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x7	0,017	0,592	0,571	-0,533	-0,137	0,106	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x8	-0,307	-0,767	-0,582	0,519	-0,240	-0,318	-0,802	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x9	0,281	0,593	0,755	-0,508	0,150	0,189	0,531	-0,707	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x10	0,302	0,889	0,608	-0,564	0,196	0,269	0,844	-0,920	0,606	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-
x11	0,076	0,710	0,564	-0,765	0,362	0,367	0,217	-0,330	0,226	0,485	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-
x12	0,332	0,706	0,669	-0,561	0,389	0,195	0,332	-0,635	0,891	0,561	0,455	1,000	-	-	-	-	-	-	-
x13	0,183	0,862	0,943	-0,862	0,077	0,289	0,637	-0,635	0,681	0,757	0,693	0,666	1,000	-	-	-	-	-	-
x14	-0,023	0,173	0,310	-0,373	-0,383	0,457	0,457	-0,353	0,206	0,317	0,225	-0,001	0,259	1,000	-	-	-	-	-
x15	-0,642	-0,221	-0,047	-0,129	0,104	-0,593	0,253	0,133	-0,224	-0,044	0,027	-0,292	-0,031	-0,161	1,000	-	-	-	-
x16	-0,280	0,045	0,520	-0,446	0,168	-0,309	0,306	-0,108	0,330	0,101	0,150	0,195	0,414	-0,161	0,678	1,000	-	-	-
x17	0,566	0,583	0,307	-0,223	0,378	0,173	-0,003	-0,226	0,492	0,367	0,500	0,641	0,446	0,005	-0,378	-0,110	1,000	-	-
x18	-0,360	-0,149	-0,024	-0,061	-0,646	-0,256	0,452	0,010	0,012	0,045	-0,129	-0,152	-0,010	0,461	0,374	0,049	-0,215	1,000	-
ПЗ (ЮЛ)	-0,190	-0,760	-0,634	0,643	-0,172	-0,382	-0,839	0,905	-0,559	-0,899	-0,384	-0,453	-0,690	-0,500	0,072	-0,110	-0,150	-0,015	1,000

Источник: составлено автором по данным [69; 91].

ПРИЛОЖЕНИЕ Е
(информационное)

Оценка взаимозависимости просроченной задолженности по розничным кредитам и факторов внешней среды

Таблица Е.1 – Матрица корреляции для уравнения регрессии, описывающего динамику просроченной задолженности ФЛ

Переменная	t1	t2	t3	t4	t5	t6	t7	t8	t9	t10	t11	ПЗ (ФЛ)
t1	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
t2	0,652	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
t3	-0,050	0,125	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-	-
t4	-0,019	0,206	-0,320	1,000	-	-	-	-	-	-	-	-
t5	0,396	0,062	-0,866	0,339	1,000	-	-	-	-	-	-	-
t6	0,165	-0,235	-0,581	0,328	0,772	1,000	-	-	-	-	-	-
t7	-0,114	0,458	0,532	-0,250	-0,712	-0,874	1,000	-	-	-	-	-
t8	0,883	0,649	-0,174	0,317	0,536	0,351	-0,248	1,000	-	-	-	-
t9	0,572	0,066	-0,688	0,321	0,889	0,658	-0,658	0,662	1,000	-	-	-
t10	0,740	0,386	-0,065	-0,392	0,151	-0,017	0,065	0,481	0,248	1,000	-	-
t11	0,216	0,143	0,420	-0,425	-0,445	-0,523	0,353	-0,078	-0,319	0,420	1,000	-
ПЗ (ФЛ)	0,252	0,611	0,700	-0,188	-0,644	-0,791	0,765	0,094	-0,535	0,277	0,531	1,000

Источник: составлено автором по данным [69; 91].